

Вопрос: Кто имеет право писать свои воспоминания?

А.И.Герцен: Всякий. Потому что никто их не обязан читать.

Родилась я – Люба Ароновна Синельникова - 6 ноября 1931 года в Белоруссии, в городе Речица. Мама – Эсфирь (Эстер) Залмановна Синельникова (в девичестве Кофман) и папа – Арон Менделеевич Синельников жили в то время в доме маминых родителей Баси и Залмана Кофман. Мама рассказывала, что когда она сообщила о необходимости отправиться в роддом, папа воскликнул: «Как? Неужели ты выкинешь такую глупость накануне праздника?» (7 ноября – красный день календаря – годовщина Октябрьской Революции 1917-го года - в Советском Союзе это был главный праздник страны.) И она таки выкинула. А когда женщина – акушер приняла родившуюся девчонку, она хлопнула её по попе и сказала: «Эта девка построит коммунизм!» Пришлось стараться, чтобы оправдать это предсказание. И, видит Б-г, не моя вина, коль этого не случилось. Но это ещё не всё. В роддом за мамой и новорожденной отправились папа с тётёй Белой Болотиной, которая в то время не была ещё моей тётёй, а была маминной подругой и невестой маминого брата Пети. Когда в роддоме развернули предназначенный для мамы и новорожденной пакет с вещами, то вещей для меня не оказалось. Зато для мамы там находилось дорогое шёлковое бельё. Так и пришлось в первую свою поездку на транспорте мощностью в одну лошадиную силу отправиться завернутой в роддомовское одеяло. Мама долго потом попрекала свою подругу этим. Имя я получила в память о папиной маме Блюме, которая умерла за два года до моего рождения. Мне рассказывали, что папа воспитывал меня в строгости - не разрешал баловать. Если я начинала капризничать и плакать в его присутствии, он просто оставлял меня в кроватке и закрывал дверь в комнату. Маме и бабушке оставалось только страдать за дверью, слушая жалобный плач. А когда на головке появились два прыщика, папа сам их прижёт, не обращаясь к врачу, - так что волосы на их месте уже не выросли никогда. Во время болезней я успокаивалась и засыпала на высокой груди тёти Белы - об этом она сама мне неоднократно рассказывала.

Самые ранние мои воспоминания относятся, видимо, к 1934- му году. Мама , папа и я, трёхлетняя, живём в Ленинграде на Красной улице вместе с дядей Гришей Кофманом – маминим младшим братом. Он – студент Комбината точной механики и оптики, а затем аспирант Ленинградского института точной механики и оптики. На рабфак он был принят как выходец из бедняцкой крестьянской семьи. Комната в коммунальной квартире принадлежит ему. Я больна, сижу в кроватке, в комнате никого нет, мне скучно, кручу в руках выпавшую из маминой причёски шпильку, а передо мной на стене электрическая розетка...И что делает ребёнок в таком случае? Догадаться не трудно. Я ору от испуга, а вся квартира погружается во тьму.

Весной приехали к бабушке Басе и дедушке Залману Кофманам – маминим родителям, в Белоруссию, в г.Речица, где мы жили до переезда в Ленинград. Мне объяснили заранее, что бабушка и дедушка старые и больные, их нужно слушаться, им нужно помогать. Пока взрослые обмениваются приветствиями, усаживаются за стол, я самостоятельно отправляюсь в огород и обрываю все симпатичные зелёные помидорчики. Каково же было выражение лиц взрослых, когда они увидели меня, гордую и радостную, в ожидании похвал, с полным подолом несостоявшихся надежд на помидоры! Я не помню, чтоб меня ругали. Но сейчас, представив эту сцену, как будто слышу и вижу, как бабушка воскликнула «Вейз мир!», а дедушка погладил по головке. И ещё один клип, выражаясь нынешним языком, из той же поездки. Я играю с детьми

возле дома, в котором дедушка и ещё несколько евреев, в строгом секрете от окружающих, собрались помолиться. Я посвящена в этот секрет и позже пытаюсь шантажировать дедушку угрозой открыть тайну милиционеру, если дедушка не выполнит очередную мою просьбу. Дедушка делает вид, что напуган, и делает всё, как я хочу. Такой вот Павлик Морозов в 4-х летнем возрасте. Укладывая меня спать, бабушка приговаривает: «Бежала сучка через мост – четыре лапки, пятый хвост».

По возвращении домой, в Ленинград, я требую «хлеб с маслом, как с салом», т.е. масло кусочками, как делал это для меня дедушка. Меня обижает, когда взрослые почему-то смеются над моим белорусским говором или отдельными словами, и я больше их уже не произношу.

В 1935 г. дядя Гриша, которому было 26 лет, женился и привёз из Новозыбкова 20-летнюю красавицу - жену Лизу Марковскую, приходившуюся ему двоюродной сестрой. Нужно было срочно решать жилищную проблему.

Моему папе и маминому брату Марку (в семье его звали Мотл) удалось получить (приобрести?) 24-х метровую комнату на втором этаже в коммунальной квартире 14 по проспекту Володарского (ранее и позже - Литейный проспект) в доме 27. В этой комнате с двумя окнами, смотрящими в слепую стену соседнего флигеля, и поселились мои родители со мной, четырёхлетней, и Марк, который к тому времени разошёлся с женой Соней Шмаёнок. Когда мы бывали в Лесном (в то время окраина Ленинграда), в гостях у маминого брата Пети, его жены Белы и дочери Сонечки, заходили и к тётке Соне, маленького роста, доброй, весёлой, никогда не унывающей женщине.

С этого времени началась моя общественная жизнь – меня начали водить в детский сад. Младшая группа детсада находилась на ул. Моховая. Помню большие комнаты с высокими потолками и огромными окнами, дававшими много света. Воспитательницей была молодая грузинка. Какие только небывлицы ни сочинялись нами, детьми, о её родстве с грузином Сталиным! И мы готовы были любить её только за это. На прогулку нас водили в небольшой сквер при церкви, конечно, заброшенной, на углу Моховой улицы и улицы Белинского. Какие бодрые песни мы распевали! Взять хотя бы эту:

Возьмём винтовки новые –на них флажки,
И с песнею в стрелковые пойдём кружки...

Пели мы революционные песни, песни о героях Гражданской войны – Чапаеве, Щорсе, Котовском. Например, вот эти:

Шёл отряд по берегу, шёл издалека,
Шёл под Красным Знаменем командир полка –
Голова обвязана, кровь на рукаве,
След кровавый стелется по сырой траве.

.....
Хлопцы, чьи вы будете? Кто вас в бой ведёт?
Щорс под Красным Знаменем раненый идёт.

Или

Там вдали за рекой загорались огни,
В небе ясном заря догорала.
Сотня юных бойцов из Будёновских войск
На разведку в поля поскакала.

И многие другие.

Детская вера в истинность их подвигов, их героизма была столь искренней, столь прочной, что

даже во взрослом состоянии не разрушена до конца. И очень нравилась нам грузинская песня «Сулико», потому что её любил товарищ Сталин.

Старшая группа детсада располагалась на пр. Володарского, 29, рядом с домом, где мы жили, над почтовым отделением. О пребывании в этой группе в памяти остались только ответственность во время дежурства с повязками на рукаве, занятия рисованием, игра в «дочки – матери» да прогулки в тепер уже другой, побольше, сквер на пр. Володарского, 57, при доме, глядя на который из своего кабинета, русский поэт А.Н.Некрасов написал своё знаменитое стихотворение, начинающееся словами: «Вот парадный подъезд. По торжественным дням...». Интересно, что много лет спустя, уже после окончания института, когда, забрав там последний документ – направление на работу на Кузнецкий металлургический комбинат и сев на Б.Пушкарской в автобус №1, я поймала взгляд симпатичного молодого человека, который вдруг спросил: «Вы ходили в детсад?». Сочтя это простым заигрыванием, отвечаю: «И в ясли ходила». Когда последовало уточнение: «На Литейном 29? Вас ведь Люба зовут?», я посмотрела на молодого человека и, в свою очередь, спросила: «А Вас Толя зовут?». Как интересно срабатывает память! Каким –то образом она вычленила это имя, и перед глазами возник тот детсадовский мальчик, черты которого трудно было разглядеть в незнакомом молодом человеке.

Квартира наша начиналась с кухни и, несмотря на то, что находилась она на втором этаже, с лестницы в неё вели две ступеньки вниз. Окон нет. Лампочка под потолком слабо освещает её. Застоявшийся запах жареного лука и кипячёного белья. Почти всю правую стенку занимает деревянная плита, оставив уголок для крана с холодной водой (о том, что из крана может течь горячая вода, мы не имели представления) с маленькой железной раковиной с проплешинами ржавчины. Плита топилась редко. Обычно на ней стояли примусы, керосинки, а позднее ... керогазы – чудо техники, на которых готовилась и разогревалась еда, закипали чайники, кипятилось в больших кастрюлях (выварках) бельё. Обычно, примусам, сверкающим начищенными медными корпусами, давалось предпочтение, т.к. они давали больше тепла, и процесс варки происходил быстрее. Но, в отличие от керосинок, пламя примусов было нерегулируемым. Правее входной двери была дверь в уборную, стены которой были увешаны тазами, корытами для стирки белья, стиральными досками. Чтобы сработал сливной бачок унитаза, закреплённый на стене на высоте около 2-х метров, нужно было дёрнуть за ручку, свисавшую с бачка на цепочке. А на полу выстроились ночные горшки. Там всегда холод и запотевшие стены. Отопление было печное и только в жилых комнатах. Вдоль левой стены кухни стояли кухонные столики жильцов, покрытые клеёнками. В столиках – кухонные принадлежности, над ними - полки с кастрюлями, чайниками, сковородками. Слева от входной двери дверь в две маленькие узкие смежные комнатки, принадлежащие бывшей хозяйке всей квартиры. Между собой соседи называли её Кися. Появляется она в квартире изредка. Ещё одна дверь из кухни вела в комнату, в которой жили тётя Клава с дядей Федей, потом у них родился сын Валя. Дядя Федя погиб на Финской войне в 1939 году. Тётя Клава зарабатывала на жизнь шитьём. И наконец, дверь, ведущая в узкий коридор. На стенах и вдоль стен коридора висят и лежат вещи, не нашедшие места в комнатах.

Вначале в этот коридор выходило две двери. Дверь в торце коридора вела в узкую длинную тёмную комнату. В ней жили Ивановы: спокойный, добрый, работающий Дмитрий Иванович, никогда не улыбающаяся, державшая в страхе всю квартиру Просковья Никоноровна, их младшая дочка, моя ровесница, приветливая и улыбчивая Олечка, старшая дочка Маруся и их средний ребёнок – сын Ваня – весь в отца, такой же спокойный, добрый. Маруся была на четыре года старше меня. Она любила нами командовать, читала нам книжки, а когда рассказывала про

«чёрную, чёрную комнату», мы со страха залезали под стол.

Вторая дверь из коридора вела в нашу комнату.

Наша спокойная совместная жизнь с Марком продлилась недолго, так как он вскоре женился во второй раз. Жёну его звали Циля. Это была симпатичная, милая, интеллигентная женщина – такой она мне запомнилась. В семье её звали ласково Ципоирка. Помню как я иду с ней солнечным утром по проспекту Володарского к Дому Красной Армии (после войны - Дом Офицеров), а из уличных репродукторов льётся красивая песня «Москва майская»:

Утро красит нежным цветом стены древнего Кремля,
Просыпается с рассветом вся Советская страна.
Холодок бежит за ворот. Шум на улицах сильней.
С добрым утром, милый город – сердце Родины моей!

Нелегко стало жить в одной комнате двум разным семьям: одна – молодожёны, во второй – маленький ребёнок, который то болеет, то не во время просится на горшок. Отношения стали портиться, комнату разделили капитальной стеной, а в коридоре появилась ещё одна дверь.

Ребёнком я росла слабеньким. В лёгких обнаружили каверны, поставили на учёт в тубдиспансере. Помню и своё пребывание в «глистогонном пункте». Позднее я никогда более не слышала о таком медицинском учреждении. Помню, как подходя к парадной дома, в котором живут дядя Гриша с тётёй Лизой, мама просит меня потереть щёки, чтобы они зарумянились – ей неприятно постоянно выслушивать причитания по поводу моей бледности. Ела я плохо. Никакая мамина еда меня не прельщала. Но когда возвращался с работы Дмитрий Иванович, и Ивановы приглашали меня вместе с ними пообедать, я с превеликим удовольствием уплетала за обе щёки жареную на постном масле картошку. Приглашения эти происходили, скорее всего, с маминой подачи.

Летом родители старались вывезти меня из города. Так, летом 1937 –го года мама со мной жила на даче на берегу Финского залива в посёлке Песочное. По выходным к нам приезжал папа. С нашего, советского, берега мы старались разглядеть финский. Это ведь было до войны с Финляндией, и Зеленогорск ещё назывался Териоки, Репино – Райволово, Солнечное – Олило, и находились они на территории Финляндии.

Летом 1938-го года меня, по рекомендации врачей, отправили в санаторий для ослабленных детей. Санаторий находился в прекрасном месте под Ленинградом – в посёлке Кезево, недалеко от станции Сиверская. И причина отправки была не только в слабом моём здоровье, но и в том, что летом маме предстояли роды, и родители решили, что маме лучше оставаться в городе. Я с удовольствием общалась с детьми, мы были под неусыпным наблюдением врачей. Мне, например, не разрешали какое-то время купаться в реке, а несколько дней поливали из лейки в тени, потом несколько дней поливали уже на солнце и только потом разрешили купание, постепенно увеличивая время пребывания в воде. Но оставалось время и для слёз – ведь за всё время меня только однажды сумел посетить папа и ещё один раз – дядя Миша, папин младший брат. Посещение дяди Миши запомнилось особенно. Дело в том, что он привёз мне большой кулёк абрикосов – для меня это было редкостью. Не помню по каким причинам этот кулёк у меня забрали, не дав попробовать и пообещав вернуть его назавтра. Однако, ни завтра, ни в следующие дни я абрикосы не получила. Пропали безвозвратно. Но посещение дяди Миши не прошло бесследно. Он был молод, красив да, к тому же, холост. Хотя и не было мне ещё и семи лет, но я заметила изменившееся внимание ко мне со стороны молодых воспитательниц. Почему-то именно с дядей Мишей связана у меня популярная в те годы песня:

Жили два друга в нашем полку,
Пой песню, пой.

Если один из друзей грустил,
Смеялся и пел другой. И т.д.

21 –го июля родился долгожданный сын! Назвали его Михаилом в память о папином отце Менделе Синельникове, умершем в голодном 1930-м году в г. Злынка Брянской области. Жил братик под именем Михаил около месяца. 16-го августа у тётки Розы и дяди Сени – папиного брата, тоже родился сын, и его тоже назвали Михаилом. Видимо, папа решил, что достаточно того, что в обеих семьях были дочки с одинаковыми именами и, даже без согласия мамы, изменил имя Михаил на Эммануил. Так звали папиного дядю, которого к тому времени уже не было в живых. Говорили, что Эмик и похож был на него: коренастый, смуглый, с волосами чёрными, как вороново крыло. Папа был счастлив! Сделал маме царский подарок – отрез чёрного крепдешина на платье. Мама была поглощена малышом. В один из своих выходных папе пришлось пойти со мной в магазины, и мне были куплены туфельки – баретки и белая кроличья шубка, прослужившая мне до полного облысения.

Некоторое время мы продолжали ютиться вчетвером в полутёмной 12-ти метровой комнате. Две соседние, принадлежавшие упоминавшейся Кисе комнаты, практически пустовали – Кися изредка появлялась в квартире. Однажды она сказала папе по секрету о том, что решила вообще отказаться от них и выписаться из квартиры, и предложила папе занять их. Вряд ли это предложение было безвозмездным, но папа самовольно, не имея ордера, открыл скрытую ранее под обоями дверь в соседнюю, такую же маленькую, комнату. Эта комната имела преимущество – её окно не упиралось в стену, а выходило во двор - колодец. Присоединить вторую Кисину комнату размером не более 6-ти метров (когда-то именно с неё начиналась квартира – дверь с лестницы в эту комнату и была парадной, и без всяких ступенек вниз) папа, видимо, не решился. В неё позднее вселилась семья Нестеровых из четырёх человек с пьяницей-отцом во главе. За нашим самовольным вселением последовала длительная нервотрёпка со всякого рода комиссиями, но, в конце концов, всё закончилось благополучно, и у нас появились две 12-ти метровые комнаты – столовая и спальня. Дверь из коридора вела в столовую: справа у входа обеденный стол с оранжевым шёлковым абажуром над ним, потом диван и в самом углу этажерка, а слева от двери – круглая печка, буфет и дверь в спальню. В спальне напротив двери – платяной одностворчатый шкаф красного дерева - мамино приданое, рядом с ним моя кровать, справа у окна – письменный стол, а слева вдоль стены - кроватка Эмика и родительская кровать. Гости обычно садились вокруг стола в столовой. Когда же наступало моё время идти спать, папа произносил: «Люба» и переводил взгляд с меня на дверь в спальню – всё было понятно без слов. Папин брат, мой дядя Миша, даже много лет спустя, напоминал мне об этом, копируя папину мимику. Строг был папа – ничего не скажешь. И ещё у нас появилась домработница – молоденькая деревенская девушка Нина. На её попечении был Эмик, так как мама пошла работать. Работала мама продавцом в продуктовом магазине у Финляндского вокзала. Директором магазина был её брат Петя (Пейсах). Запомнился её рассказ о том, как однажды в магазин набилось столько народа, что дяде Пете пришлось по головам выбираться на улицу, чтобы вызвать милицию. Эмика вывозили гулять в высокой коляске, называвшейся мольпост. Я же продолжала посещать детский сад. Помню, как меня, больную ветряной оспой, оставили дома одну, заперев дверь на ключ. Выходить в коридор, а тем более на кухню, мне строго-настроено запретили, чтобы не заразить других детей. Мы с Олей долго общались через закрытую дверь, потом нам этого показалось мало, я нашла запасной ключ, подсунула его под дверь, Оля с той стороны её открыла. Почему мы не догадались открыть дверь со стороны комнаты – не помню. Видимо, логика была проста: раз закрыли с той стороны, то и открывать нужно с той же. Обрадованные долгожданной встречей, мы танцевали и катались по коридору на моём

трёхколёсном велосипеде пока кто-то из пришедших взрослых не прервал наше веселье. В итоге, Оля тоже слегла с ветрянкой. Меня считали виновницей её болезни. В эти же дни очень тяжёлой формой ветрянки заболел тёти Клавин малыш, с котрым ни я, ни Оля не имели контакта. Все соседи очень за него переживали. На счастье, всё обошлось. Это было ещё до рождения Эмика.

Летом 1939-го года мы отдыхали в Вышкове Брянской области – станция недалеко от Гомеля. Славились эти места сосновыми лесами. Там располагались дома отдыха и санатории для больных туберкулёзом, в которых отдыхали и лечились люди со всех концов страны. Впрочем, это место как нельзя лучше подходило для моего хилого здоровья. К тому же, его (здоровье) нужно было подкрепить перед школой – осенью я шла в первый класс. Далекое не последней причиной выбора этого места нашего отдыха было то, что вблизи него находился городок Злынка, на кладбище которого покоились папины родители, с котрым была связана молодость папы и его братьев и сестры, и в котром продолжал жить старший брат папы Борис с семьёй. Семья эта состояла из пяти человек: дядя Борис, его жена тётя Элька, старший 16-ти летний сын Наум (Нёма), двое 13-ти летних близнецов Залман (Зяма) и Израиль (Зая) и тёти Элькина сестра Рива. Рассказывали, что близнецы родились недоношенные, и выходила их бабушка Блюма. Она укладывала их в коробку с ватой, а коробку клала на русскую печь. Дядя Борис работал во время нашего приезда в одном из расположенных в Вышкове санаториев и приезжал из Злынки в Вышков на подводе. Для меня было радостью перехватить его, возвращающегося с работы, и хоть немного проехать на телеге. Однажды, подхватив меня, он обжёг мою руку горячей папиросой. Маме я объяснила ожог укусом пчелы. Так это и осталось моим с дядей Борисом секретом. В то лето в Вышкове отдыхала ещё одна семья Синельниковых. На фотокарточках мы все вместе: мама с папой, я, впервые Эмик – маленький карапузик, мудрая и добрая тётя Фаня – жена папиного дяди Сролнееха (Израиля), их сын Аркадий с семьёй и их младшая любимая дочь 16-ти летняя Лизочка. У Лизочки с Нёмой, может быть, тогда и зародилась любовь, оборвавшаяся, к сожалению, гибелью Нёмы на фронте в 1944-м году. Долгое время в семейном альбоме хранилась фотокарточка годовалого Эмика – голый хорошенький карапузик стоит на пеньке. Подросший Эмик её порвал.

Всплывает перед глазами картинка: Сцена на открытом воздухе в санатории, где работал дядя Борис, на скамейках публика, в том числе и наше многочисленное семейство, а на сцене Нёма в белом докторском халате и в очках. Перед ним толстенный «пациент». «Раздевайтесь» произносит «доктор». «Пациент» снимает первый слой одежды. «Доктор» поднимает голову от бумаг и опять просит «пациента» раздеться. Тот снимает следующий слой одежды. И так продолжается до тех пор пока на полу ни образуется гора одежды, а перед публикой предстаёт тощенький мальчик в одних трусиках. Публика умирает со смеху.

Снимали мы в Вышкове комнату в деревенском доме. С хозяйской девочкой мы играли во дворе, на чердаке дома, ходили со взрослыми на речку и в лес по грибы и ягоды. Но в определённое время я шла к владелице козы, чтобы, зажав пальцами нос, выпить стакан ещё тёплого парного молока – поправляла здоровье, готовясь к школе.

14-ая средняя школа (впоследствии – 191-ая) находилась на ул. Моховая во втором дворе дома, номера которого я не помню. Проучилась я в этой школе два года, ничего особо запомнившегося со мной в школе не произошло. Вот разве что на всю жизнь осталась обида на учительницу, котрая перед всем классом, не щадя детское самолюбие, высмеяла меня за букву «а» в слове «корова» или «собака». Училась я хорошо, была аккуратным дисциплинированным ребёнком - особых хлопот учительнице не доставляла.

В те годы считалось не лишним дополнительно к школьным занятиям учить детей немецкому языку дома. В школе начинали изучать иностранный язык только с 5-го класса. Ко мне стала

приходить немолодая женщина. Методика у неё была простая: она открывала тонюсенький немецко-русский словарь и предлагала заучивать слова по-порядку, начиная с буквы «а». С тех пор я хорошо помню слова: «Apfel» - «яблоко» и «Abend» – «вечер». Не знаю, я ли отказалась с ней заниматься, родители ли поняли уровень её педагогики, но появляться у нас дома она перестала.

Выйдя после уроков со школы, я поворачиваю по Моховой направо, затем ещё раз направо на улицу Пестеля и оказываюсь перед витриной игрушечного магазина, а частенько и в самом магазине. Денег на покупку у меня, конечно, нет, но посмотреть-то можно. А потом дальше по Пестеля. На другой стороне улицы – тележка с надписью «Мороженое», и продавщица выдавливает из формочки это самое мороженое, сжатое с двух сторон дисками- вафельками с именами. Как хорошо, что от школьного завтрака остались пять копеек! Можно продолжить путь. На перекрёстке Пестеля и Володарского перехожу улицу обратно и просто упираюсь в дверь кондитерского магазина «Росконд». Ну как не зайти и хотя бы полюбоваться красивыми фантиками конфет «Мишка косолапый», «Мишка на севере»! Справа от входа продавщица в белоснежной куртке наливает в стаканы шипучую газировку: кому с красным или жёлтым сиропом, кому – с двойным, а кому и «простую». Налюбовавшись, продолжаю путь по Володарского. Мой дом - третий от угла. Не доходя до ворот – парикмахерская, а после них – булочная, и уже в следующем доме – на первом этаже почта, а на втором – мой детсад. Какие вкусные свежайшие слойки я покупала в этой булочной! Но пора и во двор. Там уже высыпала вся наша детвора. Сколько разных игр мы знали! Сейчас и не вспомнить. Девочки больше любили прыгать на скакалке или на «скачке», играть в «школу – мячики», «в дочки-матери». С мальчиками играли в «прятки», «пятнашки», «штандор». Вспоминается вот такая вот абракадабра- считалка:

Эники-беники, три колеса.

Эники-беники-ба!

Или:

На золотом крыльце сидели

Царь, царевич, король, королевич,

Сапожник, портной.

Кто ты такой?

А когда выходили во двор мальчики постарше, затевались «лапта», «казаки – разбойники». Набегавшись, садились на широкий подоконник тёти Катиного открытого окна и помогали ей вдёргивать шнурочки в мешочки для лото. Тётя Катя работала в инвалидной артели надомницей. В плохую погоду, когда нельзя было играть во дворе, собирались на нашей лестнице, садились на широком подоконнике второго этажа и играли в «буриме», в «чёрное и белое не покупайте, а про красное не вспоминайте» и другие игры. Спускающаяся с верхнего этажа пожилая женщина с собакой-овчаркой на поводке, проходя мимо нас, бросает: «Мыться, мыться, спать ложиться». Однажды, поднимаясь по лестнице, я была очень напугана этой собакой, которая, почему-то без поводка, мчалась мне навстречу. С тех пор осторожность в общении с собаками осталась на всю жизнь. В мае 2009 года, во время очередного моего посещения Петербурга, который навсегда останется для меня Ленинградом, меня просто потянуло в места моего детства. Каменной тумбы у ворот не оказалось. Вход под арку закрыт металлическими воротами. Через калитку прошла под арку. Дверь на лестницу, на первом этаже которой находился ЖАКТ – жилищная контора, исчезла. Вместо бульжника двор покрыт асфальтом. Окна наших комнат выглядят, как окна нежилых помещений, без занавесок, без цветочков. Над тёти Катиным окном вывеска какой-то конторы, вход в которую не из нашей парадной, а отдельный, правее. Вхожу в парадную, и как будто не прошло более шестидесяти лет – те же стёршиеся ступени, те же ободранные перила, а

вот и подоконник второго этажа – он такой же широкий, как остался в памяти, на нём, конечно же, можно было разместиться. Парадная дверь в нашу квартиру, по-прежнему, заколочена. Поднимаюсь ещё на две ступеньки, но нажать кнопку электрического звонка не решаюсь.

Но возвращаюсь в 1940-й год. Поближе к весне, приехал к нам из Речицы старший мамин брат Лёва (Лейба). В начале 20-х годов он участвовал в боях с белополяками и был взят в плен. Поляки его, раненого «жидку», выбросили на ходу из поезда. Он добрался до дома, подлечился, но остался на всю жизнь инвалидом – передвигался на костылях, но работал, содержал свою семью, жену Рейзл и троих детей – старший, Абраша, 15-летним мальчишкой ушедший добровольцем в 1942 году на войну с фашистами, средний Ица(Исаак) – мой ровесник, и младшая, любимая, Раечка. Эта семья жила в Речице, занимая часть того же дома, где жили бабушка с дедушкой. Приехал он в Ленинград с надеждой на то, что ленинградские врачи избавят его от боли в отсутствующей ноге. Надежда не оправдалась. С его пребыванием у нас запомнился мне такой случай. Однажды в солнечный весенний день он решил прогуляться самостоятельно. Пошёл по пр. Володарского в сторону Невского (тогда это был проспект 25-го Октября), дошёл до сквера, устал, присел на каменное основание ограды, костыли поставил рядом и кепку рядом положил, и тут ... прохожие стали бросать в кепку монеты. Это его и оскорбило, и растрогало – какие в Ленинграде душевные люди! С прогулки вернулся он в слезах. Из Речицы приходили иногда посылки с банками вишнёвого варенья. Из одной банки мама вынула серебряную ложку, наполовину съеденную с одной стороны. Оказалось, что это была любимая ложка бабушки, которую она долго и безуспешно искала.

Одна из мам в нашем дворе решила вовлечь детей в культурную жизнь, для чего занялась постановкой сказки «Принцесса на горошине». На роль изнеженной принцессы, через несколько перин ощущавшей лежащую под ними горошину, была назначена я. К репетициям исполнители относились очень серьёзно. Реквизит и костюмы собирались по квартирам. Для родителей и других жильцов в жилищной конторе было дано два представления.

В это время в нескольких десятках километров от Ленинграда на Карельском перешейке шла жестокая война с белофинами. Началась она 30 ноября 1939 года и закончилась 12 марта 1940 года. Война была короткой, но кровавой – множество убитых и раненых, а ещё больше обмороженных, т.к. морозы в ту зиму доходили до 40 градусов по Цельсию. Командовал финской армией бывший генерал царской (российской) армии Маннергейм. В результате, советско-финская граница оказалась отодвинутой от Ленинграда, а ленинградцы получили прекрасную зону отдыха. Мне же запомнились неоднократные учебные тревоги, учебные занятия по оказанию помощи пострадавшим, в которых мы, дети, исполняли роли раненых, затемнения окон во время этих тревог. С каким рвением мы мчались в те квартиры, из окон которых пробивался малейший лучик света, чтобы предупредить жильцов! Подвалы были освобождены от хранившихся там дров – в домах ведь было печное отопление. Подвалы предполагалось использовать в качестве бомбоубежищ. Вся эта учёба и подготовка ох как пригодилась в 1941-м году!

Последнее предвоенное лето мы провели недалеко от Ленинграда, в Вырице, на второй платформе. Помню, как ехали мы туда на «полуторке» - мама с Эмиком в кабине, а я с папой в открытом кузове. Грузовик заправлялся не бензином, а деревянными чурками, и этих чурок не хватало. Шофёр остановил машину на обочине, и пошёл с папой в лес. Они нарубили там деревьяшек, и мы поехали дальше. Снимали мы у хозяев комнату. Ещё одну комнату снимала семья папиного сослуживца, в которой тоже было двое детей примерно одного с нами возраста. В этом же доме жили хозяева – интеллигентная супружеская пара с 18-летней дочкой – красивой девушкой, у которой уже был молодой человек. И была у них любимая кошка Маркиза. Однажды,

когда дочка была в Ленинграде, кошка исчезла. Искали её повсюду, но безрезультатно. Плохая примета, связанная с уходом кошки из дома, подтвердилась. Дочка сорвалась с качелей, на которых она была со своим кавалером, и получила сложный перелом, оставшись инвалидом. Приезд на выходной день папы был настоящим праздником! Здесь стоит заметить, что в то время дни отсчитывались не неделями, а шестидневками: пять дней были рабочими, а шестой – выходным. На недели – шесть рабочих дней, а седьмой (воскресенье) выходной – страна перешла во время войны. Мы всей семьёй ходили на речку, в лес. Однажды в лесу увидели змею. Папа привёз её домой и заспиртовал. Банку с этой змеей поставили за окном. Вернувшись после войны из эвакуации, мы её, конечно, не обнаружили. Обязательным атрибутом папиного приезда было чаепитие на воздухе с самоваром, вареньем, маминым пирогом, испечённым в «чудо-печке». Один такой день запечатлён на фотографиях – в этот день Эмику исполнилось 2 года. Наша, детская, задача была - насобирать сосновые шишки для самовара. Дачный участок был большим. Половину его занимал молодой сосновый лес, продолжавшийся и за забором. И под этими молодыми сосёнками каждое утро появлялись молоденькие маслята. Очень хороши они были в жареном виде! А ещё вспоминается гоголь-моголь, напиток из яйца, взбитого с молоком, сахаром и какао. Его считали очень полезным для здоровья. Пила я его с закрытыми глазами в отличие от рыбьего жира, десертную ложку которого я пила с зажатыми ноздрями и заедала кусочком посыпаного солью ржаного хлеба.

Второй год учёбы в школе запомнился выступлением школьного хора по ленинградскому радио. Мне было обидно, что меня поставили в группу вторых голосов – ведь мне никто не объяснил, что это не хуже, а просто другое. А дома я подружилась с Ниной –нашей домработницей и даже не выдала её, когда она разбила литровую стеклянную банку с топлёным гусиным жиром. Она его переложила в другую банку и поставила на прежнее место – между рамами окна (о холодильнике мы тогда и знать не знали). Вскоре наша тайна была раскрыта, так как папа заметил на банке кровь, оставшуюся от Нининого пораненного пальца. Перетопив жир, обнаружили на дне кастрюли мелкие осколки стекла. Посещение врача успокоило родителей – раз за прошедшие несколько дней ничего страшного не произошло, то нечего и беспокоиться. После первой, неудачной, попытки обучения немецкому языку мне несказанно повезло! Мама отвела меня к милой, доброй, интеллигентной, маленькой, совершенно седой, женщине. Жила она в первом дворе дома, где находилась моя школа. Была она этнической немкой. К ней на занятия я бегала с удовольствием. В группе было ещё трое детей моего возраста. Мы садились за стол, на котором находились «циммерхен» - комнатки, сделанные из проволоки, игрушечная мебель, деревья и разного пола и возраста куколки. И ... начиналась сказка, сопровождаемая действиями куколок. При этом, если фраза произносилась учительницей на немецком языке, мы должны были произнести её по-русски, и наоборот. Мы запоминали отдельные слова и целые фразы прямо налету. Не было никакой зубрёжки. Эти занятия прекратились с окончанием учебного года, как предполагали, на летние каникулы, а вышло – навсегда. В самом начале войны всех этнических немцев вывезли из Ленинграда из-за угрозы шпионажа, дав на сборы 24 часа. Среди них была, конечно, и наша учительница, имя которой моя память, к сожалению, не сохранила.

Ещё до начала войны в Ленинграде были перебои с продуктами. Когда кто-нибудь из жильцов квартиры узнавал о появлении в ближайшем гастрономе на углу Литейного и Пестеля какого-то продукта, мы дружно отправлялись занимать очередь. Так было и в тот злополучный день. В гастрономе «давали» молоко. Длинная очередь, повернув с Литейного, выстроилась вдоль Пестеля. Вместе с нашими соседями томилась в очереди и я. Меня отозвала в сторонку симпатичная, аккуратно одетая девочка ненамного старше меня. Пожалев меня, она сказала, что

знает заведующую магазином и может купить мне молоко без очереди. Я отказалась и вернулась к своим. Но девочка подходила ещё пару раз, уверяя, что она не обманщица, что просто хочет помочь мне. В конце концов, я устыдилась своего недоверия к этой «доброй» девочке. Она провела меня в магазин, взяла мой рубль и вошла в зеркальную дверь, ведущую в служебные помещения. Стоя у этой двери, я провела довольно много времени прежде, чем поняла, что мои сомнения были не напрасны. Сгорая от стыда, без молока и без рубля, я поплелась к дому, внимательно разглядывая валявшиеся на тротуаре бумажки – вдруг это рубль. Дойдя до ворот своего дома, я долго ещё сидела на каменной тумбе у ворот, надеясь на чудо. Дома, к счастью, я застала пришедшего в гости папиного брата – добрейшего дядю Доню. Я рассказала о своем несчастье, меня успокоили, этим дело и закончилось.

В начале весны 1941 года в Ленинград приехали бабушка с дедушкой. Приехали погостить, а заодно показать врачам дедушкину руку. С рукой связана такая история. Однажды дедушка с одним из сыновей был в поле (жили они до переезда в Речицу в деревне Дуброва), внезапно набежала огромная грозовая туча. Нужно было спасти скошенное сено. Дедушка послал сына за подмогой, а сам взялся за работу. Пока прибежали крестьяне, дедушка успел сметать сено. После этого на внешней стороне правой ладони стала расти шишка, достигшая величины «с кулак». Однако, ленинградские врачи не рекомендовали делать операцию ввиду слабого дедушкиного сердца. Помню бабушку сидящей в нашей комнате на стуле и расчёсывающей длинные до пола седые волосы. Она рассказывала, что за свою жизнь «вырезала семь кос для своих невесток». Это была моя последняя встреча с ними. На память об их пребывании в Ленинграде осталось несколько фотографий.

Однажды зимой папа, мама и я поехали в гости к тётке Циле и дяде Сене. Они поменяли свою комнату на Бассейной (старое название ул. Некрасова) на комнату, тоже в коммунальной квартире, на набережной реки Пряжка. Зима была снежной, и вдоль всего берега дети и взрослые скатывались на санках на лёд реки. Папа попросил у кого-то санки, и мы втроём пару раз прокатились, и только после этого появились у Хуторецких. Кстати, с ними вместе жил и дядя Миша. Не помню, отличалась ли новая комната от старой по габаритам, но соседей в квартире было меньше. Зато чудесные кресла, одно из которых качалось, а второе вращалось, были на своих местах – одно у стола, а второе рядом со столом. Эти кресла пользовались любовью как моего, так и последующих поколений детей в разросшейся семье Синельниковых. В этой квартире жила девушка Зоя, родившая в 1938 году дяде Мише дочку Марину. Об этом знали только тётка Цилия и дядя Сеня. Для остальных эта тайна была раскрыта уже после войны, когда Марине было 7- 8 лет. От родных слышала, что т.Цилия и д.Сеня, не имевшие детей, очень хотели удочерить её сразу после рождения, но Зоя Ивановна на это не пошла.

Незадолго до войны переполох в квартире вызвало появление у нас радиоприёмника. Соседей беспокоило, как будет оплачиваться потребляемая им электроэнергия, ведь счётчик был один на всю квартиру. Вызванный контролёр объяснил, что радиоприёмник следует учитывать как ещё одну лампочку. Радиоприёмник в красивом деревянном корпусе с вращающимся при настройке глобусом занял почётное место на этажерке. Простоять ему там пришлось недолго. В первые же дни войны было приказано сдать все радиоприёмники.

Второй класс школы успешно окончен. Впереди лето 1941-го года. Уедем отдыхать опять в Вышков. Взяты билеты на поезд на 23 июня. Накануне всё готово к отъезду. Ждём в гости папину сестру тётку Цилю с мужем дядей Сеней Хуторецким. Меня в новом нарядном белом в цветочек с оборочками платьице выпускают во двор погулять до приезда гостей. Тёплый солнечный день, какие бывают в Ленинграде в мае – июне. Мы с девочками скачем на «скачке». Замечаем озабоченно идущего через двор тёти Катиного сына, работавшего на строительстве метро, что

было в то время большим секретом. Это нас почему-то настораживает. И тут из открытого тѣти Катиного окна, из включѣнной радиоточки - чѣрной бумажной «тарелки» доносятся суровые слова о нападении фашистов на нашу страну. На этом закончилось моѣ беззаботное детство. Это было 22-го июня 1941-го года.

«Двадцать второго июня
Ровно в четыре часа
Киев бомбили.
Нам объявили,

Что началась война...» Так поѣтся в одной из самых популярных песен военных лет.

Билеты были возвращены в кассу, радиприѣмник сдан на склад в Гостином дворе, стѣкла в оконных рамах заклеены крест-накрест полосками бумаги. Все уверены, что война – это ненадолго, по примеру финской. Но немецкая армия стала быстро продвигаться в глубь страны. Руководство Ленинграда принимает решение вывезти из города детей. Родители не знают на что решиться. Ивановы решили своих детей не отпускать – если погибать, то всем вместе. У меня живы воспоминания о лете, проведенном в детском санатории в Кезево, и я хочу уехать. И родители соглашаются, хотя до последней минуты не уверены в правильности своего решения. Из нашего двора уезжают с 14-ой школой семеро детей: две сестры Ивановы, живущие на первом этаже двухэтажного флигеля, брат и сестра Орловы, Лѣня Чуев, Павлик (фамилии не помню) и я. Целыми днями мы возбужденно обсуждаем во дворе предстоящий отъезд. С теми, кто остаѣтся, нам общаться неинтересно. Мама просит побыть с ней, но какое там! Кроме того, мы зорко следим за каждым, показавшимся нам подозрительным, мужчиной – ищем шпионов. Становится известной дата отъезда – 3 июля. Дома начинаются сборы. В магазине на Володарского, напротив сквера, мне покупают осеннее пальто, немного навыврост, но других нет. Слышу, как мои родители обсуждают, надо ли и сколько денег дать мне с собой. В истории семьи осталась сказанная мною, 9-ти летней, фраза: «Не бойтесь, на конфетки не потрачу». Под подкладку нового пальто мама зашивает 10 – рублѣвую купюру.

3 июля 1941 года, всего на двенадцатый день войны, эшелон со школьниками Дзержинского района Ленинграда отправляется в эвакуацию. На перроне толпа провожающих – последние слова прощания, поцелуи, слѣзы, последний взмах папиной руки у края перрона... Могли ли мы тогда даже предполагать, что ждѣт нас всех впереди – и уезжающих, и провожающих? Но мы бодро пели :

«Пусть помнит враг, укрывшийся в засаде,
Мы начеку, мы за врагом следим.
Чужой земли мы не хотим ни пяди,
Но и своей вершка не отдадим.
Гремя огнѣм, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлѣт товарищ Сталин,
И первый маршал в бой нас поведѣт.»

(Первый маршал – это герой Гражданской войны, бывший командующий Первой конной армией, Климент Ефремович Ворошилов.)

И мы беззаботно располагаемся в вагоне пассажирского поезда, достаѣм из кулѣчков конфеты, печенье. Нам нисколько не грустно. Нам интересно! С нами наши школьные учителя, директор школы. Правда, учительницы моего класса нет, а есть Евдокия Терентьевна – учительница параллельного класса. Забыла и корю себя за то, что не удосужилась узнать позднее имя

директора школы - женщины, которая не растерялась в трудный момент и спасла жизни многим из нас. Высадились мы на станции Старая Русса Новгородской области. Разместили нас в двухэтажном деревянном доме в селе, расположенном километрах в 20-ти от города. Видимо, это было здание школы. Почему-то запомнилось название Александровка. Но, может быть, это название другого села, в котором мы оказались позднее. Поселили нас по классам: младших на первом этаже, старших на втором. Кормили в каком-то другом здании, при этом пользовались мы собственной «посудой». У многих детей были с собой кружки. У меня же оказался пластмассовый коричневый стаканчик, предназначенный для использования при чистке зубов. Это и была моя «посуда», в которую мне наливали суп.

Помнится лес, в котором росли высокие папортники и было много ягод. Однажды ночью мальчик на втором этаже пошёл в уборную, и в маленькое окошко увидел сполохи пламени. С криком «Пожар!» он выскочил в коридор. Нас быстро разбудили и вывели на улицу. Но паника оказалась напрасной, пожара в здании не было. Утром выяснилось, что из окошка уборной был виден пожар в Старой Руссе, которая ночью подверглась бомбёжке. В ближайшие дни немцы захватили город. Мы, дети, не понимали, чем нам это грозит. Взрослым же всё было понятно. Через день – два нас разбудили ранним утром, выдали каждому по мешочку с пилёным сахаром и сахарным печеньем, мешочки с нашими вещами погрузили на телеги, нас построили по классам, и колонна двинулась в путь. А путь предстоял нелёгкий. Так как железно-дорожный узел Старая Русса был занят немцами, то мы должны были выйти к железной дороге на станцию Пола, а это путь около 100 километров. И если из села мы выходили бодрым и весёлым строем, то в последующие дни мы брели по дороге грустной толпой. Помню одну из ночёвок – в лодках на берегу реки. Утром вылезли из них, вымазанные в чёрную смазку, и безуспешно пытались её оттереть. Есть не хотелось, сладкое из наших мешочков утоляло голод, но вскоре мы уже не могли на него смотреть, и мешочки были брошены. Сейчас приходится слышать сказанные с иронией слова: «У советских собственная гордость», а перед глазами картина: растянувшаяся цепочка усталых, грязных, голодных детишек тянется по деревенской улице. Жители, вышедшие из ворот, протягивают им ломти свежего ароматного хлеба, политого сметаной, а голодные детишки проходят мимо, стараясь не смотреть в их сторону. Не позволяет им гордость быть попрошайками. А уж какая это гордость – советская ли, просто ли человеческая?

Зато как мы обрадованы, когда после этого жизненного испытания наша директор отламывает и даёт каждому по куску заплесневелой копчёной колбасы, предупреждая, что прежде, чем съесть, мы должны смыть в реке плесень. Куда делась наша усталость! Мы бежим к реке и полощем в ней только шкурки от колбасы, которую съели уже на бегу, плещемся в реке, хохочем – как здорово мы провели директора!

Евдокия Терентьевна была не молода и с больными ногами. Помню, как однажды на мосту, видимо через реку Ловать, она села на свой чемоданчик, с которым не расставалась, и сказала нам, что дальше идти не в силах. Несколько чумазых ребятишек, я в том числе, рискуя отстать от всех, сумели словами и слезами уговорить её встать и двинуться дальше.

И ещё картинка. Мы уже подходим к станции Пола Новгородской области. Бредём еле-еле. Самых слабых по очереди подсаживают на телегу, чтобы дать немного отдохнуть. По обеим сторонам дороги поля пшеницы. Она выше человеческого роста. И вдруг в небе появляется фашистский самолёт. Мы ныряем в пшеницу. Нас в ней и не видно. Мы в страхе – если разбомбят эту станцию, нам придётся идти дальше. Но взрывов не слышно, а самолёт исчезает. Вылезаем из пшеницы. Кого-то не хватает. Учителя бродят в пшенице в поисках. Наконец, трогаемся дальше. На площади перед вокзалом черно от листовок, сброшенных с самолёта. Один из мальчиков

подбирает листовку. Подбежавший милиционер вырывает её у него. Мы видим только белый текст на чёрном фоне. Читать запрещено.

Станция цела, и железная дорога функционирует. Всё пространство вокруг кишит детьми. Здесь сошлись несколько ленинградских школ. Нас поочерёдно, по школам, накормили. Даже на третье был кисель. Потом отвели в общежитие железнодорожного техникума. Студенты освободили для девочек второй этаж, а сами с мальчиками разместились на первом. Они помогли нам умыться (поливали воду нам на руки – водопровода в доме не было), уложили в кровати. Утром проводили нас в столовую, где нас накормили. После этого нас посадили в пассажирский поезд, который взял направление на Ярославль. Сейчас мне даже трудно понять, как кто-то смог организовать питание, отдых и отправку такого количества детей? Ведь всё это не было заранее предусмотрено, произошло внезапно!

По прибытии в Ярославль выяснилось, что город принять нас не может, и нас, не пересаживая в другие вагоны, отправили в глубь страны, на восток. Не могу вспомнить ни длительности этого переезда, ни каких-то подробностей нашей жизни в эти дни. Видимо, всё шло без особых переживаний: как-то мы спали, как-то нас кормили. Наконец, выгрузили на станции Николо-Полома Костромской области и отвезли в одно из близлежащих сел. Там нас разместили тоже в помещении школы, а кормить привели в настоящую столовую, где были миски, ложки, а сразу при входе каждому дали по целому ломтю свежего белого хлеба, политого мёдом, и мы, впервые за долгое время, садимся за столы, с жадностью поедая хлеб и облизывая пальцы. Мне кажется, что я до сих пор ощущаю аромат этого «бутерброда».

А в это время в Отделе Народного Образования Дзержинского района (РОНО) Ленинграда творится невообразимое: разъярённые родители требуют от растерянных сотрудников информацию о месте нахождения их детей, так как Старая Русса занята немцами. Наконец, каким-то чудом, удаётся выяснить маршрут следования поезда со станции Пола. И вот после нашего краткого пребывания в селе неожиданно появляется мама сестёр Ивановых. Она приехала забрать не только своих дочерей, но и остальных детей нашего двора по выданным родителями доверенностям. От неё я узнала, что папа уже с 16 августа в армии. Видимо, приехала она к нам числа 20-25-го августа. На наши поиски ей пришлось израсходовать часть денег, предназначенных на обратную дорогу. На всех не хватает, и она решает взять кроме своих дочерей брата и сестру Орловых. Тут и пригодились мои деньги! Правда, гуляя по селу, я не смогла удержаться и купила 100 граммов халвы, но остальных оказалось достаточно, чтобы взять и меня. Она спешит в обратный путь. В тот же вечер мы оказываемся на станции Николо-Полома. Но поздно! Пришло распоряжение - билеты на Ленинград не продавать. Мы устраиваемся ночевать на полу в помещении вокзала у одной из колонн на мешках с нашими вещичками и засыпаем. Пробуждение было самым большим чудом из тех, которые и позже происходили в моей жизни. Как тут не поверить в ангела-хранителя! Но всё по-порядку. Проснувшись утром, решили попить кипятку с хлебом, а так как кружки были не у всех, то я продолжала лежать в ожидании освободившейся. Сквозь дремоту слышу голос мамы: «Олечка, а Любочка где?». Открываю глаза и не могу поверить – стоит мама, а рядом с ней тётя Циля. Даже невозможно себе представить, как в то время, когда эшелоны с воинскими частями и военной техникой мчались на запад, а миллионы людей и оборудование целых заводов западной части страны спешно эвакуировались на восток – на и за Урал, можно было встретить где-то на перепутье потерявшегося ребёнка. Никто из нас не мог тогда знать, что эта встреча означала для меня решение вопроса «жить или не жить» - как бы я выжила, оказавшись одна в блокадном Ленинграде?

Предистория этой встречи такова. 16 августа 1941-го года папа, которому уже было 42 года, был призван в армию. Меня ещё 3-го июля отправили из Ленинграда со школой. Мама, которой было 34 года, осталась с 3-х летним Эмиком и 6-ти месячной беременностью. Папа настоял на том, чтобы она эвакуировалась с Ленинградским авиационным заводом, на котором работал дядя Миша. Работники завода вместе с оборудованием были отправлены раньше, а беременная мама с Эмиком и тётя Циля в качестве дяди Мишиной семьи выехали позже в эшелоне, предназначенном для семей. Муж тётя Циля, Семён Хуторецкий, остался в Ленинграде, так как был призван в войска ПВО – противовоздушной обороны. К этому времени мама уже знала примерно, где я нахожусь, и когда поезд остановился на станции Николо-Полома, тётя Циля взяла с собой сумку с какой-то едой и самым необходимым, деньги на дорогу, попрощалась надолго с пассажирами вагона, в котором она была выбрана «старшей по вагону», и пошла на вокзал, чтобы остаться и попытаться меня найти, а потом каким-то образом догнать эшелон. А это было бы не просто! Никого из посторонних в поезда не сажали во избежание диверсий. На этот случай старший эшелона выдал тётя Циле специальный документ с указанием причины её отставания от эшелона. Мама же пошла проводить тётю Цилю и заодно набрать на вокзале кипятку. И вот эта счастливая встреча! Нет, не то! Просто свершилось чудо!

Отдав остающимся деньги и еду, набрав кипятков и забрав мой мешок, мы уже втроём поспешили к эшелону, так как о продолжительности стоянок эшелонов так же, как и о маршрутах их следования заранее не сообщалось. Весть о счастливой «находке» распространилась по вагонам. На нескольких следующих стоянках поезда около нашего вагона собирались женщины, желавшие собственными глазами увидеть «найдёныша», и мама снова и снова не уставала повторять подробности встречи: и как она увидела девочку из нашего двора, и как я лежала на мешочке, и о том, что обнаружила у меня седые волосы. Я же в это время, забравшись на верхние нары, не могла оторваться от саквояжа с печеньем, предназначенным, конечно, для 3-х летнего Эмика. А когда передо мной оказалась поллитровая банка сметаны, а ложки рядом не было, я зачерпнула её пальцем – и в рот. Тут уж тётюшка не выдержала, сказав, что это не только для меня, а мама только посмотрела на неё укоризненно. А между тем, поезд продолжал своё движение на восток, я стала полноправным пассажиром, была официально включена в списки, в том числе и на питание, которое мы получали на больших станциях.

Наш эшелон, как и прочие, представлял собой железнодорожный состав из товарных вагонов – «теплушек». По обе стороны раздвигающейся двери вагона оборудованы двухэтажные нары, то есть настилы из досок. Эти нары и были спальными местами для обитателей вагона. Никаких санитарных удобств не было. Ими можно было воспользоваться во время стоянки поезда на станциях или в чистом поле за кустиком. Поезд останавливался часто, пропуская мчавшиеся к фронту или на восток составы. И стоял подолгу, часто в чистом поле. Взрослые проводили время в заботах о детях, в разговорах о мужьях. А мне понравилось сидеть в проёме открытой двери со спущенными наружу ногами и рассматривать появляющиеся впереди и быстро проносящиеся мимо поля, леса, домишки. Сначала пытались меня прогнать, а потом перестали.

В первой декаде сентября эшелон с семьями работников ленинградского авиационного завода прибыл в город Нижний Тагил Свердловской области. Тётя Циля решила поселиться у встретившего нас дяди Миши. А мама последовала совету папы, который при расставании сказал: «Езжай в деревню. Ты знаешь сельский труд. Я буду спокоен, что там вы не пропадёте». И мы поехали дальше. Дядя Миша нас сопровождал. Примерно через час эшелон остановился на станции Салка. Жители большого уральского села Покровское, предупреждённые заранее о прибытии эвакуированных жителей Ленинграда, прямо из вагонов забирали семьи на жительство в свои дома. Однако, женщину с двумя детьми, у которой менее, чем через три месяца, появится

третий, брать не спешили. Но одна из женщин, к которой обратился с просьбой о жилье для нас дядя Миша, не смогла отказать красивому молодому мужчине и со словами: «Что ж, пропадать им, что ли? Айда, девка ко мне!» стала помогать нам перетаскивать вещи.

Светлая память этой святой, простой уральской женщине! Звали её Неля Павловна Васильева. Как попало имя Неля к ней теперь уже не узнать, а тогда этот вопрос у меня не возникал. Жила она в большом добротном бревенчатом доме с резными ставнями по улице Высоковская, дом 3. Муж давно умер. Взрослая приёмная дочь жила в Н.Тагиле – отношения с ней были натянутыми, она редко появлялась у матери. В доме – стерильная чистота, крашеный пол светло-жёлтого цвета, крашенные в белый цвет стены, «белёная» русская печь отделяет горницу от маленькой кухни, в левом переднем углу божница с иконами, перед ней лампадка, у входа вдоль левой стены металлическая кровать с «шишечками», покрытая белоснежным покрывалом, с горой подушек мал-мала меньше в белоснежных накрахмаленных наволочках. На подоконниках горшочки с петунией и примулой. Кроме дома, по другую сторону двора, стоял принадлежавший тоже Неле Павловне домишко, в котором временно, в ожидании окончания строительства собственного дома, жила местная семья Гореловых. Видимо, Неля Павловна думала поселить нас в этом домишке после их переезда, но дело затягивалось, и мы прочно обосновались в её доме. Двор между этими домами имел деревянный настил. Сверху на уровне крыши были уложены жерди, на которые осенью, после уборки урожая, набрасывалась ботва, так что зимой снега во дворе почти не было. В торце двора был сарай с дровами и хозяйственным инвентарём и хлев, в котором жили коза и куры, а над ним - сеновал. С улицы во двор вели двустворчатые ворота и калитка. Вторые ворота и калитка вели со двора в огород, где были ещё два строения – уборная с выгребной ямой и баня, топившаяся по-чёрному, то есть дым выходил не через трубу, а через открытую дверь. Огород был огорожен забором из жердей. Почти весь огород засаживался картошкой. Только несколько грядок отводились под капусту, лук, чеснок, укроп и огуречник (лиственное растение по вкусу и запаху напоминающее огурцы). По бокам картофельных грядок росли турнепс, репа, брюква. Лето на Урале короткое – огурцы и помидоры не спешили. Ни теплиц, ни парников в огородах не было.

Покровское было большим богатым селом, в центре которого на большой площади за красивой металлической оградой стояло белое каменное здание церкви, в то время использовавшееся местным колхозом под хранилище. Фасадом на площадь выходило двухэтажное, тоже каменное, здание школы и одноэтажное бревенчатое здание больницы, в которой главным медиком был фельдшер Иван Иванович (по-местному – «фершал»). Власть села – Сельский совет располагался тоже в деревянном доме на центральной улице, отходившей от площади.

Приехали мы в период уборки картофеля. Любопытно, что происходила уборка не индивидуально на собственном огороде, а коллективно - несколько соседей объединялись и убирали огороды по очереди. Работали дружно, весело, с шутками. По окончании обедали за общим столом вместе с детьми. А на завтра убирали следующий огород. Несмотря на беременность, мама сразу включилась в эту работу, а так как огорода у нас не было, то за работу с ней расплачивались картошкой. Да и в обеде мы с Эмиком участвовали. Кроме того, на все, имевшиеся у нас скудные деньги мама купила картошку пока цена на неё не поднялась. Это было очень мудрым решением, так как помогло нам выжить в первый год жизни в эвакуации. Раз уж рассказала про уборку картофеля, то расскажу и про заготовку капусты. А это было тоже коллективное действие. Во дворе или около очередного дома устанавливалось «корыто» – бревно с выдолбленной серединой длиной в несколько метров. Вдоль него с обеих сторон становились женщины с тямками, и начиналась рубка – капусту «рубали». На семью заготавливали несколько

бочек отдельно белой и отдельно серой (из верхних зелёных листьев) капусты. А по окончании - тоже коллективное застолье с вином и песнями.

Я пошла в третий класс. Школа была семилетней. Учёба давалась мне легко, уровень требований был значительно ниже. Дети отличников не любили, дразнили «подсевалами», грозили побить, выручила учительница. В первый год учёбы под любыми предложениями я старалась от школы отлынивать. На единственной фотографии третьего класса меня нет, т.к. я в очередной раз болела. Карточная система распределения продуктов в первые пару лет, видимо, не касалась сельской местности, поэтому мы не получали даже хлеба. Едой нашей была картошка: варёная и печёная с солью, похлёбка и даже пироги из высушенных и измельчённых картофельных очисток.

Фронт требовал пополнений. И всё больше парней получали повестки о призыве в армию. По местному обычаю, в оставшиеся пару дней они «гуляли» - ходили большой компанией по улицам села с гармонистом, распевая частушки, время от времени прикладываясь к спиртному. И каждый из них непременно размахивал веером подаренных девушками носовых платков - чем больше было у парня подруг, тем больше платков было в руке у него. Это не были магазинные платки. Они вручную обвязывались, а по периметру вышивались тёплые непритязательные пожелания. Сколько таких платочков было сделано мамой! Я ей усердно помогала – всё нужно было сделать очень быстро. Девушки приносили маме ткань, мулине и тексты пожеланий. А в благодарность они приносили кто картошку, кто баночку молока, иногда тайком от родителей, только не деньги. Ведь на них всё равно нечего было купить, да и вряд ли они у них были. Пару раз к маме обращалась девушка, работавшая в пекарне. Так она, по дороге с работы, зашла к нам, расстегнула шубейку и подала маме спрятанные под ней и прижатые к груди две половинки буханки белого хлеба. Для кого-то он тогда выпекался. Мне кажется, что вкус и запах этого хлеба я помню и сейчас. С хлебом связано ещё и такое воспоминание. Это было позже, когда в Нижний Тагил эвакуировался Сталинградский тракторный завод. Со мной за одной партией сидела дочка одного из руководителей этого завода по фамилии Воронова, имени не помню. Она приносила с собой в школу пару кусочков чёрного хлеба, которые лежали в парте до большой перемены. С каким вождением я поглядывала на них, как трудно было отвести взгляд!

Неля Павловна держала нас в строгости. Маме помогала войти в местную жизнь. «Баловства» не допускала. Чистота была безупречной. Спали мы на полу. С раннего утра топилась русская печь. Мама должна была вовремя поставить в печь чугуны с похлёбкой и картошкой, а также большой чугунок с водой на хозяйственные нужды. Печка держала тепло весь день. Но в сильные морозы, а они доходили до -40°C , подтапливали «железянку» - железную печку («буржуйку»), которую привёз и помог установить дядя Миша. Наша грозная Неля Павловна, увидев как мама надевает шляпку, собираясь выйти на улицу в 40° мороз, открыла сундук, вытащила из него большую черную в белую клетку шаль, разрешила её наискосок пополам и отдала одну половину маме. Н.П., в отличие от своих подруг, была грамотной. Временами приносила откуда-то толстые книги в кожаных переплётах и читала. В хорошем настроении могла побаловаться с Эмиком. Громким голосом произносила: «Король повелевает разбросать подушки на кровати!», и Эмик, с оглядкой на маму, взбирается на высокую кровать и разрушает аккуратную пирамиду подушек. А потом входит в раж и веселится от души. А еще она просила его рассказать о цирке. Мы ходили в цирк всей семьёй незадолго до войны. И Эмик рассказывает про Бима и Бома, про «тяпли тяплина». Он был очень хорошеньким, спокойным ребёнком. Круглая мордочка, тёмно-карие глазки, маленький носик – его и звали «кнопочка». Даже в сохранившейся почтовой открытке с фронта папа пишет: «Поцелуй за меня кнопку». На переносице от одного глаза к другому – голубая жилка, что очень беспокоило маму, т.к. какая-то бабка ей сказала, что с такой жилкой дети долго не живут. Юзик – сын дяди Гриши и тёти Лизы, который был на два года старше

Эмика, уже после войны, приставал к нему: «Эмка, ты ЭМка или ЗИС?». Это были марки легковых автомобилей того времени.

От папы продолжали поступать полные тревог солдатские треугольнички писем со словами: «брось всё и найди дочку». Он рассказывал уже после войны, что ему удалось вырваться в Ярославль, найти дом, в котором жили ленинградские дети, пробраться на веранду, где они спали, и даже увидеть рыжую головку, но это была не я. Прошло пару месяцев прежде, чем он узнал, что я с мамой.

Однажды, проснувшись утром, я не обнаружила в доме ни мамы, ни Нели Павловны. Оказалось, что ночью у мамы начались схватки, и Неля Павловна отвела её в «родилку», которая находилась в той же больничке. По дороге в школу я постучала в окно «родилки», и мама показала мне свёрточек, из которого была видна красная мордочка. Так впервые я увидела своего младшего братика. Было это 26-го ноября 1941-го года. Принимал роды «фершал» Иван Иванович. На второй или третий день этот новорожденный, туго спелёнутый, по тогдашним правилам, и завёрнутый в жёсткое больничное одеялко, умудрился скатиться с кровати на пол. Прибежал Иван Иванович, осмотрел, всё было в порядке, и с тех пор он называл его лётчиком.

Ребёнок был очень беспокойным, часто плакал. Да это и не мудрено. Какое молоко он получал от полуголодной матери, заботившейся не только о грудном ребёнке, но и о двух других! А ещё не давали покоя думы о находящемся на фронте муже, о старых и больных родителях, бежавших от фашистов из оккупированной Белоруссии и застрявших в каком-то Котельниково, о братьях Марке и Пете, служивших в войсках ПВО в блокированном Ленинграде. Спустя много лет, я прочитала письма бабушки Баси к сыну Грише, в одном из которых, датированном 15 января 1942-го года, она пишет: «...мы получили письмо от Эстерки. Она родила мальчика. Его назвали Лёнкой. Что мы должны делать? Слава Богу, что он ей помог перенести всё в таком горьком одиночестве. От Арона уже пять недель нет писем. Она пишет, что кроме хлеба и картошки она ничего не имеет. У неё уже пересохли кишки...». В отношении хлеба бабушка ошибалась. Из этих же писем я узнала, что она получила 100 рублей от мамы. Всю зиму мама с малышом спала на печи, и спасаясь от холода, и стараясь, чтобы детский плач меньше беспокоил хозяйку, которая к этому не привыкла, не высыпалась и злилась, а я с Эмиком – на полу. Проснувшись от холода, забирались к маме на печь. Какой уж ей сон? Только смотри, чтобы кто-нибудь с печи не свалился.

Нужно было зарегистрировать ребёнка. Мама хотела дать ему имя умершего перед войной старшего брата - Лёва. Приехавшая из Н.Тагила навестить нас тётя Циля предложила назвать его Лео. Мне не нравилось ни то, ни другое – среди моего окружения таких имён не было. И мы с мамой остановились на похожем имени Лёня. И вот я, десятилетняя, отправляюсь в сельский совет и регистрирую брата под именем Леонид. А отчество? Все окружающие зовут папу Аркадий. Присылаемые мне папой открытки адресованы Синельниковой Любви Аркадьевне. Так и стал мой младший брат, с моей лёгкой руки, Леонидом Аркадьевичем в отличие от нас с Эмиком - Ароновичей. Много раз во взрослой жизни приходилось ему объясняться по поводу этого несоответствия при заполнении анкет в отделах кадров.

Нужно было подумать о том, чем подкармливать малыша, о трёхлетнем Эмике разговор даже не шёл, а обо мне - тем более. Тётя Циля работала в Н.Тагиле директором школы рабочей молодёжи и преподавала математику. Через свою знакомую Фаину Матвеевну, работавшую в библиотеке Дома пионеров, ей удалось поменять мамино выходное бежевое платье, сшитое перед войной в знаменитом трикотажном ателье на проспекте 25-го Октября в доме 12, более известном под названием «смерть мужьям», и выходные бежевые туфли на несколько поллитровых бутылок водки. Потом постепенно эта водка всё через ту же Фаину Матвеевну обменивалась на манную

крупы. Как жалко мне было маминых вещей! Мама была в них такая красивая! Долго я таила в себе детскую обиду на добрую Фаину Матвеевну. В манную кашу мама добавляла несколько капель постного масла, чекушка (бутылочка ёмкостью 0.25 литра) которого, привезённая тётёй Цилей, стояла в кухне на подоконнике маленького окошечка, выходящего во двор. Оно было предназначено только для Лёника. Молоко выменивалось на что-либо из вещей. Как, наверное, разрывалось мамино сердце, ведь ни Эмику, ни мне она не могла дать даже этого. О себе и думать не приходилось. Забот и переживаний у мамы хватало.

А я целый день была предоставлена сама себе. Зимой – санки, летом – лес, речка. В школе с друзьями и недругами тоже разбиралась сама. Помню, как страшно было выходить из школы, когда мне сказали по секрету, что моя одноклассница Катька будет драться со мной после уроков у школы. До этого мне драться не приходилось. Причина была вот в чём. Примерно на третий год жизни в селе у нас появились хлебные карточки. Выдавались они на месяц. Однажды, после того, как у нас побывала Катька, их не оказалось. Это была трагедия. Мы оставались без хлеба. Назавтра в школе я потребовала от Катьки вернуть карточки, но она всё отрицала и пригрозила побить меня. Был, конечно, выход – пойти в учительскую и попросить защиты. Но, пересилив страх, я вышла и вступила в «неравный бой». Катька была намного крупнее и здоровее меня, да и опыта в драках ей было не занимать. Выручил меня выдавший виды портфель, ставший моим оружием. Отставший металлический уголок поцарапал Катьке щёку, и она сбежала, пообещав отомстить. Об этой драке мама узнала не от меня, а от секретарши сельсовета, которая в то время проходила мимо. Вот просто мимо, и не подумав вмешаться. Маме с помощью Нели Павловны удалось уладить этот конфликт с Катькиной мамой. Но я забежала вперёд, так как эта драка случилась уже на третий год войны, когда мне было двенадцать лет и училась я в пятом классе.

Учебники нам выдавали в школе, но их было мало – один учебник на 2-3-х учеников. Тетрадей не было вообще. Сшивали их сами из обёрточной бумаги, а то и просто из газет. Чернильницы – «непроливайки» приносил в класс каждый для себя. Писали очень бледными чернилами, т.к. приходилось по несколько раз разводить их водой. С пятого класса по школьной программе начинался иностранный язык, и уроки немецкого языка вела у нас преподавательница ботаники. Я её «консультировала» и чувствовала себя на её уроках, по меньшей мере, профессором. С пятого же класса в конце учебного года мы сдавали экзамены по нескольким предметам. На это весеннее время приходилось буйное цветение черёмухи. Как писал ныне забытый поэт Александр Прокофьев, «Бело-белая пена черёмух льётся, льётся и нет ей конца». Каждый старался принести на экзамен охапку веток этих чудно пахнущих цветов. Ими был уставлен не только стол экзаменаторов, но и пол вокруг стола. Кстати, высушенные ягоды черёмухи толкли вместе с косточками, и это была начинка для пирогов. Библиотеки в школе не было. По моей инициативе, мы с подругой Тamarой Кравченко организовали «библиотеку» в своём классе, собрав вместе книги, имевшиеся дома у каждого из соучеников. Это был очень скудный набор книг. Время от времени я самостоятельно отправлялась в Н.Тагил и брала книги в библиотеке Дома пионеров благодаря всё той же Фаине Матвеевне. Поездка была не из лёгких. Ранним утром на станции Салка, находившейся минутах в десяти ходьбы от дома, я садилась на «рабочий» поезд, который отвозил работавших на Уралвагонзаводе, Ленинградском авиационном, а затем сменившем его Сталинградском тракторном до «Вагонки», от «Вагонки» до кольца трамвая 3 км пешком. Трамвайная линия была однопутная, на разъездах трамвай подолгу стоял в ожидании встречного, зимой вагоны не отапливались. Доезжала до остановки Малая Кушва и шла к тётё Циле, снимавшей комнату сначала вместе с дядей Мишей, а после передислокации его завода в Ташкент, одна. Если это было накануне единственного выходного, то я проводила его с тётёй Цилей, ездила поменять

книги в библиотеку. Однажды тётя Циля взяла меня в столовую, где по её талонам за тот и следующий дни нас накормили вкуснейшими щами из крапивы, конечно без мяса, но с каплей сметаны и половинкой яйца. Во второй половине дня я отправлялась в обратный путь: трамваем до Вагонки, 3 км пешком до железно-дорожной станции, зимой в сорокоградусный мороз, весной и осенью по колено в жирной грязи, т.к. дороги были превращены в мессиво проезжавшими по ним танками, переполненные вагоны поезда с возвращающимися со смены рабочими и, наконец, «разъезд» - остановка поезда, не доезжая до станции Салка, откуда через поле быстрее до дома. Следует заметить, что рабочие дни уже отсчитывались неделями, а не шестидневками, как до войны, рабочая смена продолжалась 12 часов: дневная с 8-ми утра до 8-ми вечера, а ночная с 8-ми вечера до 8-ми утра. Так что к десяти часам вечера я была дома. Если же поездка совершалась в каникулы, то я оставалась у тётя Циля на несколько дней. Вечерами я с нетерпением ожидала её возвращения с работы. Ученикам и учителям школы рабочей молодёжи выдавали на занятиях по одной маленькой серой булочке. Не все ученики могли регулярно посещать занятия, и часто несколько булочек оставалось, их как-то делили между собой учителя. Вот и мне доставалось. А однажды, во время зимних каникул, тётя Циля уехала на областное совещание директоров школ рабочей молодёжи в Свердловск (ранее и ныне Екатеринбург) и привезла коробочку печенья в шоколаде. Как трудно было мне дожидаться её возвращения вечером с работы, когда она угостит меня очередным печеньицем! По нескольку раз в день я вынимала эту коробочку из ящика комода, открывала и проверяла, не отскочила ли какая-нибудь крошка шоколада, чтобы её слизнуть. Через много лет после окончания войны в разговоре со мной тётя Циля ужасалась тому, как она могла отпускать меня одну в обратный путь. Зимой в это время было совсем темно, да и днём обстановка была, выражаясь современным языком, криминогенной. Но Бог миловал. Зато я выучила Гимн Советского Союза и познакомилась с замечательными песнями военных лет, звучавшими из репродукторов по всей территории «Вагонки». Дома ведь радио не было. Одной из таких песен была «Священная война». Слова написал автор многих популярных песен, звучавших впервые с экранов кинотеатров, поэт Лебедев-Кумач. Написал он их по заказу газеты «Красная Звезда» за одну ночь с 23 на 24 июня 1941 года. Музыку сочинил композитор Александров. Впервые она прозвучала в исполнении хора под руководством Александрова 16 октября 1941-го года, в самый тяжёлый для обороны Москвы день, и с этого дня каждое утро в эфире звучала эта песня. Вот один из куплетов и припев:

Не смеют крылья чёрные
Над Родиной летать,
Поля её просторные
Не смеет враг топтать!
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!
Идёт война народная,
Священная война.

Однажды мы с Тамарой придумали и сыграли на школьном утреннике сценку о том, как «фриц» (наряду с «ганс» это были нарицательные имена немецких захватчиков) остановил советскую партизанку, она с ним пококотничала, а когда он отвернулся, приколола ему на спину плакат «Смерть фашистам!» и скрылась. «Фриц» же с этим плакатом продолжал прохаживаться, жуя «бутерброд», пока все зрители ни прочитали текст. Успех был обеспечен! Кстати, «бутербродом» служил кусок хлеба, выпрошенный нами для этого случая у Тамариной тётя, работавшей в колхозе. Для нас было важно показать «закравшихся» фашистов. А потом нас

пригласили с этой сценкой в клуб, где был организован концерт для взрослых. Тут–то и случился конфуз. На повторное представление у Тамары, исполнявшей роль фашиста, в кармане остались только крошки, которые она с важностью жевала, и сценку мы закончили, давась от смеха.

В этом же клубе, уже переоборудованном под госпиталь, я, двенадцатилетняя, читала поэму Константина Симонова «Сын артиллериста». Прочитала я её впервые в каком-то журнале, взятом в Доме пионеров. Тронула она меня до слёз. Всё, описанное в поэме, живо представало перед глазами.

У меня хранится фотокарточка военных лет, на которой запечатлены несколько девочек, в том числе и я, в балетных пачках. Совершенно не помню танец, но прекрасно помню, как я шила пачку из снятых с окон марлевых занавесок, потом её крахмалила, чтобы воланы хорошо держались, потом их разглаживала утюгом на углях. Таких утюгов мои внуки не видели. Пачка смотрелась не хуже, а, может быть, даже лучше сшитых мамами других девочек. Но во время, как бы сейчас сказали, фотосессии она показалась мне помятой, и я снялась в пачке отсутствующей в то время девочки, о чём даже сейчас жалею.

А как я делала маски для придуманной нами – мной и Тamarой - сценки с клоунами! Кусочек марли, вырезанной по форме лица, с дырками для глаз, носа и рта накрахмалила и наклеила на лицо. Когда этот слой марли на лице высох, на него наклеила такой же следующий. Так наклеила несколько слоёв. Когда и последний слой высох, раскрасила его. Наступила очередь эту высохшую и намертво присохшую к коже лица маску отлеплять. Вот это была пытка! А потом всё это повторить ещё раз – уже для Тамары. Но чего не выдержишь, если надо! А слово «надо» было усвоено с детства. Осталось только пришить к краям масок завязки и – можно выходить на сцену.

Это была одна сторона моей жизни, так сказать, общественная. И это происходило в то время, когда на западе страны шла ожесточённая, кровавая битва со злейшим врагом – немецким фашизмом. Треугольнички писем и открытки от папы с фронта приходили нерегулярно. Он не имел права сообщать, где находится – действовала военная цензура, но по косвенным сведениям можно было предположить, что он на Ленинградском фронте. Ленинград был блокирован немецкими войсками, отрезан от всей страны. Кроме папы там оставались мамины братья Петя и Марк. От них не было никаких сведений. Не было сведений о папином брате дяде Доне, призванном в армию в первые дни войны. После войны стало известно, что он погиб, находясь на одном из кораблей при отходе из Таллина в Ленинград в июле 1941-го года. Ничего мама не знала и о многих других родственниках. Бабушке Басе и дедушке Залману удалось «бежать» из Речицы до захвата её немцами. С большим трудом они добрались до станции Котельниково Сталинградской (ныне Волгоградской) области. Состояние здоровья дедушки не позволило им двигаться дальше. Дважды к ним приезжал дядя Гриша, мамин младший брат. Ленинградский оптико-механический завод, на котором он работал, был эвакуирован в город Казань. Ему удалось забрать туда свою семью – жену с пятилетним Юзиком (Иосифом) и новорожденной Зоечкой. Позднее к ним присоединились тётки Лизина мать Гися – родная сестра дедушки Залмана (дядя Гриша и тётка Лиза были двоюродными братом и сестрой) и её младшая дочь Бася с малюткой Адочкой. Маме моей он писал о том, что заберёт к себе и своих родителей. В каждом из адресованных ему писем бабушка умоляет забрать их к себе. Надежда была только на него, от Пети и Марка из Ленинграда не было никаких известий. На маму с тремя детьми рассчитывать не приходилось. Почему у него не получилось, спросить уже не у кого, остаётся только строить догадки. Шла война. Без командировок, вызовов и пропусков перемещаться по стране было невозможно, хотя, казалось бы, и Казань, и Сталинград расположены на одной реке Волга. Даже малейшее опоздание на работу грозило тюремным заключением. Была ли возможность забрать

родителей? В письмах бабушки описаны скитания по квартирам, хождение за хлебными карточками, на почту в ожидании добрых вестей, стояние в очередях за хлебом зимой без тёплой одежды. И всё время проблески надежды – на сына, на Бога. Где брала она силы? Дедушка умирает, она кричит на него: «Ты благоверный еврей. Еврей не должен терять надежду. Еврей должен жить надеждой пока в нём живёт хоть одна жилка. Надо надеяться на Бога!». Дедушка Залман умер 14-го февраля 1942-го года. В «Свидетельстве о смерти» бабушки Баси, выданном Речицким Бюро ЗАГС в 1949-м году, значится, что бабушка «расстреляна немцами в августе 1942-го года». В моей же памяти с детства сохранилось воспоминание о письме бабушкиной квартирной хозяйки дяде Грише, в котором она сообщала, что бабушку с другими евреями впихнули в автобус, и бабушка ещё махнула ей рукой, поэтому я считала, что это был автобус-душегубка, в котором бабушка и погибла. Использовали немцы такой варварский способ: сажали людей в автобус, тот трогался в путь, в это время в салон подавали отравляющий газ, и на место захоронения автобус привозил трупы. К сожалению, письмо бабушкиной хозяйки Костаровой Людмилы Ильиничны, проживавшей по проспекту Сталина, дом 51, не сохранилось. Сохранилась только её открытка, отправленная дяде Грише в Казань 10 февраля 1943 года, после освобождения Котельникова Красной армией, в которой она пишет: «На днях напишу письмо. Напишу о вашей матери. Хорошего, конечно, не ждите.» Всю свою жизнь дядя Гриша винил себя в том, что не сумел забрать родителей из Котельниково.

Сосед, живший со своей семьёй у Нели Павловны в домишке, объяснил маме, что Котельниково находится в Кировской области, спутав с расположенным там Котельничем, и что немцам до него далеко. Когда же мама поняла, где находится бабушка и что ей угрожает, она послала по почте «Вызов» и 300 рублей. В последнем, не сохранившемся письме к маме бабушка сообщила, что живёт в окопе, пошла на почту, там ей дали присланные мамой 300 рублей, но на эти деньги уже ничего не продают. Пошла к хозяйке, у которой жила на квартире, та дала стакан сыворотки, «с этим и ушла в окоп». О «Вызове» ни слова. Но она не теряет надежды на встречу и молится о своих детях и внуках. И у мамы ещё оставалась надежда, которой не суждено было сбыться. Письма бабушки дядя Гриша сохранил, а Зоя, его дочь, привезла в Бостон. Мне удалось договориться с добрейшей женщиной Блюмой Чернецкой о переводе их с языка идиш на русский. Читать эти письма – на разрыв души. Блюма была уверена в том, что они должны быть опубликованы и храниться в еврейском музее, и предпринимала для этого попытки. Но, насколько я знаю, они никого не заинтересовали.

К лету выяснилось, что погибли в Ленинграде оба маминых брата. Писем от папы не было. Однажды возвращаюсь из Нижнего Тагила, подхожу к поезду, а приехавшие на работу в ночную смену рабочие, со смехом мне рассказывают: «Мать-то твоя хохотуньчиков наелась, грибов таких. Всё хохочет, никак не остановится». Дома я застала маму спящей. Неля Павловна рассказала, что они с утра действительно ходили по грибы, но никаких грибов мама не ела, днём плакала и вдруг начала громко хохотать. Она сбегала за Иваном Ивановичем, тот дал маме лекарство и подождал пока уснёт. На то напряжение, в котором она находилась в течение последнего года: муж на фронте, эвакуация, поиск дочки, рождение сына, заботы о том, чтобы уберечь детей от голодной смерти, - наложились известия о смерти отца в Котельниково, смерти братьев в блокадном Ленинграде, неизвестность о судьбе матери. Всё это и явилось причиной такого поведения. Это был нервный срыв. Счастье, что он прошёл у мамы без видимых последствий! Назавтра мама с удивлением узнала о своем вчерашнем поведении. Ведь она так старалась не показывать ни окружающим, ни детям то, что творилось в её душе. Внешне она выглядела спокойной, уравновешенной. Нужно было выживать. Но сколько же всего ей пришлось перенести! Я, в силу своих возрастных возможностей, помогала.

Разговоры о евреях, которые не воюют, а живут в тылу, стали раздаваться после приезда в село эвакуированных жителей Смоленска и Сталинграда. Однажды Н.П. вернулась из гостей, где ей сказали, что наша семья – евреи. До этого она вообще не знала о такой разновидности людей. «Какие же вы евреи? Ты ж белоруска» возбуждённо заявляла она, обращаясь к маме. Мама объяснила ей, что она родом из Белоруссии, но по национальности еврейка. Потом именно Н.П. при разговорах на эту тему на примере папы и его братьев доказывала своим собеседникам, что «евреи» тоже воюют. Н.П. была набожным человеком. Несмотря на то, что ходить в церковь она не могла, так как там был колхозный склад, она жила по христианским законам. Молилась она перед иконами, стоявшими в переднем углу избы на божнице, перед ними зажигалась лампадка. Она соблюдала религиозные праздники. Откуда-то приносила и читала старинные религиозные книги в кожаных переплётках. И продолжала удивляться, почему люди плохо говорят о евреях, если сам Христос и его Апостолы были евреями. Из православных праздников особенно запомнилось празднование Пасхи. Взрослые собирались компанией за столом. На столе появлялось вино, выдаваемое по талонам, но не в бутылках, а на разлив. Обычная закуска: варёная рассыпчатая картошка, квашеная капуста, солёные грибы. А мы, дети, праздновали Пасху в бане, используя в качестве стола широкую скамью. Каждый приносил какую-то еду. Праздничной редкостью были карамельки. Но самое интересное было во дворе, где взрослые устраивали для нас качели: к жердям, перекрывавшим сверху двор, прикреплялись верёвки, на них клалась доска, и мы, с хохотом и визгом с утра до вечера качались на этих качелях, сменяя друг друга, проявляя чудеса изобретательности и храбрости.

Пару раз за время нашей жизни в доме Н.П. она уезжала в Алапаевск за мукой, взяв для обмена какие-то вещи. Отсутствовала она несколько дней. Запомнилось её возвращение. Ещё со двора раздавался крик: «Фирша, топи баню!». Затем, едва переступив порог, она сбрасывала с себя всю одежду, и только после бани, оставив там прожариваться свою одежду, она начинала вынимать из вещевого мешка привезённые мешочки с мукой, а потом уже садилась к столу и выпивала несколько стаканов горячего чая с калганом.

С еврейским вопросом связана единственная ссора с моей подругой тех лет Тамарой Кравченко. Проходили мы по литературе Максима Горького. Не помню название произведения, один из героев в котором кричит другому: «жидёнок, жидёнок». И вот после урока, на большой перемене мы с Тамарой бегаем друг за другом вокруг учительского стола, на котором стоит опустевшая миска из под булочек, и Тамара кричит, обращаясь ко мне, «жидёнок, жидёнок». Я была оскорблена. Долго с ней не общалась, хотя сидели мы за одной партой. Потом отношения постепенно наладились – ведь ни у меня, ни у неё подруг больше не было. Это простилось, но не забылось. Потом –то я поняла, что сказаны эти слова были не злонамеренно, из озорства. Кстати, я была единственной еврейкой в классе. В каком-то младшем классе учился еврейский мальчик по фамилии Баршай. Это произошло, видимо, в пятом классе, т.е. в 1943-м году, когда и в нашей школе стали выдавать каждому по булочке.

Освобождение домишки затягивалось, мама видела, как Неле Павловне, привыкшей самой распоряжаться в доме, тяжело сдерживать свой крутой характер. А уж как маме приходилось под неё подлаживаться - и говорить не приходится. Поэтому летом 1942-го года она поддалась на уговоры хозяйки соседнего дома тётки Маши Скороходовой(?) и решила к ней переехать. Неля Павловна спокойно восприняла мамино решение, но слова её на прощание дорогого стоили: «Ну что ж, девка, переезжай. Не поживётся – вертайся обратно». Дом Машин был по-уральски большой и крепкий, стоял через проулок – улица Высоковская, дом 1. Планировка дома и двора была аналогична планировке дома Н.П., только вместо домишки по другую сторону двора была баня, которая топилась «по-белому», то есть дым выходил через трубу. В хлеву содержались

корова и куры. Муж Маши был уже на фронте. До войны он был единственным ветеринарным врачом в селе, а Маша работала его помощницей. После ухода мужа в армию на неё легли все ветеринарные заботы села. Весь день она была в бегах. Единственному сыну Пете шёл восемнадцатый год – наступал возраст призыва в армию. Маша была крикливой и беспокойной женщиной, дома оставалась редко. Она уходила из дома с раннего утра и иногда на целый день. Так что все заботы по дому и уходу за домом, коровой и курами легли дополнительной работой на мамины плечи. Мама знала и умела в сельской жизни всё. Корову доила тоже мама, так что нам и молоко перепадало. Моей заботой по хозяйству было помыть полы и помочь маме наносить воды из колодца. Я клала на плечо коромысло с вёдрами по краям и шла к колодцу, до которого было более ста метров. Ложась животом на ручку ворота, накручивала на валик цепь с наполненной водой бадьёй. Когда бадья была уже наверху, закрепляла ручку, чтобы ворот не раскрутился в обратную сторону, доставала из колодца бадью, переливала воду в свои вёдра, навешивала их опять на коромысло, подставляла под него плечо, выпрямлялась и шла к дому, время от времени перемещая коромысло с одного плеча на другое. Ну, прямо как Аксинья в «Тихом Доне» у Шолохова, только в уменьшенном масштабе. У Нели Павловны для меня были вёдра поменьше, а у Маши мы пользовались большими, тяжёлыми оцинкованными вёдрами. Мама разрешала мне наливать вёдра только наполовину, мне же хотелось побыстрее наполнить бочку, поэтому я наливала их полнее. А была я тогда «в весе пера». Нелегко давалась мне тогда эта работа. У Лёника появилось своё спальное место – зыбка, которая подвешивалась к длинной жерди, вставленной в кольцо, закреплённое на потолке. Теперь его укачивали в этой зыбке. Мама с Эмиком спали на кровати, а я – на полу.

Ранней весной, по утрам ещё лёд на лужах, наступает время делать анализ крови у скота на наличие инфекций. Целыми днями Маша пропадает на колхозном скотном дворе. А потом наступает очередь частников. В назначенный день десятки коров со своими хозяйками собираются к Машину дому. Маша шприцем берёт у коров кровь в области шеи. Я сижу в доме и в открытое окно подаю ей пробирки, потом забираю заполненные обратно, наклеиваю на них бумажки с фамилиями хозяев коров, ставлю в штативы, записываю необходимые данные в амбарную книгу. Штативы с пробирками Маша отвозит в Н.Тагил в лабораторию. Через несколько дней приходят результаты анализов. Требуется повторное взятие крови у некоторых коров. К Маше приходят их хозяева, о чём-то беседуют с Машей. На повторный анализ Маша вызывает совсем других коров, благополучно прошедших первую проверку. Их кровь и отправляется на анализ. В итоге – больных коров нет, все здоровы. Так я впервые столкнулась с подлогом, но по малости лет не придавала этому никакого значения. А может быть, потому, что очень горда была своим участием в такой важной работе.

Нам, как семье фронтовика, по решению сельсовета привозили дрова. Но их было недостаточно. Зимы на Урале длинные и суровые. Летом для приготовления пищи старались топить печь не дровами, а принесёнными из леса сухими ветками, валежником. Дрова экономили. А вот если пройти полем, а потом перейти через железную дорогу, то там велась заготовка строительного леса. Лес этот грузили на платформы и отправляли по железной дороге на запад. Отходы от обработки деревьев - крупные щепки, и обрезки деревьев - соблазнительными кучами были разбросаны по территории, заходить на которую запрещалось. Работы выполняла, так называемая, «Трудовая армия». Состояла она из немцев Поволжья. В действующую армию их не брали, так как сомневались в их благонадёжности. Работала эта армия в тылу. В основном, как мне тогда казалось, это были немолодые люди, оторванные от семей. За редким исключением, они старались не замечать как мама и я, как только стемнеет, пробирались на эту территорию, загружали большие санки обрезками деревьев, щепой. Впрягались в них и привозили домой это

топливо. Шло оно и на растопку русской печи, и топили им железянку. Если в тот вечер отходов было много, то мы ещё раз возвращались за ними. И всё это в темноте, в мороз, в пургу, по снежной целине.

В один из таких «походов», ещё когда мы жили у Нели Павловны, к маме подошёл один из командиров отряда и попросил её договориться с хозяйкой о том, чтобы раз в неделю несколько человек могли пользоваться баней. Сначала это была баня Нели Павловны. А после нашего переезда – Машина. Рядовые трудармейцы привозили днём дрова, топили баню, а вечером, после смены, их начальство приходило мыться. Бывало, они просили Машу и маму приготовить пельмени, для чего приносили и муку, и мясо. После бани немцы сидели за столом, на котором были варёная картошка, квашеная капуста, солёные грибы, выпивка и ... пельмени. За стол приглашали Машу с мамой. И нам, детям, перепадало. Пельмени с кониной были такие вкусные! И почему до войны я отказывалась есть котлеты? Да и не только котлеты? Выпивка развязывала языки. Говорили, в основном, о своих семьях, вывезенных неизвестно куда. Но в самые критические для страны дни я услышала и не могла не запомнить фразу: «Скоро Гитлер подойдёт ближе, и тогда мы ему отсюда поможем». Нам с мамой стало не по себе. Они знали, что мы – евреи, но отношение к нам было самое радушное. Видимо, они не были заражены нацистской идеологией. Длилось это общение недолго. Скорее всего, в 1943-м году территория «Трудовой армии» была взята под вооружённую охрану. Немцам запретили выходить. Фактически они оказались заключёнными трудового лагеря.

Как я уже писала, у Маши мама фактически вела всё хозяйство: дом, огород, корова, куры, дети, Петя. Однажды Маша уехала к мужу – его воинская часть находилась на переформировании где-то на Урале. Не было её довольно долго. Надо было что-то делать с молоком. И вот я стала ездить с Олей Решетниковой – моей одноклассницей, на Вагонку продавать молоко. Утром мы садились в «рабочий» поезд с тяжёлыми бидонами с молоком и «кругами» мороженого молока в вещевых мешках за спиной, доезжали до Вагонки, дотаскивали всё это до рынка и, стоя на морозе, торговали. Когда мы видели, что покупателей уже нет, отправлялись по близлежащим домам – не везти же молоко обратно. Вырученные деньги мама складывала в коробку для Маши. Машин сын Петя жалел нас, уговаривал маму распорядиться молоком как ей нужно. Но мама не могла себе этого позволить. Наверное, так постепенно и закладывается в детях понятие о честности, порядочности. Хотя мама ничего такого и в мыслях не держала. Петя сохранился в моей памяти очень добрым парнем. Хорошо помню проводы его в армию зимой 1942-43 годов. После получения повестки из военкомата хмельной Петя в окружении такой же хмельной компании ходит по улицам села, распевая частушки под гармошку, распивая вино, заходит по дороге в дома знакомых – прощаться. У Пети в руках целый пучок подаренных подругами носовых платков с вышитыми на них добрыми пожеланиями. Последняя ночь дома – вся компания укладывается на полу спать. Утром на «рабочем» поезде все отправляются на Вагонку. И я, конечно, с ними. Все хмельные. Петя всю дорогу стоит на подножке переполненного людьми вагона, держась голыми руками за ледяной поручень. Я беспокоюсь – не отморозил бы руки, хотя сама уже не чувствую ног. Кстати, про мои замёрзшие ноги. Ходить мне было не в чем. Из одежды и обуви я выросла. И зимой приходит от папы посылка. А в ней для меня ситцевое летнее платье, пимы и русские сапожки. Когда, примеряя, я надела платье и влезла в валенки перед внимательно наблюдавшими за мной мамой и мальчиками, 4-5-летний Эмик сказал:

«Платье белое в горошках,
Туфли новые на ножках.»

Платье и вправду было белое в горошек. В сапожки я просто была влюблена, но они были тесны, надеть тёплые носки в них я не могла. А провожать Петю в сильный мороз я вырядилась,

конечно, в них. Удивительно, что я не отморозила тогда ноги. О Пете знаю, что он воевал, был ранен, вернулся домой после победы без ноги. Его девушка его дождалась, они сыграли свадьбу. Но это уже было без меня.

Прожили мы у Маши около года. Летом 1943-го мы переехали к Неле Павловне в освободившийся домишко, в котором и прожили последние два года эвакуации. К этому времени у нас уже был свой огород. Распоряжением сельсовета эвакуированным семьям выделяли по несколько грядок в огородах местных жителей, чем те, конечно, были недовольны. Возникали конфликты. Насколько же тактично поступила мама, оставив часть выделенных нашей семье грядок хозяевам огорода! И они остались довольны. А на те грядки, которые нам полагались в огороде Нели Павловны, мама и не претендовала. Я вместе с мамой и сажала, и полола, и окучивала, а осенью и урожай собирала. Овощи хранили в подполе. Картофель сразу же рассортировывали: крупный - на еду, а мелкий - на посадку в будущем году. Отдельно лежали кучки турнепса, репы, брюквы. Собранного картофеля нам хватало на еду до нового урожая. Заплетённый в косы лук висел на кухоньке на гвоздиках. Две бочки квашеной капусты стояли в сенях. В сенях же стояла кадушка с солёными грибами. На «потолке» (чердаке) виселась горка брусники. От моих походов с подружками в лес было мало пользы – и приносили мало, и надумали заработать деньги: к приходу «рабочего» поезда садились вдоль дороги, идущей от станции, и продавали ягоды стаканами. Зато мама с Нелей Павловной возвращались из леса с полными кузовами – уж она-то знала места! Мама возвращалась из леса без рук-без ног, за Н.П. надо было угнаться. Прежде, чем отнести бруснику на «потолок», целый кузов её надо было очистить от сора – называлось это «везать». Делалось это так. Под вечер, когда вся работа по хозяйству закончена, садились на край поросшей травой канавы для стока воды, проходившей по обе стороны улицы. На таз клали сетку с крупными ячейками, и на неё набрасывали горстями ягоды. Крупный сор оставался на сетке, а мелкий «отвеивался» в сторону. Во время сбора брусники по вечерам перед каждым домом «везали».

И ещё купила мама молодую козочку. Назвали мы её Муськой. В первый год молока она давала мало, зимой хватало только «забелить» похлёбку, а летом – и простокваша на салат из огуречника. Меня она всерьёз не воспринимала. Мне казалось, что она всё время хочет меня боднуть. Зато Эмик с ней справлялся запросто. Он и отгонял её в стадо. Однажды мы прокараулили возвращение стада, колхозный сторож отловил нашу козу в колхозном поле и загнал в загон у Правления колхоза. По военному времени нам грозило серьёзное наказание за потраву. Ведь тогда даже за несколько колосков пшеницы с колхозного поля сажали в тюрьму. Я с мамой и Н.П. отправились на выручку в Правление колхоза. Пока мама ожидала возможности поговорить с председателем колхоза, Н.П. обыскала все закоулки во дворе Правления, обнаружила Муську и, нахлёстывая её прутом, угнала домой. Мне оставалось только знаками вызвать маму из кабинета председателя. На том дело и закончилось.

Однажды, войдя в домик, мы с мамой оказались свидетелями такой картинке: Лёник стоит у стола, держа обеими руками поллитровую банку, из которой жадно пьёт молоко. Мама дёрнулась было к нему, чтобы отнять, но я её остановила – пускай пьёт. Лёник, захлёбываясь, боясь, что отберут, выпил молоко до дна. В другой раз он своей ручонкой влез в банку с лярдом (перетопленным свиным жиром) и полную горсточку засунул в рот. Это было с двух-трёх-летним ребёнком. Так закладывалось «здоровье» в раннем возрасте. Четырёх-пяти-летний Эмик ко всему этому относился снисходительно, он ведь был «большой», он понимал младшего братика. У меня, как я сейчас понимаю, была цынга. Дёсны кровоточили и ныли. От этой ноющей боли я пыталась спастись с помощью соли – насыпала крупную каменную соль на ладошку и натирала ею дёсны. Их очень щипало, но это было лучше, чем изматывающая ноющая боль. На внутренней

стороне бёдер появились фурункулы, тогда мы называли их чирями. Они были и наружными, и внутренними. Боролась я с ними тоже по собственному разумению: прокаливала иголку над горячей лучиной (для дезинфекции), прокалывала ею чирьи, потом выдавливала из них содержимое и промывала разведённой в воде марганцовкой, тем самым, как я понимаю, разнося инфекцию дальше. Но я справилась, в конце концов! Маме жалобами не досаждала, ей хватало забот без меня.

В той же папиной посылке, о которой я уже рассказывала, были два комплекта мужского нижнего байкового белья белого цвета. Мама перекрасила их в тёмнокрасный цвет – какую уж смогла достать краску, и мальчикам сшили тёплые костюмчики. Зимой захожу в домик и вижу: Лёник стоит у кровати и ручонкой оттягивает от тела тлеющие штанишки. Я зашла как нельзя вовремя. Не было даже ожога. Оказывается, воспользовавшись отсутствием старших, он открыл дверку топившейся железянки, и уголёк выскочил прямо ему на штанишки.

В то время мама уже работала техничкой, т.е. уборщицей, в детском саду. Эмик начал посещать этот же детсад, собственно другого в селе и не было, а Лёника приняли в ясли. Мальчики были приняты как дети фронтовика и благодаря хлопотам заведующей детсадом Александры Константиновны, муж которой в то время был председателем сельсовета. Перед работой мама оставляла Лёника в яслях, находившихся на другом конце села, и шла с Эмиком в детсад. Уходили они из дома очень рано, т.к. маме нужно было натаскать дров, растопить печи, чтобы нагреть помещение к приходу детей. Иногда перед тем, как идти в школу, я отвозила Лёника в ясли, летом в коляске, зимой на санках. Александра Константиновна была добрая, интеллигентная женщина. Она уважала и очень хорошо относилась к маме, понимала, как тяжело ей приходится на чужбине, одной с тремя детьми. Через какое-то время она добилась разрешения о переводе Лёника в детсад, хотя ему ещё не было трёх лет, избавив нас от хождения на другой конец села.

Несмотря на то, что Урал был глубоким тылом, и жители не испытывали ни обстрелов, ни бомбёжек, некоторые эвакуированные не смогли приспособиться к условиям жизни, опустились, ходили по дворам просить милостыню, а были и смерти от голода. По списку сельсовета дети фронтовиков школьного возраста поочередно в течение определённого срока могли обедать в детсаду. Никакой столовой в селе не было. Так как детсад находился возле центральной площади, а значит близко от школы, я нередко после школы заходила туда. Думаю, что в эти дни мама оставалась без своего обеда. А я, перекусив, с удовольствием играла с детьми, читала им книжки, помогая единственной воспитательнице Татьяне Алексеевне. Мне это нравилось. На новогодний праздник нарядили меня Дедом Морозом. Как и полагалось, у меня была белая ватная борода, красный нос. На ногах - пимы, на руках - варежки, на голове – красная шапка с белым ватным околышем, белый халат подпоясан красным кушаком. Говорить я старалась «дедморозовским» голосом. Я развлекала детей играми, стишками, вспоминая довоенные детсадовские и школьные ёлки. Детям было весело, вновинку. В какой-то момент я заметила, что Лёник не сводит с меня глаз, неотступно следуя за мной. Оказалось, что из разошедшихся пол моего халата выглядывало хорошо знакомое ему фланелевое платье. Это вызвало у него смутное подозрение. Я мгновенно навела порядок в своём наряде и постаралась это сомнение развеять. Думаю, что для Эмика личность Деда Мороза была ясна с самого начала. Когда Н.П. открывала калитку возвращавшимся из детсада маме с детьми, первые обращённые Лёником к ней слова были: «Нен, что ты стряпала сегодня?». Услышав в ответ: «яишенку», он деловито брал её за руку и со словами: «а нам ни-ичего не давали» направлялся в её избу. Если Н.П. делала вид, что не хочет его пускать, он начинал ей угрожать: «Вот вернётся с войны мой папка-танкистик и разворотит танком твой дом». Если же слышал о картошке, то начинал ей рассказывать о пирожках, которые

он ел в детсади́ке. Могу подтвердить, что это были очень вкусные пирожки из серой муки с картофельной начинкой.

Начиная с осени 1944 года, с питанием дома стало лучше. Свои овощи и лесные заготовки, Муськин вклад спасли нас от голода. Какое-то количество вёдер картошки предназначалось даже на продажу. Зимой жители Н.Тагила ходили по домам села с целью купить или выменять на вещи картошку. На вырученные деньги маме удавалось купить у немцев из «Трудовой армии» «пайку» хлеба. В то время им, как и всем рабочим, выдавалось ежедневно по 800 граммов хлеба. Не думаю, что для них они были лишними, но в деньгах нуждались их семьи, выселенные из Поволжья в Казахстанские степи. Такая пайка стоила 300 рублей. Ведро картошки зимой стоило 400 рублей – хорошо помню, т.к. на «божничке» до отъезда в Ленинград лежали мои 400 рублей за проданное ведро картошки, которое я заработала в колхозе. Эта «пайка» съедалась нами, детьми, в один присест, как самый вкусный деликатес. Однажды мама, посмотрев на нас, принесла ещё одну «пайку». С ней мы расправились с такой же скоростью. На большой перемене в школе нам стали выдавать по булочке за то, что школьники помогали колхозу убирать картофель и собирать колоски. Делали это мы уже после того как урожай был собран – собирали оставшееся в земле и на земле.

Трудно было достать соль, сахар, спички, керосин. Пользовались, так называемой, каменной солью. Это были крупные куски неочищенной соли, которые приходилось сначала разбивать обухом топора, а потом толочь в ступке на более мелкие части. Вместо сахара покупали в Н.Тагиле на рынке порошочки сахарина. Стоили они дорого. Порошок разводили в бутылочке с водой и этой водичкой подслащивали чай. Заваркой «чая» были травы или корни калгана, считавшиеся целебными. На «десерт» мама готовила «парёнки» - пареные в чугушке турнепс с брюквой. Спички экономили. Огонь зажигали лучинами от горячих углей, которые долго сохраняются в русской печи. Лучину надо было настрогать кухонным ножом из сухого полена и хранить её на печи, чтоб была сухой. В долгие зимние вечера, когда избушка занесена снегом по самые окна, свет от подвешенной к потолку керосиновой лампы «молния» падал на стол. Но чаще керосина не было и в целях его экономии на столе горела «коптилка» - горел фитилёк, другим концом опущенный в узкогорлую баночку, наполненную лампадным маслом. При свете коптилки я делала уроки, читала. Пламя коптилки было слабым и грозило погаснуть при малейшем шевелении воздуха. Страницы приходилось переворачивать очень осторожно. Освещён только маленький круг на столе, а вокруг темнота и ... тишина. А я читаю «Вий» Гоголя, и мне так страшно! Я боюсь сделать несколько шагов до сундука, на котором я обычно сплю. Я гашу коптилку и забираюсь в стоящую рядом кровать к маме, где с ней спят оба братика. Мама просыпается, но не прогоняет меня. Мы вчетвером устраиваемся на железной полутороспальной кровати. Электричество было проведено на нашу улицу уже в конце войны. Помню, что для этого мама оплатила стоимость установки столба напротив домика.

Времена были криминально опасными. Воры забирались во дворы, уводили скот. Муську мы не могли оставить на ночь даже в сенях – заводили её в комнату, где она укладывалась между печкой и железянкой. Проснувшись однажды утром, мы с мамой увидели прямо библейскую картину: коза спит, растянувшись вдоль печки, и прижавшись к ней и положив ей на живот голову, спит Эмик. С вечера он лёг спать на печке, а как оказался на полу - вспомнить не смог. Скорее всего, упал с печки, т.к слезть без посторонней помощи он вряд ли смог бы. Никаких следов падения на нём не было. И наша своенравная коза не подняла шум, возмущившись неожиданным соседством. Ни мама, ни я ничего не слышали. В холодные уральские зимы избёнка за ночь остывала, а русская печь хранила тепло до утра. Вот мы и забирались на ночь на печь.

Летом 1944-го года папа прислал офицерский аттестат, и в результате маминых хлопот, военкомат прикрепил нас к находящемуся в Н.Тагиле магазину, где раз в месяц мы могли получить целый рюкзак продуктов, среди которых были и американские: жёлтый «шевелиющийся» сахар, яичный порошок и жир под названием лярд. Уже живя в Америке, я прочла в словаре: «lard – белый, натуральный (без примесей) или полунатуральный свиной жир».

С одеждой дела обстояли катастрофически плохо. На единственной семейной (без папы) фотографии тех лет Лёник сидит на руках у мамы в девчачьем платице. Летом мы, дети, обходились без обуви. Я ходила зимой в кроличьей шубке, купленной за 2 года до войны. Как могла она на мне выглядеть, легко себе представить. Выручало ещё осеннее пальтишко, купленное перед эвакуацией со школой. И вот тёте Циле на работе выдали талон на ткань, и мне из этой ткани сшили тёплое зимнее пальто на вате! А ещё мама вязала нам носки и варежки. Нитки для вязания мы сами и пряли из ваты. У мамы это очень ловко получалось. Я тоже старалась, но у меня не всегда нитки получались одинаковой толщины.

Когда в школе организовывали отправку посылок на фронт, каждый приносил что мог: вязаные тёплые носки, варежки с отдельно вывязанными большим и указательным пальцами для правой руки, чтобы можно было стрелять, не снимая их, табак – махорку, кисеты для табака с вышитыми на них пожеланиями быстрой победы. В посылки вкладывали письма безымянным солдатам.

Изредка, нерегулярно приходили письма от папы. Папа был на Ленинградском фронте. Пару раз он был в командировках в городе. Я не описываю обстановку в городе, т.к. знаю о ней из литературы и рассказов очевидцев. Однажды папа написал маме: «Как бы я ни скучал по вам, как бы тебе ни было тяжело, я счастлив, что вас здесь нет». В одну из командировок ему удалось попасть на улицу Льва Толстого, в дом 5, где голодала семья его брата Сени Синельникова: тётя Роза с 7-ми-летней Любой и уже не встававшим с постели 3-х-летним Мишей. Дядя Сеня находился на фронте. Папа смог только оставить им свой военный паёк. После прорыва блокады они тоже приехали в Н.Тагил. Первое время жили у тёти Цили на Малой Кушве, а потом им дали комнату в центре города. Однажды, вскоре после их приезда, я привезла Любу на несколько дней к нам. Когда мы, наевшись оладий из тёртой картошки, вышли во двор, у неё из-под платья вывалилось несколько оладушек. Страх голода нескоро отпускает свои жертвы. Пару раз за время блокады дядя Сеня Хуторецкий, муж тёти Цили, с опасностью для жизни, добирался пешком в Осиновую Рощу, где стояла папина часть, чтобы взять у папы хоть немного хлеба. В одном из писем папа сообщал, что, будучи в Ленинграде, попал домой и обнаружил, что в наших комнатах расположилась семья соседа – алкоголика. Папа в ярости вышвырнул их оттуда вместе с их пожитками, а заодно и с остатками наших и передал ключи управдому. Как ни странно, но эта семья пережила блокаду, выжили все. У Ивановых пережили блокаду только Прасковья Никаноровна и девочки Мария и Оля. Много лет спустя, уже живя в Америке, Оля со слезами на глазах рассказывала мне, как, зайдя в их комнату, папа развязал вещевой мешок и отдал им всё, что там было – буханку хлеба и кусок масла. Она считает, что в тот момент он спас им жизнь. Папа никогда не рассказывал этого.

Однажды пришёл пакет с нашими, отправленными папе письмами, нашими фотокарточками, его документами. Мама предположила самое худшее. Но вслед за пакетом пришло папино письмо. Он был жив. Только после войны мы узнали, что произошло. Папа оставался в охране склада боеприпасов без всякой надежды на то, что боеприпасы вместе с ним успеют вывезти до прихода немцев. Он и отослал этот пакет с отходящей частью. Но всё обошлось. Из одного письма мы поняли, что его часть движется на переформирование в сторону Урала. Мы стали готовиться к встрече, но она так и не состоялась. Ни разу более чем за четыре года войны мы не виделись.

Если у Эмика сохранились какие-то воспоминания о папе, то Лёник вообще не был с ним знаком, но почему-то решил, что его папа – «танкистик».

После прорыва блокады дяде Сене Хуторецкому удалось дважды побывать в Н.Тагиле. Он привёз нам какое-то количество пластмассовых гребёнок и катушек с белыми и чёрными нитками, чтобы мы могли их продать и выручить хоть какие-то деньги. Продавать нужно было на рынке в Н.Тагиле. Когда я вижу в современных кинофильмах сцены на рынках военного времени, то мне кажется, что вот сейчас я увижу на экране себя – замёрзшую, плохо одетую, постукивающую нога-об-ногу, дышащую поочерёдно на замёрзшие руки, одна из которых крепко прижимает к груди свёрток с несколькими гребёнками и катушками. А вокруг шевелящаяся толпа, в которой шныряют жульё и ворьё, а чаще - голодные беспризорники. Гам, ругань, зазывные крики гадалок... А я торгуюсь с интересующимися моим товаром покупателями. Приходится только удивляться, как это меня никто не обманул, ничего не отобрал. Вот и не верь после этого в ангела- хранителя.

Мне очень нравилось бывать в тёти Цилиной школе, и не только потому, что меня там угощали булочкой, но ещё и потому, что там взрослые учащиеся относились ко мне как к ребёнку. Однажды я стояла в коридоре под дверью класса, в котором тётя Циля, вернее Циля Михайловна, вела урок геометрии, и впервые услышала слово «биссектриса». Оно меня очень рассмешило, но увидев повернувшиеся в сторону стеклянной двери удивлённые лица учеников и учительницы, я предпочла исчезнуть незамеченной. Хотя никому не составило труда догадаться о том, кто мог веселиться в коридоре.

В окрестностях Н.Тагила был санаторий для ослабленных детей – Антоновское. Не знаю, было ли это название санатория или населённого пункта, где этот санаторий находился. Дважды за четыре года меня направляли на одну смену в этот санаторий, думаю, что не без хлопот тёти Циля. Направление давала медицинская комиссия. Во время моего второго пребывания одновременно со мной там была и моя двоюродная сестра Люба. Расположен был санаторий в красивом месте на берегу реки и окружён лесом. Целыми днями с реки раздавался шум работающей драги, добывавшей золото. Дети ходили по берегу, надеясь и там отыскать крупницы драгоценного металла. Питание там было регулярное, но, видимо недостаточно сытное, так как мы заранее толпились у закрытых дверей в ожидании приглашения войти в столовую. И ещё завидовали дежурным, которым, как мы считали, доставалось больше еды. Но дежурили почему-то одни и те же дети. Организован был санаторий по типу пионерлагеря – с отрядами и вожатыми. Проводились спортивные соревнования между отрядами, в конце смены силами детей устраивался концерт. На таком концерте я впервые услышала песню «Ты ж моряк, Мишка, моряк не плачет и не теряет бодрость духа никогда». У меня-то, как раз, катились слёзы, но ведь я и не была моряком. Когда бы я ни слышала эту песню, перед глазами возникает зал деревянного здания клуба и стоящий на сцене мальчик, исполняющий эту замечательную песню.

В конце 1943 года, к огромной радости тёти Розы и Любы с Мишкой и к моей зависти, в Н.Тагил после госпиталя приехал дядя Сеня Синельников. Он был в чине капитана. Был он худ и слаб после перенесённого инфаркта, а с питанием у них дело обстояло ещё хуже, чем у нас. Зимой в их комнате было так холодно, что хранившаяся под кроватью картошка замерзала. Когда я отправлялась в город, мама старалась послать им хоть немного картошки. Чтобы как-то выжить, дядя Сеня начал шить и продавать на рынке босоножки. Вряд ли эта обувь выдерживала хоть сколько-нибудь длительную носку, т.к. верх был из купленных на этом же рынке старых фетровых шляп. Я не посмела попросить дядю Сеню сшить мне такие босоножки, а уж как хотелось! А ему, конечно, было не до меня.

Дело шло к окончанию войны. Бои шли за Берлин. 8-го мая мама меня, а было мне уже тринадцать лет, отправила в Верхнюю Салду – это около часа езды поездом, где по определённым дням работал рынок, который был дешевле, чем в Н.Тагиле, чтобы купить лярд. Сделав покупку, я зашла к маминим знакомым, а может быть и родственникам, у которых пробыла до отхода обратного поезда. Дома я рассказала маме, что по радио всё время передавали марши. Рабочие, вернувшиеся со смены, рассказывали то же самое. Все ждали, но боялись поверить, что это означает конец войны. Наутро следующего дня я отправилась в школу. На площади у церкви стояла толпа народа, радостно «со слезами на глазах» обсуждавшая сообщение председателя сельсовета о капитуляции немцев, об окончании войны. Я побежала домой. Мама в подполе перебирала картошку, готовясь к посевной. Услышав долгожданное известие, она опустилась на ступеньку лесенки, ведущей в подпол, и какое-то время так и сидела не шевелясь. Очень жалею, что никогда позже мне не приходило в голову спросить, о чём она тогда думала, сидя на лесенке и опустив нагруженные руки.

К тому времени тётя Цилия уже жила в Ленинграде. Неожиданно и нам пришёл «Вызов» в Ленинград. Оформлен он был Наркоматом Обороны СССР. Мама отправилась в областной центр - город Свердловск (ныне, как и до того, Екатеринбург) оформлять пропуск для въезда в Ленинград. Это должно было занять дня три. Я оставалась, как обычно в отсутствии мамы, за хозяйку. Ничто не сулило беды. У меня был полный порядок. С вечера надо было наносить из колодца воду – бачок должен быть полным, сложить определённым образом дрова в русской печке, чтобы они за ночь подсохли, утром начистить картошку, истопить печь и сварить нехитрый обед, ловко действуя в печи ухватом. Уборки в маленькой избёнке было мало. Главное, вымыть чугунки да миски с деревянными ложками, а потом голиком с песком отмыть пол до бела. Заходила Н.П., молча смотрела и уходила, не сказав ни слова. Вот только мальчиков отводить в детсад я не любила. Мне нравилось их умывать, одевать, кормить, укладывать спать. По вечерам, покончив с делами, я их наряжала, и мы выходили на улицу. Лёнику на головку я повязывала мамин крепдешинный шарф, единственную красивую вещь, оставшуюся от довоенной жизни и не нашедшую покупателя. Муську в стадо отводил Эмик, он же загонял её обратно. Доить она мне не давалась - норовила со мной поиграть, приходилось просить Н.П. Она меня изредка хвалила: «молодец Любша». А это дорогого стоило.

Вечером, перед приездом мамы, отправила Эмика встречать козу из стада, нарядила Лёника, вышла на улицу и села «на канаве» в ожидании стада. Сидевшие тут же соседки рассказывают мне: «Эмша всех насмешил. Говорит, что тётки Машина корова вверх ногами идёт». Я прислушалась к его разговору, поняла, что что-то неладно, загнала козу в сарай, уложила Эмика в кровать. Он показывает пальчиком и говорит: «Ой, репка растёт!». Спрашиваю: «Где?» - «Возле сундука». Прошу показать. Он подходит к сундуку, наклоняется, протягивает ручку: «Ой, нету». Поздно вечером приехала мама. Я всё ей рассказала, и она тут же побежала за фельдшером Иваном Ивановичем. Несмотря на позднее время, он пришёл, осмотрел Эмика и, хотя не был уверен в диагнозе, выписал рецепты. Утром рабочим поездом я поехала в аптеку в Н.Тагил. Получив лекарства, возвращаюсь к поезду. На Вагонке встречаю приехавших на смену, и они мне сообщают, что маму с обоими мальчиками отвезли в заводскую больницу. Я – туда, благо это здесь же, на Вагонке. Мама в слезах. Эмик бредит. Лёник без сознания. Мама отправила меня домой, я успела ещё на рабочий поезд. Утром еду в больницу. Захожу в палату. Мальчики лежат в отдельной палате на двух соседних кроватях, с ними мама. К счастью, накануне приехал из Свердловска профессор для консультации тяжело больного пациента, и он согласился осмотреть мальчиков – детей фронтовика. Диагноз – инфекционный менингит. Слова профессора: «Мамаша, этого мальчика (указывает на Лёника) Вы потеряете, а этого (указывает на Эмика) мы

постараемся спасти». В то время вся больница получала на сутки один грамм пенициллина. Профессор распорядился выделить больнице ещё один грамм специально для мальчиков. Эмик быстро пришёл в себя. Лёник три дня был без сознания. Но когда мама подносила к губам ложечку с водой, с лекарством, с жидкой или размельчённой едой, он открывал ротик и глотал. Мама не отходила от них, спала вместе с ними. Жалко было смотреть на них, когда они лежали без движения после процедуры пункции позвоночника. Однако, детство брало своё – они начинали баловаться. Однажды решили показать друг другу «заплатки» – смазанные йодом места на спине после пункций. Лёник упал с кровати и опять потерял сознание. Через некоторое время он пришёл в себя, но чего это стоило маме!

Не помню, как долго они находились в больнице, видимо, около месяца. Я оставалась на хозяйстве. На мне был дом, Муська, приготовление еды для себя и в больницу, покупка на рынке каких-то продуктов в больницу. В эти дни тётя Роза с детьми уезжала в Ленинград, так что времени помочь нам у неё не было. Как горда я была, наблюдая, с каким удовольствием малыши уплетали испечённое мною печенье! Рецепт «французского печенья» я обнаружила в сохранившемся с довоенного времени журнале, интерпретировав его согласно имевшимся продуктам. Если по рецепту нужно было использовать сливочное масло, то я брала такое же количество лярда, вместо двух ложек вина добавляла две ложки разведённого спирта, а вместо сахара – разведённый в воде сахарин. И представьте себе – получилось рассыпчатое печенье!

Кроме того, дома в моё отсутствие украли с верёвок постиранное мною постельное бельё. Маме сказать об этом я не могла. Я сама вызвала милиционера, он составил акт, опросил соседей, даже, по их наущению, провёл обыск у Н.П. Всё закончилось безрезультатно. Известно было, что мы скоро уедем. Мама узнала об этом только после возвращения из больницы. Оба мальчика на вид были здоровы. В селе, кроме них, никто не заболел менингитом. Пришли к выводу, что Эмик пообщался с больной лошадей из колхозной конюшни, находившейся рядом с детским садиком. Дети действительно любили гладить и кормить лошадей. Я не знаю, возможно ли такое, но другого источника инфекции не нашли.

Наконец, мальчиков выписали из больницы, и мы стали собираться в дорогу, т.к. заканчивался срок действия пропуска для въезда в Ленинград. Мама продала нашу Муську, продала остатки картошки. Я сшила себе зелёную шерстяную юбку в складку из изношенной маминой. Были куплены билеты, и мы отправились теперь уже в пассажирском поезде в Ленинград. В Свердловске у нас была пересадка на поезд Свердловск – Ленинград. Маме с трудом удалось получить места в этом поезде только благодаря тому, что вызов был от Наркомата Оборон. Ехали несколько суток. Остановки были длинные. На станциях в больших городах к приходу поезда накрывали столы, и можно было раз в день поесть горячую пищу. На мелких остановках местные жители продавали горячую картошку, посыпанную укропом, молоко, простоквашу. Мама была занята – мальчики после болезни требовали особого внимания, а я сидела в тамбуре, свесив ноги на подножку вагона, и смотрела на пронесившиеся мимо поля, леса, населённые пункты, а то и просто одинокую будку обходчика. С этой поездки я запомнила, что слово «оккупант» пишется с двумя «к», прочитав его на металлической кружке соседа по купе в предложении: «Смерть немецким оккупантам!». Со своего наблюдательного пункта я надеялась увидеть Москву и, если повезёт, Кремль, но нас провезли через какую-то промышленную зону, и поезд взял направление на Ленинград. Тут уж ничто и никто не могли сдвинуть меня с места. При подъезде к Ленинграду я обратила внимание на срезанные кроны деревьев и не сразу догадалась о том, что деревья пострадали при артиллерийских обстрелах.

Прибыли мы на Московский вокзал. Никто нас, конечно, не встречал. Не знаю, как мама, но у меня и в мыслях не было, что нас встретят - настолько я привыкла обходиться собственными

силами. Оставив маму с ребятами на платформе сторожить вещи, я отправилась искать какой-нибудь транспорт. Договорилась с шофёром стоявшей у вокзала полуторки – это грузовик грузоподъёмностью в одну с половиной тонны (а были ещё трёхтонки) с открытым кузовом. Наши вещи вместе с вещами ещё двух семей уложили в кузов. Мама с ребятами села в кабину, а я, конечно, в кузов. Едем по городу. Свернули на пр. Володарского, теперь уже Литейный. Я волнуюсь – вдруг не узнаю свой дом, ведь прошло четыре года с тех пор, как я последний раз вышла из его ворот. Но вот же эти ворота и та же каменная тумба слева от них! Стучу шофёру в кабину – он останавливает машину как раз напротив ворот на другой стороне проспекта. Выгружаемся. Перетаскиваем вещи через дорогу. Вот и мой двор, лестница, квартира 14. Дверь в наши комнаты опечатана. Я срываю сургучные печати. Мама своим ключом, который бережно хранила все эти годы, открывает нашу дверь. Мы дома! Мы счастливы!

Мебель стоит на своих местах. Но все полки и в шкафу, и в буфете пусты – ни вещей, ни посуды. Постарался сосед – пьяница. Обнаруживаю, что узкая дверца платяного шкафа закрыта на ключ. Каким-то образом мне удаётся её открыть, и – о радость! – на полочках стоят патефон, чемоданчик с пластинками, чайный сервиз. Среди пластинок выученная наизусть «Федорино горе», трогательная «Нищая», пластинки с песнями на идиш. А среди бумаг находим квитанции на сданную мамой перед эвакуацией в комиссионный магазин какую-то вещь и на сданный в начале войны радиоприёмник. Что было с первой квитанцией не помню, а со второй – с Олей Ивановой едем в Гостиный Двор, отыскиваем во внутреннем дворе нужный склад, предъявляем квитанцию, и нам предлагают самим отыскать наш радиоприёмник. А их там тысячи, заполнивших ряды полок от пола до потолка в двух огромных помещениях. Мы медленно обходим эти помещения, внимательно разглядывая каждую полку, но нашего нет. Нам предлагают взять взамен какой-нибудь другой. Но мне нужен наш, с вращающимся глобусом. Я почти соглашаюсь на замену, но прошу кладовщицу проверить вот тот, на самой верхней полке, уголок которого торчит во втором ряду. Кладовщица взбирается по лесенке, выдвигает указанный мной приёмник, и я радостно кричу: «он!». Сверяем номер по квитанции – точно! И вот мы с Олей торжественно вносим в квартиру наш довоенный, с вращающимся глобусом, единственный на всю коммунальную квартиру радиоприёмник. Как мы его дотащили – не помню. Часами я слушала передачи, и литературные, и музыкальные, и политические. Радио в то время было единственным источником моего, да и не только моего, знакомства с различными сторонами жизни. О телевидении мы понятия не имели. Я старалась нагнать упущенное за годы войны.

С Гостиным Двором тех лет связано воспоминание о витрине магазина по Садовой линии – растянутое байковое трико сиреневого цвета непомерно большого размера. Мне стыдно было за то, что выставили напоказ столь неприглядную интимную вещь.

В квартире за время нашего отсутствия произошли печальные изменения. В комнате Марка жила незнакомая женщина. Марк умер во время блокады, а его жена Циля решила не возвращаться в Ленинград, после окончания войны она уехала к своим родным в Белоруссию. В семье Ивановых остались только Прасковья Никоноровна с Марией и Олей. В их тёмной комнате поселился и муж Марии – Виктор. Дмитрий Иванович и Ваня погибли в блокаду. Тётя Клава с сыном переселилась в квартиру напротив.

Конец лета 1945-го года. Папа ещё в армии, где-то в Германии. Вскоре он должен быть демобилизован по возрасту, т.к., находясь на офицерской должности, он, по собственной просьбе, оставался в звании ефрейтора (следующее после рядового, но младше сержанта). Мама занимается обустройством нашего быта и, в первую очередь, пропиской и получением продовольственных карточек. Но прежде следует пройти санпропускник – мы всей семьёй, намытые и аккуратно одетые, отправляемся в поликлинику на ул. Софьи Перовской, куда

стекаются вновь прибывшие со всего города. Отстояв положенное время в очереди и пройдя строгий осмотр, возвращаемся домой со справкой, свидетельствующей о нашем нормальном санитарном состоянии. Теперь мама может заняться дальнейшим официальным оформлением. Я подолгу остаюсь с детьми. Однажды я надумала навестить двоюродную сестру Соню, дочку умершего во время блокады маминого брата дяди Пети. Адреса я не знала, но решила использовать свои довоенные воспоминания. Я даже не была уверена в том, что они вернулись из эвакуации, телефонов ни в нашей, ни в их квартирах не было. Это была первая самостоятельная поездка на ленинградском трамвае, поэтому запомнилась до мельчайших подробностей. Одев братишек попримичнее, я направилась с ними по Литейному в сторону ул. Салтыкова-Щедрина (ул. Кирочная). У Дома Офицеров купила всем по эскимо. На Кирочной мы сели на 14-ый трамвай и доехали до кинотеатра «Гигант». И там я по памяти во дворе дома 40 по Кондратьевскому проспекту нашла нужный корпус, на пятом этаже которого мы удивили родственников своим появлением.

Пора было подумать о школе. За плечами были шесть классов Покровской школы – семилетки. С табелем, в котром были отличные оценки, и с прекрасной характеристикой из школы я пошла на Моховую в свою 14-ую школу, в которой я закончила до войны два класса и с которой эвакуировалась из Ленинграда. Теперь она носила номер 191. Несмотря на мой табель с отличными отметками и хорошую характеристику, мне предложили повторить шестой класс уже в ленинградской школе. Была задета моя гордость. Дома я категорически заявила, что в шестой класс я не пойду, «я - не второгодница». К решению этого вопроса подключилась тётя Циля. В то время она преподавала математику в вечерней школе рабочей молодёжи №81, которая располагалась в здании 189-ой средней женской школы на Кирочной слева от кинотеатра «Спартак». Директор этой школы Феоктиста Яковлевна Васильева, посмотрев мои документы, из хорошего отношения к тётё Циле, согласилась принять меня в седьмой класс условно. Условие состояло в том, что если в первые две четверти я нахватаяю плохих оценок, то буду переведена в шестой класс. Так был решён этот вопрос.

Однажды утром в конце августа на кухне раздался звон колокольчика. Электрического звонка в квартире не было. Надо было дёрнуть за ручку, висящую на лестнице у входной двери, и в кухне звенел колокольчик. Так вот утром зазвенел колокольчик. А так как мама жила в ожидании возвращения мужа, то она первой открыла входную дверь. И не ошиблась. Через минуту в комнату входил папа. Мы с Эмиком повисли на его шее, а Лёник, стоя на диване, наблюдал за нами. Расцеловав нас, папа сделал шаг к дивану и протянул Лёнику руку со словами: «Ну, давай знакомиться, сын». Лёнику было 3 года и 10 месяцев, а папе 46 лет, когда они впервые увидели друг друга. Эмику в июле исполнилось 7 лет, а мне в ноябре должно было исполниться 14. Вернулся папа в звании ефрейтора, с нашивкой о ранении и с медалями: «За оборону Ленинграда», «За отвагу» и «За Победу над Германией». В тот день закончилась для нас война. С тех пор все мои воспоминания имеют конкретные точки отсчёта: до, во время и после войны.

Первого сентября 1945-го года началась моя учёба в седьмом классе 189-ой средней женской школы Дзержинского района Ленинграда. В те годы в городских школах было введено раздельное образование девочек и мальчиков. Для меня это было вновинку. В этом же дворе, по другую сторону от «Спартака», находилась 203-я школа для мальчиков. Позднее я узнала об истории школы. Оказывается, до революции 1917-го года в этих зданиях располагалась немецкая школа Anna schule, а кинотеатр «Спартак» расположился в здании лютеранского храма – кирхи (отсюда и название улицы). В страшные годы блокады города эта школа работала, тогда как большинство школ было закрыто, и директором в ней была Феоктиста Яковлевна. Рассказывали, что она спасла от голода и холода нашу прекрасную преподавательницу литературы Елену Сергеевну Маслову,

поселив её в школе. Живя в Америке, в газете «Новое русское слово» я прочла статью - письмо бывшего студента Тенишевского училища (было такое в Петербурге – Петрограде на Моховой улице) к своему сокурснику, в котором он упоминает о «красивой молодой казачке», преподававшей у них математику, Феоктисте Яковлевне Васильевой по прозвищу Фёкла, в которую все они, мальчишки, были влюблены. Именно такое прозвище и у нас носила эта умная, строгая, тактичная, красивая, с гордой осанкой, уже немолодая женщина – директор нашей школы. К нам она всегда обращалась не иначе как: «милые мои девочки». Но я забежала вперёд. Седьмых классов было два. Я попала в 7Б. Нас, троих новеньких, встретили доброжелательно. Я оказалась за одной партой с очень спокойной и доброй девочкой Светланой Львовой. Но первой моей подругой стала Инна Быстрова. Полное имя её было Интерна. Вскоре я познакомилась с её старшей сестрой Октябриной. И ещё у них был брат Владимир. Такая вот революционная была семья. Гуляя по улицам, мы говорили с ней о родине, о патриотизме, вообще о жизни. Её суждения по всем вопросам были резкими и категоричными – или белое, или чёрное – других цветов не признавалось. Иногда заходили в Росконд, чтобы выпить по стакану газированной воды с сиропом за пять копеек, а если копеек не хватало, то за три - без сиропа. Домашние задания я выполняла исправно, но не более того. Однако, постепенно домоклов меч перевода в шестой класс исчез, а оценки от четверти к четверти улучшались.

Поначалу трудно складывались мои отношения с папой. Он был строгим отцом и не хотел признавать никаких возражений. Я же привыкла к самостоятельности. Четыре года я была маминым помощником и советчиком и в быту, и в хозяйственных делах, и в воспитании братишек. И вдруг папа, по причине похолодания, заставляет меня надеть чулки, а не носочки, о которых я мечтала столько лет! Возражать бесполезно. Надеваю чулки с круглыми резинками, на лестнице меняю их на носки. Папа в окно видит в чём я иду в школу. Ещё пара подобных случаев, и папа сдаётся. Один мой поступок до сих пор грызёт совесть. В то время кроме магазинов, торгующих самыми необходимыми продуктами и только по карточкам, были так называемые коммерческие магазины, в которых чего только не было! ... и без карточек. Но... цены в них были во много раз выше, и для нашей семьи, как и для большинства горожан, эти магазины были просто недоступны. Одним из таких магазинов был «Росконд». Однажды мы с папой проходили мимо. Видимо, он увидел как я смотрела на витрины этого магазина – ведь с начала войны я даже не видела шоколадных конфет. Он зашёл в магазин, купил 100 граммов шоколадных конфет, потом, ничего не говоря, отдал мне кулёк и ушёл по своим делам. Их (конфет) было ровно семь штук, без всяких довесков. Я шла по улице и знала, что должна поделиться с братишками. Сначала я съела одну конфету – так удобнее было делить на троих. Потом я решила съесть свою часть, то есть ещё две конфеты. Под каким предлогом были съедены остальные не помню - не было у меня сил, чтобы удержаться. Папа ничего о них не спрашивал, может быть, он и купил их только для меня, но даже сейчас я испытываю угрызение совести за свой поступок.

Жили мы в то время на деньги, которые привезли с Урала, продав там козу и оставшуюся от последнего урожая картошку. Демобилизовавшись, папа долго не мог устроиться на работу. Уже тогда начал набирать обороты антисемитизм. После долгих мытарств, благодаря помощи его бывшего командира по фамилии Ромм (родители между собой называли его Ромик), он получил работу заведующего складом, где он был и единственным работником. Несколько раз я привозила папе на работу еду. Располагался этот склад в здании, подобном Апраксиному двору, напротив Никольского собора. В подвальном неотопляемом, холодном, сыром помещении с крысами запомнились только ряды бочек с селёдкой. Вот на этом складе папа проработал несколько лет, целыми днями круглый год не снимая валенки с галошами и ватную телогрейку с поддетой

меховой безрукавкой, ворочая тяжеленные бочки и ящики. Дома по вечерам он отмачивал руки в миске с горячей водой и смазывал их вазелином, так как кожа была разъедена соляным раствором.

Продуктовые карточки не гарантировали обязательное получение указанных в них продуктов. Так на талоны «жиры» редко удавалось получить сливочное масло, брали подсолнечное или лярд. На «сахар» иногда можно было взять «бомбошки» - карамельки с вареньем внутри, обсыпанные сахаром, муку можно было взять вместо «хлеба». Несмотря на то, что карточками предусматривалось очень ограниченное количество продуктов, выкупить удавалось не всё, так как полки в магазинах, по большей части, пустовали. Слух о том, что в магазине «выбросили» или «выбросят» что-то, распространялся быстро, и у магазина выстраивалась очередь. На керосин были отдельные талоны. Нужен он был для примусов, керосинок, керогаза. Ведь ни газовых, ни, тем более, электрических плит не было, а дровяными пользовались редко. Керосиновая лавка находилась не близко – на улице Восстания, в подвале дома. Там же покупались и ёршики для прочистки воздушного отверстия в примусе. Очень мне нравился запах в керосиновой лавке. А однажды весной мы с девочками поехали на ярмарку. Крестьяне из соседних областей привезли в Ленинград продукты. Выставлены они были в красочно оформленных ларьках, киосках, на лотках. Звучала весёлая музыка. Особенно понравились и запомнились два ларька в виде бочек, лежащих на боку, а в «дне» - окошко, из которого нарядные продавцы продавали пиво. Позднее я неоднократно видела подобное, но тогда это было впервые. Не знаю, хватало ли у ленинградцев денег на покупки, но это был красочный и радостный праздник для них. Через несколько лет в ходе сфабрикованного «Ленинградского дела» осужденным руководителям города и партийной организации даже эти ярмарки были поставлены в вину.

Раз в неделю мы отправлялись в баню. Тогда я не знала, конечно, что это знаменитые «Некрасовские бани». Рассказывали, что в самые тяжёлые блокадные дни именно в этой единственной работавшей в городе бане работал один класс и для мужчин, и для женщин – истощённые люди приходили сюда согреться. Мы покупали в кассе на первом этаже билетки, похожие на трамвайные. Цена билетика зависела от класса, поэтому сначала выясняли, в какой класс очередь меньше. Очереди растягивались по лестнице, и иногда приходилось томиться в них часа два. Нравилось мне, когда мама отпускала меня в баню с Ивановыми. Нам с Олей не было скучно, но зато приходилось терпеть, когда Прасковья Никоноровна, не доверяя нам, мыла нам волосы чуть ли ни кипятком, больно царапая кожу.

К наступлению холодов меня приодели. В ателье, расположенном на Литейном, почти напротив нашего дома, мне заказали осеннее пальто из папиной серой командирской шинели. Сшито оно было по моде того времени с высокими плечами, и носила я его и осенью, и зимой, и весной до окончания школы. Когда во время прогулки мороз пробирал до костей, Салайка (Люся Салай – моя школьная подруга) говорила: «Распрями плечи и скажи: мне не холодно!», я следовала её совету, и мы продолжали наш путь. Сама же она была одета в пальтишко из жиденького, так называемого, «школьного» драпа. В последнюю школьную зиму (1948-1949 годы) по талону, полученному папой на работе (всё тот же склад), мне было куплено тёплое зимнее пальто из тёмносинего драпа с кротовым воротником, дурно пахнувшим в сырую погоду. В соседнем ателье была сшита шапочка-«кубанка» и муфта из шкурок морского котика, привезённых папой из Германии. Оставшаяся не у дел шкурка хранится у меня до сих пор. В школу я пошла в немецкой шерстяной вязаной бежевой кофточке с деревянными пуговицами и с немецкими же часиками на руке. Немногие из одноклассниц имели часы. Правда, ремонту они не подлежали. Но самым ценным папиным трофеем был велосипед. На этом мужском дорожном

велосипеде по выходным дням под папиным присмотром училась кататься не только я, но и все желающие девочки моего класса. Происходило это на набережной Фонтанки у Инженерного (Михайловского) замка, где в те времена не было транспортного движения. В эту же зиму 1945-1946 годов у меня появились ботинки с коньками, да не простые, а сделанные по заказу спортивного общества Динамо ещё до войны. Куплены они были в комиссионном магазине для моего троюродного брата Вили (Вилен Рабинович), а так как они стали ему малы, то мои родители приобрели их для меня. От обычных они отличались тем, что сами коньки были необыкновенно лёгкими, голенища ботинок из тонкой кожи были высокими до середины икры, подмётки тоже кожаные. Пару раз папа поводил меня в коньках по снегу во дворе, и в ближайший выходной я с одноклассницами отправилась на каток стадиона Динамо на Крестовском острове. Там мы, падая и опять вставая, под бодрую музыку из репродукторов без всяких тренеров учились кататься на коньках. Этот год подарил мне ещё один вид спорта. Александра Андреевна – наша учительница физкультуры, меня с ещё несколькими девочками отправила выступить в соревнованиях по баскетболу, на пальцах объяснив правила игры. О выигрыше речи не было, важно было участие, но я на всю жизнь осталась предана этой красивой игре. С Александрой Андреевной связано ещё одно воспоминание. Тяжело заболела её маленькая дочь. Мы в классе собрали деньги и купили 2 кг абрикосов в коммерческом магазине на углу улиц Восстания и Некрасова. На следующий день я принесла пакет в школу, и мы потихоньку отдали его Александре Андреевне. Она была растрогана до слёз – она даже мечтать не могла о такой покупке для дочки. Спортивные занятия сблизили меня с моими одноклассницами Люсей Салай (Салайкой) и Лидой Тимофеевой (Тимой). Инну спорт не увлекал, и я постепенно стала отдаляться от неё. С ней у меня связана первая самостоятельная покупка книги. Гуляя по Литейному, мы зашли в книжный магазин в сером доме, примерно напротив улицы Жуковского, где моих денег хватило на покупку книги А.С.Пушкина «Капитанская дочка». Она была малого формата и в мягком переплёте, но она дорога мне как память. И чтобы закончить с событиями этого года упомяну о введении школьной формы. Мне купили коричневое платье, к которому я регулярно пришивала свежие кружевные воротничок и манжеты. Судя по фотографиям, передники (белый – парадный и чёрный – каждодневный) у меня появились уже в восьмом классе, в который я перешла, благополучно сдав весной экзамены.

На лето родители сняли комнату с верандочкой в посёлке Михайловка, не доезжая Вырицы. Мне очень хотелось остаться в Ленинграде для участия вместе с Люсей Салай в репетициях и затем в самом параде в День физкультурника. Тем более, что полученную для парада форму сдавать не надо было. Это был первый послевоенный парад. Но уговорить родителей не удалось. В доме жили ещё четверо детей, трое из которых были мои ровесники, так что скучно не было. В свои редкие выходные дни приезжал папа, привозил продукты. Приезд папы на дачу всегда был праздником. Обедали за стоящим перед верандой столом. Ставили самовар, для которого собирали сосновые шишки. После обеда папа ложился вздремнуть, после чего шли на речку купаться. Однажды я тоже прикорнула рядом с папой, пригрелась, и так мне не хотелось вылезать из тёплой постели! Но надо было знать папу... Он заставил меня встать и отправиться на речку со всеми. Ему, конечно, хотелось побыть вместе. Но настроение ему и, конечно, маме я испортила, так как дулась и молчала до самого папиного отъезда. Плавать я не умела. Где бы и когда я могла бы этому научиться? Однажды очень испугалась, почувствовав, что меня тянет в омут, но виду не подавала, не закричала, а как-то часто заработала руками и ногами и выплыла – никто и не заметил. Несколько раз я сама ездила в Ленинград за продуктами. В одну из поездок, уже после Дня физкультурника, мне разрешили пригласить Люсю. В темноте мы добрались со станции до дома, таща не только продукты, но ещё и тяжеленный аккумулятор – папа решил устроить нам

электрическое освещение. В доме уже все спали. Мама вынесла нам еду на веранду и тоже пошла спать. И тут по стеклу запрыгал огромный комар. Мы его прихлопнули, но это «убийство в тёмную ночь» вызвало у нас дикий приступ хохота. Мы понимали, что можем переполошить весь дом, но сдержаться не могли. С трудом успокоившись и закончив ужин, мы улеглись вдвоём на одной раскладушке, благо обе были «в весе пера».

Пока мы отдыхали на даче папе удалось найти и договориться об обмене двух наших комнат на двухкомнатную квартиру со смежными комнатами, расположенную в бельэтаже дома 15-17 по Манежному переулку. Улица Пестеля раздваивается, обтекая с двух сторон величественный Преображенский храм. Правая её часть продолжается под названием улица Рылеева, а левая – Манежный переулок. Обе эти небольшие улицы, пересекая улицу Маяковского, упираются в улицу Восстания. Прямо с дачи мы поехали в наш новый дом, второй от улицы Восстания. Квартира находилась в бельэтаже – высоком первом этаже. Дверь на красивую парадную лестницу, ведущую с улицы в квартиры, была постоянно закрыта. Папа пытался уговорить жильцов вышележащих этажей пользоваться этой дверью, но встретил жёсткое сопротивление. Широкие лестничные площадки были использованы ими под кладовки и даже под жилые помещения. Жильцы предпочитали ходить через двор и пользоваться узкой лестницей «чёрного хода». Поэтому вход в квартиру был не через прихожую, а через кухню. В кухне была, конечно, большая деревянная плита, которую топили зимой не столько для приготовления пищи, сколько для обогрева. Для приготовления пищи служили, по-прежнему, примус, керосинка и керогаз, стоящие на плите. Ещё на кухне стоял большой ларь, в котором хранилась заготавливаемая с осени на зиму картошка. За дешёвой картошкой папа ездил в Эстонию с Давидом Палеем, мужем маминой двоюродной сестры Рахили. Давид работал коммерческим директором завода «Севкабель» и в один из осенних выходных брал для этой поездки грузовик. Папа привозил обычно несколько мешков картошки, а температура в кухне позволяла сохранять её. Рядом с входной дверью была небольшая раковина и кран с холодной водой. А в углу у окна стояли стол со стульями. Из кухни был вход в холодную уборную с постоянно мокрыми стенами и мокрым цементным полом, на который стекала вода с поверхности проходящих через уборную труб. Вторая дверь вела в маленький коридорчик. Если, войдя в него, повернуть направо, то попадаешь в ванную комнату, почти всё помещение которой занимает ванна. Подогрев воды и самого помещения осуществляется стоящей в углу колонкой, дрова для которой должны были быть помельче, чем для плиты. Пользоваться ванной для мытья было неудобно, предпочитали баню, а использовали её для стирки. Если же повернуть при входе в коридорчик налево, то попадаешь в маленькую прихожую, в которую и ведёт дверь с парадной лестницы. Из прихожей большая застеклённая двустворчатая дверь вела в комнату размером около 20-ти квадратных метров с двумя большими окнами, выходящими на Манежный переулок. А уже из этой комнаты тоже через двустворчатую дверь попадаешь в комнату поменьше – около 15-ти квадратных метров с одним таким же большим окном. Уже при нас мастера, ремонтировавшие квартиру, заделывали на этой двери следы от осколков снаряда. Обе комнаты обогревались печью, встроенной в разделяющую их стену. Топка была со стороны большой комнаты. Печь со стороны большой комнаты была облицована белым кафелем, дверки топки, поддувала и вьюшки (заслонки) были бронзовыми. Печь была украшением комнаты, но тепло держала плохо. Позже во второй комнате установили ещё одну печь. Нам казалось, что мы попали в сказку! Правда, зимой, вылезая по утрам из постели, ноги сразу надо было всовывать в валенки, надевать что-нибудь типа ватника и скорее растапливать печку. Ситуация была осложнена тем, что полуподвальное помещение под нашей квартирой пустовало и затапливалось водой, превращавшейся зимой в лёд. Меньшая комната была превращена в детскую. Там поставили две кровати: односпальную занимала я, а на

стоявшей напротив двухспальной спали мальчики. Там же стоял мой письменный стол, этажерка и книжный шкаф. В большой комнате вдоль стен стояли кровать родителей, буфет, платяной шкаф, диван и посреди комнаты круглый стол со стульями. Мама всегда подавала папе еду за этим столом – никогда на кухне. Часть комнаты занимал расстроенный прямострунный рояль, доставшийся нам вместе с квартирой. Бывшие жильцы не смогли решить проблему извлечения его из квартиры, и какое-то время он служил для нас развлечением. Потом папе удалось как-то от него избавиться, и в комнате стало просторнее.

Первого сентября я шла в школу уже из новой квартиры. Наш 8Б располагался в том же помещении, что и в предыдущем году - на втором этаже, рядом с учительской. Особых сложностей с учёбой не возникало. Отношения между одноклассниками были дружелюбными. Не могу припомнить ни одной мало-мальской ссоры между девочками. Всегда старались поддержать, подсказать, помочь на контрольных. У всех были клички, в основном, производные от фамилий. Я была Синеля, реже – Рыжик. О Салайке я уже писала. Галя Соминич была Сома, а ещё Эвгена Зелёная – по цвету её ядовито-зелёной кофты. Я предложила девочкам на переменах подниматься на третий этаж и в актовом зале играть с малышами, классы которых были на том же этаже. Мы водили с ними хороводы, что-то им рассказывали. Продолжалось это недолго, наша затея не понравилась учителям. От нашей компании к этому времени откололась Лида Тимофеева. После седьмого класса она продолжила учёбу в техникуме, у неё появились другие друзья, другие интересы. Я продолжала дружить с Люсей и Галей. В свободное от школы и домашних заданий время гуляли по улицам или сидели у Люси. Жила она с мамой и старшей сестрой Алей в одной из комнат коммунальной квартиры во дворе дома по Сапёрному переулку. Мама её работала в столовой на Литейном, напротив улицы Петра Лаврова (Фурштадской), а сестра в конструкторском бюро. Обе они днём были на работе. Подождав, пока Люся закончит уборку комнаты, садились играть в «пьяницу» или в «подкидного дурака». И так нам было весело! Гуляя, мы могли наблюдать как пленные немцы высаживали деревья на улице Маяковского, как они оформляли стену восстановленного ими дома напротив Соляного переулка надписью: «Слава Великому Советскому народу! Доска воздвигнута в честь героической обороны полуострова Ханко (22 июня – 2 декабря 1941г) в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 г.г. Слава мужественным защитникам полуострова Ханко!» Мы безуспешно пытались разглядеть в них тех самых фашистов, которые зверствовали всего пару лет назад. Зимой 1945 -46 годов были казнены плененные командиры немецких воинских подразделений, участвовавших в блокаде Ленинграда. На площади перед кинотеатром «Гигант» были построены виселицы, и на них болтались замёрзшие трупы.

Вспоминаются поездки в Озерки, где мы самостоятельно учились кататься на лыжах. Своих лыж у нас, конечно, не было, выпрашивали их на выходной у Александры Андреевны из школьных запасов. О мазах мы понятия не имели. Креплениями были кожаные ремешки, которыми и прикреплялись лыжи к валенкам. В обнимку с лыжами на задней площадке двадцатого трамвая около часа мы ехали до Озерков. Попасть нам надо было на третье озеро. Ни переодеться, ни согреться там было негде. Накатавшись до изнеможения, отправлялись в обратный путь. Трамваи не отапливались. До дома добирались замёрзшими как ледышки.

В 8-м классе, 14-ти летней, я была принята в Комсомол – Коммунистический Союз Молодёжи. Это было важным событием в жизни молодёжи. В моём окружении тех лет не было никого, кто не стал или не стремился стать членом этой молодёжной организации. Вступая в неё, мы обещали быть активными строителями коммунистического общества. Идеалистические коммунистические воззрения завладели мной надолго. Героями для нас стали члены подпольной молодёжной организации «Молодая гвардия», борющиеся и погибшие в борьбе с немецкими

фашистами, оккупировавшими их родной город Краснодон. Мы зачитывались книгой Александра Фадеева «Молодая гвардия». Сбежав с уроков, мы всем классом смотрели кинофильм «Молодая гвардия» в первый же день выхода его на экран в нашем «придворном» кинотеатре «Спартак». Мы восторгались поступками героев и рыдали во время показа сцен их гибели. Имена Олега Кошевого, Ульяны Громовой, Любки Шевцовой, Вали Борц, Сергея Тюленина стали нарицательными, на них хотели быть похожими. Принимая участие в литературном монтаже на одном из школьных вечеров, я произносила клятву: «Я, Ульяна Громова, вступая в ряды Молодой гвардии, торжественно клянусь...». И я была уверена, что окажись я на месте молодогвардейцев, вела бы себя так же. Как же мне было больно, когда в 60-х годах на заседании Административной комиссии Дзержинского райисполкома Ленинграда, членом которой я в то время была, появился совершенно опустившийся мужчина, в котором мы, члены комиссии, узнали Гурзо - того самого артиста, который блестяще сыграл роль Серёжки Тюленина. Конечно, ни у одного из членов комиссии не повернулся язык вынести решение о его наказании. Комсомольский билет и значок нам вручали в торжественной обстановке. В комсомольском билете я значилась как Синельникова Любовь Аркадьевна.

Несмотря на то, что здоровьем похвастаться я не могла (вечно - положительная «реакция Перке»), росла я девочкой спортивной. Конечно, сказались четыре года войны, когда приходилось питаться и лебедой, и картофельными очистками, и никаких жиров в глаза не видели, разве что в том козьем молоке, которым забеливалась похлёбка. Да и послевоенные годы были тяжёлыми. Жили мы очень скромно. Хотя папа был торговым работником, картошка во всех видах оставалась основой наших обедов. Придя в седьмой класс, на уроках физкультуры я стояла по росту в конце шеренги – за мной были только Инна Быстрова и Люся Алтухова. Но, постепенно продвигаясь к её началу, к десятому классу была уже в первой пятёрке. Регулярно спортом я не занималась. Школьный спортивный зал, находившийся в пристройке к школьному зданию, был во время войны разрушен. Мы так и не дождалась его восстановления. Сначала уроки физкультуры проводились в актовом зале на третьем этаже, потом для них был оборудован класс на первом этаже. Поэтому условий для внеклассных занятий спортом не было. Но регулярно преподаватель физкультуры Александра Андреевна включала меня в школьную команду для выступления на районных соревнованиях по различным видам спорта. Это были соревнования по баскетболу, волейболу, гимнастике, лыжам. Тогда я познакомилась на соревнованиях по баскетболу с Зоей Ивановной, у которой тренировалась впоследствии, учась в ЛЭТИ. Помню свои горькие слёзы, когда, не удержав равновесия, прыгнула с бревна на районных соревнованиях по гимнастике. А какое было горе после глупого проигрыша баскетбольной игры, проходившей в 203-ей школе. Это было уже в десятом классе. Дело было в том, что в нашей команде надежда была только на Лялю Браво и на меня. В команде соперников (это была команда той школы, которую много позже закончил будущий президент России В.В.Путин) крупной девочке поручили персонально держать меня. Она вообще не знала, что это за игра. Ей поручили не давать мне передвигаться по площадке, она это и выполняла, не обращая внимания ни на мяч, ни на других игроков. Раскинув руки и широко расставив ноги, она перегораживала мне все пути передвижения. После игры, усевшись на пол в раздевалке, мы всей командой дружно рыдали от обиды. О заранее придуманной тактике мне рассказала игрок соперников Галя Аркина, когда, переодевшись, мы ехали с ней на дневной спектакль «Варвары» в Большой драматический театр имени Горького. Потом мы с Галей встретились уже в ЛЭТИ.

Летом 1947-го года мы поехали всей семьёй, вместе с папой, в Злынку. При посадке в вагон папа обнаружил, что билеты он оставил дома на рояле. Сразу вспоминается случай с великой актрисой Фаиной Раневской, которая сказала на вокзале провожавшим её друзьям: «Жаль, что мы

не захватили рояль» и на недоумённые взгляды продолжила: «на нём остались лежать билеты». Папа помчался домой. Вернуться к отходу поезда он не успел, но т.к. на наши места никто не претендовал, нас впустили в вагон, разрешив занять только одну полку из наших трёх. На двух остальных появились пассажиры, сумевшие как-то договориться с кондуктором. Мама не смела возникать. Где-то на полпути папа нас догнал. Остаток пути мы провели на трёх полках согласно предъявленным билетам. Этим же поездом в Злынку ехала жена брата Сони Шмаёнок, первой жены Марка, с красивой 3-4-х летней девочкой Галочкой. Девочка очень смешно восклицала: «Я чертовски хороша!», что соответствовало правде. В Гомеле была пересадка – мы ночевали у родственников. Утром они нас проводили. На станции Вышков нас встретил папин брат дядя Борис. Мы погрузились на подводу и поехали в Злынку, где нас ожидали жена Бориса Элька, её сестра Рива, один из близнецов Зайка (Израиль, Михаил). Это была первая встреча братьев после войны. Взрослым было о чём поговорить, о чём поплакать. Старший талантливый сын Нёма (Наум) 19-тилетним юношей в 1941 году ушёл в армию, по окончании Куйбышевского училища воевал в танковых войсках, хотя в юности мечтал об авиации. Погиб 9 августа 1944 в Литве, г.Вылковиск, в звании капитана. Его могилу случайно нашёл второй из близнецов Зяма (Зиновий). В 50-х годах его геолого-разведовательный отряд работал в этом районе. Один из рабочих однажды сообщил ему, что недалеко натолкнулся на могилу военных лет, в которой захоронен капитан Синельников Наум Борисович. Как рассказывал Зяма, он сел в ГАЗик и рванул туда. Всё подтвердилось. Находившейся в его распоряжении техникой он помог военкомату организовать братскую могилу, перенести в неё останки погибших воинов и установить памятник. Что стало с этим захоронением после того, как Литва стала независимым государством? Сам Зяма был призван в армию 19-ти летним в декабре 1943 года. Он попал в авиацию, был стрелком – радистом. Закончил войну в звании старшего сержанта, был награждён «Орденом Красной Звезды», медалями «За отвагу», «Отечественной войны» 2-ой степени, «За взятие Кёнигсберга». После демобилизации в 1951 году получил специальность геолога, которой посвятил свою жизнь. Зайку призвали в армию годом раньше. Закончил войну он в Румынии в звании рядового. Демобилизовали его в 1946 году по состоянию здоровья. У папиного друга Марголина - одного из лучших фотографов Ленинграда, работавшего в известной всему городу фотографии на углу Невского и Садовой, он получил специальность фотографа и вернулся в Злынку. Семье дяди Бориса в числе немногих жителей Злынки удалось эвакуироваться до прихода немцев. Перед войной в Злынке проживало около 1000 евреев. Около 700 евреев фашисты расстреляли за городом, возле машино-тракторной станции (МТС). После войны их останки были перезахоронены в братскую могилу на еврейском кладбище Злынки, на могиле был установлен памятник. В этой могиле захоронены останки расстрелянных фашистами Аршанских – матери и братьев тёти Розы, жены папиного брата Сени. Вблизи братской могилы находятся могилы папиных родителей, в 1965 году рядом с ними был похоронен дядя Борис. Ничего этого во время пребывания в Злынке я не знала. Это был мой первый и единственный после войны приезд в Злынку. Папа бывал там и после. Дядя Борис работал во время нашего приезда председателем райпотребсоюза. Часто был в разъездах, мы его редко видели. В их доме был организован пункт по заготовке и переработке грибов. Я помогала тёте Эльке принимать грибы: она определяла их качество, я взвешивала, после чего она расплачивалась со сдатчиком. Грибы сушили, мариновали и отправляли в торговую сеть. Отдельно мариновали маленькие белые грибы. Как мне объяснили, эти грибы потом паковали в маленькие деревянные бочонки и отправляли в Кремль. Когда дядя Борис приехал в 1956 году в Ленинград, мне удалось попробовать грибочки из такого бочонка. Папа всю жизнь был большим любителем сбора грибов, сам же их мариновал. Дома у нас был большой альбом с фотографиями и описанием разных

видов грибов. Папа был знатоком грибов. Вечерами по выходным в центре Злынки на открытой площадке устраивались танцы под аккордион. Зайка был крупным изобретателем способов проникновения на площадку без билета. Это было захватывающе интересно, даже больше, чем сами танцы. Незадолго до отъезда в Злынку папа принёс мешки из-под американского сахара из очень плотной хлопчатобумажной ткани, белой в мелкую светло-голубую клеточку. Я сшила из этой ткани себе юбку в складку, которая не поддавалась глажке. Тётя Элька страдала от своей худобы и попросила отдать ей эту юбку, что я, конечно, и сделала. И она стала носить её в качестве нижней юбки.

Школьные занятия шли своим чередом. В этом году наш 9Б класс размещался на самом верху. Там была только ещё одна комната, которую занимал выпускной десятый класс. К сожалению, моя лучшая подруга Люся Салай вынуждена была оставить школу и пойти работать. Устроилась она на трикотажную фабрику «Красное Знамя», но учёбу не бросила – продолжила её в школе рабочей молодёжи. Работая на фабрике, она закончила сначала школу, а потом и Кораблестроительный институт. Будучи депутатом Ленинградского городского совета, пережившая ребёнком блокаду, она пыталась отстаивать интересы блокадников на первоочередное улучшение жилищных условий, но, как она рассказывала, большинство депутатов стали «ленинградцами» после войны, и она не смогла найти в них поддержку. Мы продолжали встречаться сначала часто, я была даже на каком-то праздничном вечере на фабрике, потом всё реже. На первую парту в колонке у окон вместо Люси села со мной Галя Соминич.

После 7 ноября 1947 года, когда мне исполнилось 16 лет, я отправилась в милицию оформлять паспорт. В «Пасведчанне аб нараджэнні (Свидетельстве о рождении)», выданном в Белоруссии, моё имя значилось Люба, как и положено в белорусском языке, как и слова «Бацька Арон», «Матка Эсфира». В заявлении-«несгибайке» я написала Любовь, переводя имя на русский язык. Но в паспортном столе милиции меня заставили переписать заявление, объяснив, что это у русских Любовь, а у евреев – Люба. Это был, наверное, первый щелчок по носу, но я и тогда не поняла серьёзность ситуации. Дома разговоров на тему антисемитизма не велось, а шёл 1947-ой год - антисемитизм набирал обороты.

К девятому классу я уже вылезла из троек. Непонятным оставалось отношение ко мне преподавательницы географии. Как бы я ни отвечала, она не просто ставила мне тройку, а старалась как-то обидеть. Однажды во время ответа я употребила слово «ложить», и сразу последовал вопрос: «Как надо сказать?». Я, конечно, знала, но ведь я была уже не первоклассница, чтобы со мной так разговаривали, и вопрос проигнорировала. Тогда она обратилась к классу с этим же вопросом. В ответ – тишина и одна поднятая рука Бэлы Черток... Зато это слово было навсегда выбито из моего лексикона. Своё отношение ко мне Елизавета Васильевна резко изменила после отчётно-перевыборного комсомольского собрания. Секретарь школьного комитета комсомола Ава Долгинцева заканчивала школу, и предстояло избрать нового секретаря. Руководство школы остановилось на кандидатуре моей одноклассницы Иры Добронравиной. Это была хорошая, очень симпатичная русская девочка, из интеллигентной семьи, литературно одарённая, но никогда до того не занимавшаяся общественной работой. На собрании, наряду с кандидатурой Иры, девочки из класса, в котором я была за год до этого пионервожатой, выдвинули мою кандидатуру. Их активно поддержали девочки выпускного 10-го класса. Авторитет учителей возобладавал, и избрана была Ира. Для меня выдвижение моей кандидатуры было совершенно неожиданным. Я вообще тогда ничего не понимала в этих играх. Я не имела понятия о «самоотводе», а могла бы его взять, поняв сложившуюся ситуацию. А главное, я не смогла даже связать её с моей национальностью. Шёл 1948 год. В это время я была комсоргом класса и пионервожатой в одном из 6-х классов. Самым же интересным для меня итогом было то,

что географичка перестала придирается ко мне. К слову, 10 лет спустя мой младший брат Леонид Синельников, учась в этой же 189-ой, но уже не женской школе, был избран секретарём комитета комсомола. Это были уже несколько другие времена.

Классным руководителем, как и в 8-м классе, была у нас преподаватель английского языка Сарра Ароновна Ананьева. Девочки половины класса, изучавшие английский, были с ней дружны, и некоторые из них пошли по окончании школы по её стопам в Институт иностранных языков. Я же была в той половине класса, в которой иностранным языком был немецкий. Преподавала его нам этническая немка Елена Карловна Иваницкая, очень пожилой и больной человек. В связи с таким разделением классная руководительница мало общалась с «немцами», не знала нас, и мы, фактически, были предоставлены сами себе. Но несмотря на это, класс был сплочённым: все за одного – один за всех. До окончания нами школы администрация так и не узнала, куда делись перья чучела павлина, стоявшего в кабинете биологии. Только перед выпуском мы поставили сочинённый Ирой Добронравиной шуточный спектакль, который всё прояснил. Но наказывать виноватых было поздно. Что мы только ни придумывали, чтобы вывести из себя преподавателя истории Александра Степановича. Например, перед его приходом на урок все парты сдвигались к центру класса, а при его появлении медленно, под издаваемое каждой из нас гудение, перемещались на свои места. Рассказывая новый материал, он имел привычку расхаживать между рядами парт, и вслед ему из закрытых ртов раздавалось мычание или из-под парт - звон металлических номерков от сданных в раздевалку пальто. И всё потому, что он нам нравился, и кое-кто был даже влюблён в него. Но Александр Степанович был невозмутим, делал вид, что ничего не замечает. Добрейшему пожилому преподавателю физики Александру Николаевичу, когда во время контрольных он ходил по кабинету, прикалывали на спину листок с решением задач, а после звонка незаметно убирали. Мне казалось, что он всё это видел, но не считал девочек способными понимать физику, а поэтому не обращал внимания на наши «хитрости». Зато всерьёз занимался с мальчиками из соседней мужской 203-ей школы.

В 9-м классе у меня прорезался интерес к математике. Это произошло не без влияния прекрасного педагога Евдокии Романовны Панченко и тёти Цили. Моя одноклассница Лиля Бенуа и я, по заявке Евдокии Романовны, участвовали в математических олимпиадах. Побед мы не добились, но период подготовки проходил в решении интересных не только математических, но и логических задач, которые предлагались участникам предыдущих олимпиад. Однажды вечером я пожаловалась пришедшему с работы папе на то, что не могу решить одну из задач, которая состояла в том, что нужно было с помощью двух взвешиваний определить фальшивую монету, отличающуюся от шести аналогичных монет по весу. Папа пошёл умываться, переодеваться, и вдруг ... из уборной раздаётся торжествующий голос: «Решил!». Вот оказывается откуда мои математические способности!

Из культпоходов в памяти осталось посещение ТЮЗа – театра юных зрителей. Находился он в то время на Моховой напротив Театрального института. От сцены, открытой площадки, крутым полукруглым амфитеатром поднимались ряды деревянных скамей для юных зрителей, а на сцене юные 18-ти летние Нина Мамаева и Володя Сашальский в спектакле «Аттестат зрелости». Вряд ли мы могли оценить их талант, но какие же они были красивые! Девочки не давали ходу Сашальскому. Его мама вынуждена была приехать из Риги, чтобы как-то оградить его. Эпидемия охватила девочек параллельного класса, но не помню, чтобы девочки моего класса подверглись ей. Нина Мамаева стала ведущей актрисой Театра им.Пушкина (Александринского), а Сашальского забрал Театр Красной Армии в Москве.

Летом 1948-го года дядя Гриша руководил работами по монтажу оптического оборудования на крейсере «Киров» в Либаве (Лиепая, Латвия, входившая тогда в состав Советского Союза). Тётя

Лиза с 11-тилетним Юзиком и 7-милетней Зюечкой и мама с детьми (папы с нами не было) отправились туда отдыхать. Лёнику было 6 лет, Эмику – 10 и мне, самой старшей из детей, –16. Ехали мы в Либаву поездом с пересадкой в Риге. Тогда я впервые увидела этот сказочный город, так не похожий на Ленинград. Умиление вызывали маленькие вагончики трамваев. Успели мы зайти на рынок, где были ошарашены изобилием всевозможных продуктов и по вполне приемлемым ценам. В книжном киоске я купила роман популярного в то время латышского писателя Отто Лациса «В бурю» -четыре тома в мягких переплётках. Поселились в Либаве временно в центре города. Буквально на второй день я поехала с хозяйской дочерью и её молодым человеком в парк на празднование Лиго. Это происходит ежегодно 21-го июля – в день рождения Эмика. Ехали мы туда на трамвае, второй вагон которого представлял из себя открытую платформу, с установленными поперёк неё скамейками. Двигался трамвай довольно медленно, так что молодёжь сходила и заходила в «вагон» в нужном месте, не ожидая остановки и даже не считая нужным оплатить проезд. Этот праздник очень широко отмечался в Прибалтийских республиках. В России этот праздник называется Иван Купала. В парке на громадной поляне столпилась масса народа. Со всех сторон музыка, пение на незнакомом языке. Тут и там мелькают в толпе моряцкие бескозырки. Раздаются пугающие выстрелы из ракетниц. Ракеты с шипением падают в толпу, что небезопасно. Взрослые пару дней занимались поиском жилья и, наконец, остановились на большой комнате во втором этаже двухэтажного дома, который стоял у чудесного парка, протянувшегося вдоль берега Балтийского моря. Берег и дно моря покрывал чистейший мелкий белый песок. В то время как наши мамы занимались хозяйством, ходили на рынок, варили обеды, а дядя Гриша выполнял свои служебные обязанности, мы, дети, наслаждались морем и пляжем. Там дядя Гриша учил меня плаванию стилем «по-краснофлотски», коим я плаваю до сих пор, когда попадаю в водную стихию. Больше нигде и никогда мне не пришлось получать уроки плавания. Там я впервые поняла, что могу пользоваться успехом у мальчиков. В нашей обширной родне не было принято подчёркивать хорошие стороны поведения или внешних данных детей. Всё как бы само собой разумелось. Главное, мы должны были быть скромными и порядочными. Я не могу вспомнить, чтобы я слышала от мамы слова о моей хорошей фигуре или о красивых волосах. В Либаве у меня появилась своя компания, а в ней Павлик, с которым мы ходили гулять по вечерам. Было ему лет 18, он уже закончил к тому времени морское училище и был третьим помощником капитана (сколько их , помощников, бывает у капитана я, конечно, не знала). На пляже он показывал, как надо вязать морские узлы, что бесспорно было очень важно для меня. Однажды, возвращаясь с прогулки поздним вечером, мы никак не могли понять, почему возле входа в дом, где мы жили, вместо одного дерева стоят два. Только подойдя ближе, мы разглядели во втором дереве дядю Гришу. Оказывается, в поисках меня он безуспешно обошёл всю округу и стоял в раздумье, не решаясь возвратиться домой без меня. Там к нам приходила молодая женщина с седой головой, еврейка, пережившая фашистскую оккупацию. Наши мамы познакомились с ней на рынке. Часто продавцы не отвечали на вопросы, заданные по-русски, - или делали вид, или на самом деле не понимали. Она и посоветовала им говорить «цик макс?» вместо «сколько стоит?». Во время немецкой оккупации она с матерью скрывалась на хуторе у одной латышской семьи в стог сена. За это они отдали хозяину имевшиеся у них золотые вещи. По ночам он приносил им кое-какую еду. Днём они не могли и носа высунуть и в жару, и в дождь, и в мороз. Конечно, хозяин этот подвергал себя и свою семью смертельной опасности. Если бы кто-нибудь донёс немцам о том, что он скрывает евреев, то не только он, но и вся его семья были бы уничтожены, не говоря уж об этой женщине и её матери. На всю предстоящую зиму наши мамы заготовили варенье. Всем нашим детским коллективом с помощью шпилек мы вынимали косточки из вишен. А сливы сначала накалывали булавками, а

потом тазы, полные слив, залитых содовым раствором, сутки стояли под кроватями, и только после этого варилось варенье. Такой способ приготовления варенья из слив рекомендовала та же женщина. По вечерам мы лакомились свежайшим рыночным творогом с пенкой, снятой с варенья. Кстати, с рынком был связан такой казус: По дороге с рынка домой наши мамы попали под дождь. А на тётке Лизе было чёрное в мелкий белый горошек красивое платье из немецкого искусственного шёлка. От влаги ткань так села, что домой она пришла не в платье, а в блузке. Сколько было смеха, когда она снова и снова рассказывала, как она с сумками в обеих руках бежала по улице под свист и хохот людей. По возвращении в Ленинград мы обменялись с Павликом несколькими письмами, а дальше начался выпускной учебный год с новыми делами, заботами, друзьями.

Придя 1 сентября 1948-го года в школу, мы узнали, что классным руководителем будет у нас Елена Карловна. Сарре Ароновне не могли доверить выпускной класс – антисемитская кампания набирала обороты, о чём я догадалась много позже. Дома при мне разговоров об этом не было. В плане руководства классом ничего не изменилось. Разве что классная руководительница общалась теперь с другой половиной класса – изучавшей немецкий язык. Ни одна, ни другая руководительница не оказывали ни малейшего влияния ни на нашу учёбу, ни на наше поведение, ни на нашу внеклассную жизнь. Мы продолжали вариться в собственном соку. Скорее, большее влияние оказала на нас директор школы, красивая, представительная, умная женщина Феоктиста Яковлевна Васильева. Обычно она приходила в класс, заменяя заболевшего учителя. Беседуя с нами о жизни, она подходила к Вале Лирцман и просила её показать колечко. После этого она просила передать родителям, чтобы те пришли в школу за колечком, а Вале следует придти после уроков в директорский кабинет без лака на ногтях. И Валя до конца уроков ногтями и зубами очищала ногти от лака. После войны некоторые семьи не могли оплатить даже скудные копеечные школьные завтраки, получаемые на большой перемене. Из каких-то средств школа полностью или частично оплачивала их, а так же изредка выдавала талоны на одежду. Это были, в основном, дети, отцы которых погибли во время войны. Администрация школы всячески старалась избежать контрастов между девочками. Этому способствовало и введение единой формы одежды. Феоктиста Яковлевна обращала наше внимание на манеру поведения, на внешний вид. Она организовала для старшеклассниц серию бесед, которые провела женщина, принадлежавшая до революции к дворянскому сословию. Я не помню её имени, но рассказанное ею запомнилось на всю жизнь, наверное потому, что впервые было услышано. Например, она обратила наше внимание на то, как некрасиво смотрятся девичьи ножки в обуви со стоптанными вбок каблуками. Когда она с сестрой, будучи молоденькими девушками, возвращались с бала, они ставили свои туфельки на стол и смотрели, в какую сторону каблуки скошены больше, и впоследствии старались ступать иначе. Она обратила наше внимание на недопустимость громкого хохота в транспорте или другом общественном месте – ведь рядом могут находиться люди, переживающие в данное время не лучшие минуты своей жизни. Запомнился и её вывод о том, что воспитанным человеком может считать себя не тот, кто поднимет валяющуюся на полу бумажку на виду у всех, а тот, кто сделает это без свидетелей. И ещё многое другое, что позже вошло в привычку. Под впечатлением этих бесед мы полюбили организованный для старшеклассниц кружок бальных танцев. Занятия проходили в красивом актовом зале школы, расположенном на третьем этаже. Мы танцевали бальные танцы, о которых мы знали только из художественной литературы. На этих занятиях мы узнали, как нужно вести себя, когда приглашают на танец и когда танец окончен, как важна для девушки осанка не только во время танцев, но и в обыденной жизни. Школа, руководимая Феоктистой Яковлевной, стремилась

воспитать не только порядочных, образованных, умеющих держать себя в любом окружении людей, но и патриотов своей родины.

На наш патриотизм не повлияло «разлагающее» влияние дублированных трофейных кинофильмов. Они пользовались огромной популярностью. Смотрели мы их, обычно, всем классом. Чтобы не остаться без билетов, я, оформив заявку на билеты для всего класса и отпросившись у Елены Карловны, стояла у окошка кассы «Спартака» к моменту его открытия. Это были: «Девушка моей мечты», «Сестра его дворецкого», «Петер» и др. с красивыми актёрами и актрисами и ещё более красивой жизнью. Советская же киноиндустрия выпускала на экраны в те годы, может быть, один фильм в год. Кинофильм «Небесный тихоход» с Целиковской, Крючковым и Меркурьевым в главных ролях я смотрела не один раз. Мне кажется, что не было человека, который не смог бы напеть песню из этого фильма:

...потому, потому, что мы пилоты.
Небо наш, небо наш родимый дом.
Первым делом, первым делом самолёты.
Ну, а девушки? А девушки потом.

Большим событием был выход на экраны двухсерийного фильма «Молодая гвардия» по одноимённому роману А.Фадеева. Каждый из нас задумывался, как бы он повёл себя, окажись на месте этих мальчиков и девочек. Невозможно было удержаться от слёз, когда шли кадры гибели молодогвардейцев, в зале раздавались громкие рыдания. Ведь всё это так близко соприкасалось с нашей жизнью.

В течение этого последнего учебного года я вошла в число не только самых высоких по росту девочек в классе, но и в число самых успевающих. Впереди замаячила медаль. Это мне льстило, но не заставило изменить моё отношение к учёбе. Как шло, так и шло. Тем более, что появились мальчики. С одним из них я познакомилась на внеклассном занятии в кабинете физики. Он в качестве лаборанта помогал нашему учителю физики. Звали его Олег Шастов. Учился он в 203-ей школе, в 9-м классе, хотя был моим ровесником. Он мне понравился, и я ему, видимо, тоже. Во всяком случае, после уроков мы встречались, что было совсем несложно, т.к. школы располагались по обе стороны кинотеатра «Спартак». Я и мои подруги – Галя Соминич, Ляля Браво и Ийя Чижикова познакомилась не только с Олегом, но и с его друзьями – Витей Идлисом, Виталием Мельниковым, Толей Духовским. Вместе с моими родными мы своей молодёжной компанией отмечали день моего рождения 7-го ноября. Потом настала очередь новогодних вечеров. На вечере в нашей школе я участвовала в концерте, организованном силами нашего 10Б класса, – читала стихотворение, танцевала с Ниночкой Сигаловой литовскую полечку, пела в хоре, исполнившем «Марш энтузиастов». У мальчиков в школе был задуман бал-маскарад, на который мы были приглашены. Олег и его друзья были во взятых напрокат театральных костюмах, а мы сами придумали и изготовили для себя костюмы. Помню, что Галя назвала свой костюм «цветочница». А я решила обыграть свою любимую клетчатую юбку. Я распоролла её по боковым швам, подогнула по бокам и назвала это плахтой, решив, что это неотделимая составляющая польского национального костюма. Всё остальное подгонялось под эту «плахту». Как всегда, вопрос обуви был решён с помощью чёрной туши, нанесённой на потерявшие всякий цвет туфли. Не знаю, было ли что-то общее с костюмом панночки, но мне костюм и я в нём нравились. А когда на вечере выяснилось, что Олег облачён в костюм польского пана, удивлению нашему не было границ. За «полечку» мы с ним получили приз. А Витя Идлис во время нашего танца сидел, убитый горем, на подоконнике. Было нам в то время по 16-17 лет, но какими трогательно-наивными были наши отношения. Вспоминаю, как однажды во время гололедицы Олег попросил разрешения взять меня под руку. Однажды, придя в Дом Офицеров на районную

комсомольскую конференцию, я встретила там и Олега, и Витю, и Толю – секретаря школьной комсомольской организации. Мы так обрадовались встрече, что зарегистрировавшись и прослушав доклад первого секретаря Дзержинского райкома комсомола, во время перерыва сбежали с конференции и весь вечер слушали музыкальные записи в квартире их одноклассника Лёвы.

Наступала пора выбора будущей профессии, а конкретнее – выбора института. Надо сказать, что никто из нас, выпускниц, и не представлял себе иного пути. Выбор основывался на личных склонностях и способностях. Мне казалось, что я лучше всего смогу раскрыть себя в роли учителя математики, воспитателя, что у меня есть все предпосылки для этого. Ближе к весне в школу стали приходить представители разных институтов с рассказами о специальностях, которые можно в них получить. За компанию с другими девочками я побывала на ознакомительных беседах в Ленинградском Электротехническом институте на Петроградской стороне, на ул. Александра Попова. Мне показались интересными эти беседы. Тётя Циля, отдавшая школе всю жизнь и, по признанию Института Усовершенствования Учителей, бывшая одним из лучших преподавателей математики в городе, считала, что для того, чтобы стать учителем, не обязательно заканчивать педагогический институт - окончание технического института даёт большую возможность выбора. Теперь-то я думаю, что её совет был следствием политической обстановки в стране. В те годы технические ВУЗы котирировались высоко в отличие от гуманитарных (за исключением университета) и медицинских, в некоторых из которых и вообще был недобор. Мои родители не оказывали на мой выбор никакого влияния не потому, что им было безразлично, а потому, я думаю, что доверяли мне и не хотели мешать. Ещё один мой близкий родственник мог бы дать мне совет по выбору будущей специальности – это дядя Гриша. Но я не помню ни одного разговора с ним на эту тему. У него всегда хватало забот со своей семьёй. А больше среди моей большой родни не было никого, кто бы заканчивал институт. Среди моего поколения семьи Синельниковых - Кофман я была первой.

Смутно вспоминается какое-то школьное комсомольское собрание, на котором осуждался космополитизм и его пособники – космополиты. Смутно, может быть, потому, что эти страшные, происходившие в стране события, напрямую не коснулись моей семьи и никогда не обсуждались дома, во всяком случае, в моём присутствии. Они не оставили следа в моей памяти. А это было время, когда в стране расцветал государственный антисемитизм, когда был убит Председатель Еврейского Антифашистского комитета, внесший огромный вклад в Победу в Великой Отечественной войне, великий артист и режиссёр Соломон Михоэлс. Подробности тех событий мне стали известны гораздо, гораздо позже.

На уроках шла усиленная подготовка к выпускным экзаменам. Предметы, по которым экзамена нет, такие как «астрономия», «психология», «логика и педагогика», замещаются «математикой» и «литературой». В те годы «золотые» медалисты принимались в ВУЗы без экзаменов, а «серебряные» - после прохождения собеседования. Для получения золотой медали в аттестате об окончании школы могло быть не более одной «четвёрки», а серебряной – двух. Но за сочинение в обоих случаях должна была быть «пятерка». Мы с Галей решаем исправить «четвёрку» по естествознанию, полученную в 9-м классе, идущую в аттестат. Всю ночь сидим в нашей «детской» за моим столом у открытого окна, а за спиной сопят в крепком сне Эмик с Лёником. В то время, когда одна из нас читает вслух учебник, вторая успевает задремать. Тогда мы меняемся ролями. Под утро нас охватывает неудержимый беспредметный хохот. Днём мы получаем свои «пятерки». Мне это нужно, т.к. меня прочтат в медалисты, а Гале – потому, что собирается поступать на биофак университета. У меня остаётся только одна «четвёрка» с 9-го класса по географии.

Накануне экзаменов Эмик заболевает скарлатиной. Пока не наложили карантин на квартиру с запретом посещать школу меня срочно переселяют к тётке Циле с дядей Сеней. Они в то время жили на пр.Декабристов, 40. Первый экзамен – сочинение. Все девочки с паспортами в руках, в белых передниках, в платьях с белыми воротничками и, конечно, в чулках – ни в коем случае ни в носочках. Колготок ещё не было в природе. Нас организованно вводят в актовЫй зал, в котором на некотором расстоянии одна от другой расставлены парты. Мы рассаживаемся по одному человеку за парту. На сцене – экзаменационная комиссия во главе с Феоктистой Яковлевной и представитель РОНО (районного отдела народного образования). Просят надписать лежащие на партах проштампованные листы бумаги. Пишу: Синельникова Люба Ароновна. Члены комиссии ходят по рядам, наблюдая за правильностью написания. Капиталина Ричардовна (преподаватель литературы в 10А классе) хватается в испуге за голову – я испортила лист, написав Люба вместо Любовь. Заглянув в паспорт, успокаивается – ошибки нет... Напряжение достигает максимума, когда Феоктиста Яковлевна начинает открывать опечатанный сургучными печатями конверт с темами сочинений. Их три. Я выбираю тему о Маяковском – уверена, что смогу её раскрыть. Тем более, что незадолго до этого я прослушала во Дворце пионеров прекрасную лекцию о Маяковском. Мне понравилась и запомнилась приведённая лектором фраза Маяковского: «Поэт должен понять время и тянуть за собой современность» и то, как он развил эту мысль. Это было что-то новое, не по учебнику. И я посвятила целый абзац этому в своём сочинении. Начинаю переписывать текст в чистовик. Всё та же Капиталина Ричардовна, проходя мимо, заглядывает в черновик и, показав пальцем на приведённую мною цитату, шепчет: «Он никогда так не говорил, убери». Что делать? Сижу недолго в растерянности и ... исключаю из сочинения весь абзац, что уменьшает объём сочинения. Но времени дополнить его уже нет. Следующий экзамен – письменная математика. Опять в актовом зале, опять по одному человеку за стоящими на некотором расстоянии друг от друга партами, те же напряжённые минуты пока знакомимся с заданиями. Решаю свой вариант, потом осторожно передаю сидящей позади меня Гале решение её варианта и только после этого покидаю зал. Там сверяю с другими девочками ответы – всё в порядке. Затем с интервалом в 1-2-3 дня следуют устные экзамены по литературе, математике, физике, химии, истории, иностранному языку, по которым получаю пятёрки. Дело идёт к медали. Мои оценки по письменным экзаменам неизвестны, т.к. работы претендентов на медаль посланы в вышестоящие инстанции. Я стараюсь не думать о результатах, но непроизвольно в голове прокручиваются слова благодарности, которые я скажу при вручении медали на выпускном вечере.

И вот наступает этот день! На мне новое шёлковое платье жёлтого цвета с голубенькими цветочками, сшитое из ткани, ещё привезённой папой из Германии. На ногах чёрные замшевые тётки Цилены туфли на высоких каблуках, что впервые. Мы с родителями готовы к выходу, когда приходит тётка Циля. Пошептавшись с родителями, она сообщает мне о том, что пятёрку за сочинение вышестоящая инстанция не утвердила из-за недостаточного его объёма., лишив меня медали. Тётка Циля мудро решила, что будет лучше, если я узнаю об этом заранее дома, чтобы не получить неожиданный удар на вечере. Но берегла меня от неожиданной неприятности не только она. При входе в школу мне передали просьбу Феоктисты Яковлевны зайти к ней. В кабинете она сказала, что я буду открывать торжественную часть выпускного вечера, пригласив в президиум родителей медалистов. Вручив мне список президиума и убедившись в том, что я его прочла, обняв меня, спросила: «Дорогая моя девочка, ты всё поняла?» и, получив утвердительный ответ, добавила: «Вот и умница». И никаких утешений. Не скажу, что мне не хотелось плакать, но я вышла на сцену и сделала так, как она сказала. После того, как президиум занял свои места, нас стали вызывать и вручать Аттестаты зрелости. Накануне этого события с нами репетировали

наше поведение на сцене: откуда выходить, какой рукой брать Аттестат, а какую протягивать для пожатия, куда уходить, ни разу не повернувшись спиной к залу. После торжественной части было небольшое застолье, организованное родителями на деньги, вырученные за устроенный нами незадолго до экзаменов самодеятельный платный концерт, затем были танцы под духовой оркестр пожарных благодаря тому, что отец нашей одноклассницы Тани Кончаевой был самым главным пожарным в Ленинграде. Во время танца Александр Степанович объяснился мне в любви, добавив при этом, что любит меня или из-за любви к Циле Михайловне, или Цилю Михайловну любит из-за любви ко мне – сказалось застолье. наших мальчиков из 203-ей школы на вечере, к сожалению, не было, т.к. девятые классы закончили экзамены гораздо раньше, и они успели разъехаться на свои последние школьные каникулы. На 2 часа ночи был заказан для нас речной трамвайчик, и мы отправились по Литейному на Кутузовскую набережную. На трамвайчике играла музыка и, стоя на палубе, мы любовались ночным городом в то время как трамвайчик плавно шёл по Неве. Это был не единственный мой вечер, посвящённый окончанию школы. Был ещё вечер во Дворце пионеров (в Аничковом дворце). Запомнился он тем, как в стайке нарядных девчушек, неся в руках туфли, весело смеясь, ночью, при свете дня, шла из Дворца по Невскому, потом по разрытому из-за ремонта трамвайных путей Литейному. Белые ночи были в разгаре. И ещё меня пригласила тётя Цилиа на вечер выпускников школ рабочей молодёжи, который проходил в Юсуповском дворце, носившем тогда название Дом учителя. В одном из залов состоялся концерт силами профессиональных артистов. Потом были танцы. Но большее впечатление оставили залы. На этом праздники закончились. Впереди – поступление в институт.

В начале июля я подала заявление в ЛЭТИ им.В.И.Ульянова (Ленина). Надо было начинать подготовку к вступительным экзаменам – опять сочинение, литература, письменная и устная математика, физика, химия. Папа достаёт мне путевку в дом отдыха в Олило (Солнечное). Я, полная добрых намерений, привожу с собой учебники, но... «до того ль, голубчик, было. В тёплых муравах у нас песни, резвость всякий час – так что голову вскружило». Почти все отдыхающие – это такие же, как я, - абитуриенты. И за две недели пребывания в доме отдыха я ни разу не видела кого-нибудь с учебником. Дома меня ожидало извещение из института о допуске к экзаменам. 3-го августа – экзамен по физике. Конкурс – четыре человека на одно место. Я с тремя моими одноклассницами Таней Кончаевой, Мирой Запутряевой и Мусей Строгановой стоим в толпе абитуриентов у входной двери в институт со стороны улицы Попова, не решаясь войти внутрь. До нас доходит слух о том, что по радио передали сообщение Политехнического института о недоборе и продлении приёма документов, и мы ... направляемся в физическую аудиторию, расположенную на втором этаже главного корпуса. Берём билеты и рассаживаемся на расположенных амфитеатром местах. Отвечаю самому заведующему кафедрой физики Берёзкину и выхожу с первой пятёркой в экзаменационном листе. Помнится, что сочинение писали в Первой аудитории на первом этаже, а экзамен по устной математике проходил в Ленинской аудитории на втором этаже. Ответы по билету (решения, доказательство одной из теорем, вывод формул) выполнялись на доске. Вторую половину доски заполняла девочка, при беглом взгляде на которую я исугалась, подумав, что она без блузки, а только в юбке. Но, присмотревшись, поняла, что это такая блузка – разделенная по диагонали на белый и чёрный цвета. Лора Данцигер была девочкой оригинальной. С ней я проучилась в одной группе все институтские годы. Я успешно сдала все экзамены, и наступил день зачисления. Хотя подавала я документы на Радиотехнический факультет, но пригласили меня для зачисления в помещение факультета Электроизмерительных приборов (ФЭП). Декан факультета, профессор, доктор наук, заведующий кафедрой А.В.Фремке объяснил, что т.к. я «не прошла по конкурсу» на Радиотехнический факультет, он предлагает мне стать студенткой ФЭПа, и если уж мне не

нравится специальность «электроизмерительные приборы», то я могу выбрать другую – «автоматика и телемеханика». Меня расстроила формулировка «не прошла по конкурсу», т.к. я набрала 23 из 25 баллов, но, походив по коридору и вспомнив слухи о том, что в ЛЭТИ ограничен приём евреев, я согласилась и 20-го августа 1949 года была зачислена в институт. Кстати, во время моей учёбы длительное время в Министерстве Высшего и Среднего образования ждал своего подписания приказ, одним из пунктов которого было переименование факультетов ЛЭТИ. Но случилось это после того, как я окончила институт. Стал мой факультет называться ФАВТ – факультет Автоматики и Телемеханики, но это уже после меня. Мои одноклассницы тоже были зачислены на этот же факультет, но на другую, закрытую, специальность: ПУС – «Приборы управления стрельбой». В отличие от моей их анкеты не были омрачены пятым пунктом.

Годы учёбы в институте ... Это были безумно интересные годы! Сейчас я думаю: как я всюду успевала? Общественная работа – комсорг группы, комсорг потока (почему-то употреблялось слово «поток» вместо «курс»), культсектор факультетского комитета комсомола; спорт – вторая институтская команда по баскетболу, выступления за факультет по легкой атлетике, конькам (всё на тех же динамовских хоккейках), участие в одном из этапов Звёздной эстафеты по городу (она проводилась ежегодно в память о проходе войск по улицам Ленинграда после снятия блокады); художественная самодеятельность – участие в литературно-музыкальных композициях и чтение стихов на факультетских и институтских вечерах, организация концертов факультетской самодеятельности в агитпунктах и избирательных участках во время предвыборных кампаний. Во время зимних каникул на третьем курсе – лыжный многодневный агитпоход по деревням вдоль Старого Ладожского канала. Лето после первого курса – месяц на строительстве коровника в объединённом колхозе имени Жданова Лисогорского района Ленинградской области. И, конечно, любовь. До учёбы ли было? Но ведь успевала! К окончанию семестра должны были быть сданы все контрольные работы, курсовые проекты и зачёты – иначе не будешь допущена к сессии. Экзамены должны быть сданы в период сессии с оценками не ниже четвёрок – иначе не получишь стипендию. И это удавалось!

На нашем потоке было около ста студентов. Общие лекции читались всему потоку прекрасными лекторами в больших аудиториях, таких, как Ленинская, Первая, Физическая, Химическая. На практические и лабораторные занятия мы расходились по лабораториям и небольшим аудиториям, напоминавшим школьные классы, группами, в каждой из которых было около 20-ти человек. Моя группа называлась в разговоре «автоматчики». Как мы выглядели? Мы всё ещё были послевоенные дети – бледные, недокормленные. Толстяков среди нас не было. Одеты были более, чем скромно. На многих юношах были одинаковые комбинированные фланелевые курточки с молнией у ворота и внизу на резинке, отличающиеся тем, что у одних был синий верх и рыжий низ, а у других наоборот – рыжий верх, а низ - синий. Брюки внизу на резинках – шаровары, из чёрного сатина. Юноши смогли обзавестись костюмами курсу к третьему. Меня мои подруги запомнили красиво одетой. А ходила я на занятия в сарафане, сшитом соседкой Марией Сигизмундовой из выкрашенных в чёрный цвет суконных папиных военных гимнастёрки, под который я надевала папину трикотажную синюю в тонкую белую полоску рубашку в тёплое время года, а зимой - папин же бежевый вегоневый свитер, который сама же и ушила по всем швам, в том числе и на рукавах. Когда для выступления на институтском вечере в Театре им. Ленинского Комсомола мне потребовалась светлая блузка под тот же сарафан, пришлось позаимствовать её у моей школьной подруги Гали Соминич. Уже живя в Америке, я увидела в магазине блузку точно такого же цвета само. Приехав в очередной раз теперь уже в Петербург, я подарила её Гале. Но чтобы ни было одето, всё было наглажено, аккуратно подогнано по фигурке, и какая бы ни была обувь, она была начищена. Мне как-то рассказали

ребята, жившие в общежитии на Карповке, что накануне у них был спор о том, кто из девчонок на факультете лучше. Остановились на Тане Кончаевой и Любе Синельниковой, но т.к. у Тани всегда нечищенные туфли, вперёд вышла Люба. Вот как немного нужно было. Кстати, никакой косметикой я не пользовалась. Да, и зачем, когда симпатичная мордашка, рост, как у Венеры Милосской, – 153 см, стройные ножки в обуви 36-го размера, каштановые вьющиеся, заплетённые в две косы до пояса волосы, и все остальные пропорции соблюдены? Не замечала, чтобы какая-нибудь из знакомых мне студенток прибегала к пользованию косметикой. И были ли у кого-нибудь из нас деньги на это? На часть первой стипендии я купила шёлковую подкладку для зимнего пальто, которую как раз «выбросили» в этот день в магазине на углу Большого проспекта П.С. и улицы Ленина. Остальную часть отдала маме. На первых двух курсах стипендия составляла 300 рублей, с третьего – уже 400. В то время стипендия в технических ВУЗах была выше, чем в гуманитарных. И всё равно студенты, особенно иногородние, жившие в общежитиях, вынуждены были подрабатывать, чтобы дотянуть до следующей стипендии. В основном, это была разгрузка и погрузка вагонов на железнодорожных станциях в ночное время. Самой популярной едой у них были консервированные кукуруза и крабы, которые стоили копейки. Этими банками были заставлены все витрины продуктовых магазинов. В какие-то семестры, после удачно сданных сессий, я получала повышенную на 20-30% стипендию. Целыми днями я пропадала в институте. Кроме учебных занятий это были тренировки в спортзале – баскетбол оставался моим любимым видом спорта, занятия лёгкой атлетикой на стадионе «Медик», в драматическом кружке, которым руководил будущий режиссёр, а в то время студент театрального института Наум Бирман. А также всякие организационные мероприятия, связанные с общественной работой. В институте была неплохая столовая, в которой можно было пообедать за 2-3 рубля. Помню, как приехали в институт студенты из Румынии. Первое время их можно было увидеть или в столовой, или возле нее. У них в стране было совсем плохо с продовольствием. В нашей группе на первом курсе была Таня Семёнова, она жила одна в квартире на Песочной набережной на деньги, которые ей присылал брат, - так, во всяком случае, она мне говорила. Она всегда была голодная, но никогда бы в этом не призналась. Отправляясь в столовую, я просто брала её с собой, и на 3 рубля мы умудрялись поесть, тем более, что хлеб и горчица были бесплатны.

Студенческая жизнь меня так захватила, что я потеряла всякую связь со своими школьными подругами, забыты были и школьные увлечения. Позже узнала, что Витя Идлис пытался вслед за мной поступить в ЛЭТИ, но ленинградскому медалисту поставили двойку за сочинение. Это был уже 1950-ый год – антисемитизм набирал обороты. Он поступил в Военно-транспортную академию, где работал его отец, и успешно её закончил. Невинно пострадала по этой же причине Галя Соминич. Не было в её документах «криминала», но больно уж внешность не славянская. За это и получила двойку на первом же вступительном экзамене в университет. Олег Шастов закончил школу с золотой медалью, которую после получения, тут же на выпускном вечере и потерял. Он и Виталий Мельников поступили в Военно-морское училище им.Макарова. Однажды, на факультетском вечере, который проходил в помещении Текстильного института, меня вызвали в проходную, и какая же была радость, когда в высоких, стройных, красивых морячках я узнала Олега и Виталия. К сожалению, им надо было во время быть в казарме, и провожал меня домой милый парень с нашего курса Володя Рыжик. Уже курсе на третьем мне, как комсorghу потока, пришлось уговаривать его зарегистрировать брак с Лялькой Морозовой, ждавшей от него ребёнка. Брак оказался недолговечным. У неё уже после окончания института случился «служебный роман» с молоденьким мальчиком. С Володей она разошлась, сынишка их воспитывался в семье Володи, а Лялька одна воспитывала ребёнка – плод своей поздней любви.

Виталия – этого розовощёкого красавца я больше не встречала. У Олега во время учёбы после длительного морского похода был обнаружен рак крови. Видимо, он получил большую дозу облучения, но об этом тогда не говорилось. Он появился на Манежном летом 1954 года. Я спешила в институтскую библиотеку, чтобы сдать учебники за пятый, последний курс и уехать в Москву, где ждал меня Саша. По окончании Горного института он должен был уезжать в Кузбасс. С Олегом мы толком не поговорили. Больше я его не видела, вскоре он умер.

На первом курсе затеяла я выпускать в нашей группе юмористическую «газету» - такую складную гармошку, ходившую по рукам. Кто-то делал рисунки, кто-то сочинял подписи к ним. Обыгрывалось в ней наше поведение, привычки, манеры, одежда, отношения в группе. И уж, конечно, никакой политики! Однако, кому-то это показалось подозрительным, кто-то куда-то «стукнул», «капнул», и я была вызвана на заседание институтского комитета комсомола. В комитете были умные ребята. Просмотрев несколько наших «гармошек», они дружно посмеялись над ними, но всё же посоветовали их «выпуск» прекратить. Как говорится, «от греха подальше». Секретарём комитета был тогда Володя Ипатов.

В то лето, когда я заканчивала школу и поступала в институт, студенческий отряд ЛЭТИ работал на строительстве Красноборской гидроэлектростанции. Ребята привезли оттуда замечательные песни, которые я услышала на организованном ими вечере, проходившем в Доме культуры промкооперации (позднее Дворец культуры им.Ленсовета). Вручались медали, грамоты. Рассказы о возникавших трудностях и их преодолении, о благородных поступках. Я с завистью смотрела на всё это, мне тоже хотелось в этом участвовать. Следующим летом моё желание сбылось. Я и ещё три девочки Люся Осетрова, Люба Гилевич и Женя Басина и один мальчик Юра Григорьев из моей группы, которых я уговорила, были зачислены в строительный отряд. Поехать мы должны были в августе месяце. А до этого, в июле, я поехала к тётке Циле и дяде Сене, отдохавшим в Молдавии, в Рашкове. Первое, что меня поразило при моём появлении там, это то, что встречные, совершенно не знакомые мне люди, со мной здороваются. И только потом я рассмотрела этот утопающий в садах городок на берегу Днестра. В жаркое время дня после обеда мы лежали в хозяйском саду в тени деревьев, дегустируя падающие с них фрукты, читали. Но в 18 лет такой пассивный отдых быстро надоедает. Прогуливаясь по улице, мы увидели у здания школы юношей, играющих в волейбол. Меня смущало то, что среди играющих не было девушек. Подбадриваемая тёткой Цилей, я подбежала к ним и неуверенно спросила, можно ли к ним присоединиться. В ответ раздался спокойный голос: «А чо нет?». С этого вечера скучать мне уже не приходилось: незабываемые вечера в компании местной молодёжи на большой лодке (скорее это был плот) по Днестру под пение молдавских песен. Зато тётке Циле это добавило беспокойства. Вечерами в ожидании меня она стояла на берегу и прислушивалась к то удаляющимся, то приближающимся звукам песни. Хотя без провожатых я домой не возвращалась. Однако, несмотря на все прелести этого отдыха и уговоры тёти Цили, согласованные, конечно, с моими родителями, к концу месяца я засобиравшись домой – впереди был студотряд.

Сбор отряда назначен возле института. Пришли девочки из моей группы, а Юра остался на следующую смену в пионерлагере, где работал пионервожатым. Кроме отъезжающих ещё больше провожающих – бывших студотрядников. Строем с песнями идём по городу с Петроградской стороны к Финляндскому вокзалу. Впервые слышу песни про Одессу. Особенно запоминается «Ой, хоб рахмонес, мамочка моя, роди меня, пожалуйста, обратно». Едем поездом в Лисогорский район, к самой границе с Финляндией. Располагаемся на хуторе – два деревянных дома и сарай с сеновалом, окружённые лесом. Да ещё уборная с выгребной ямой в сторонке. В одном доме – юноши, во втором – девушки. В домах по периметру настелены доски – это наши спальные

места. Электричества нет. Освещение - керосиновыми лампами. Набиваем сеном привезённые матрасники и наволочки, простыни и одеяла тоже с собой, и укладываемся спать. Раннее утро. Сосны золотятся в солнечном свете. А у колодца с «журавлём» - хохот и девчачий визг – брызги холодной, кристально чистой колодезной воды летят во все стороны. Увернуться от них невозможно. Но командир отряда Володя Ипатов торопит – до стройки идти быстрым шагом лесной дорогой минут 20. И вот она – строительная площадка. На ней должен быть построен коровник для недавно объединённого колхоза им. Жданова. Командир распределяет работы. Я поставлена на просеивание песка, т.е. набирать ведром песок из большой кучи, набрасывать его на грохот (такая металлическая сетка), отбрасывать с него попадающиеся камни и мусор, а чистый песок пойдёт для приготовления цементного раствора. Работа спорится. Нехитрый обед тут же на площадке на сколоченных ребятами из досок столах и скамьях под досчатым навесом. Дежурной поварихе помогает дежурный водонос. Обрато идти тяжеловато – устали с непривычки. Люся рассказывает – поставили её помощницей к «каменщику». «Каменщики» клали из кирпичей колонны, которые будут соединены наружными стенами. Так вот этот «каменщик», когда надо было поднести кирпичи, укладывал их на носилки столько, что для неё носилки были неподъёмны. На её возражения он просто не реагировал. Меня это возмутило. На следующее утро я попросила командира поменять меня с Люсей местами. Решение пришло само собой. Когда стали нагружать носилки, я не стала возражать, а продолжала класть на них кирпичи, хотя вес носилок стал уже неподъёмным не только для меня, но и для Олега (так звали «каменщика»). Он вдруг как бы очнулся, посмотрел на меня, на носилки, оглянулся и попросил другого «каменщика» помочь ему. С этих пор он сам ограничивал количество укладываемых на носилки кирпичей, соотносясь с моими возможностями. За несколько дней мы стали специалистами, а не только подсобниками. Каждый из нас мог соблюсти пропорции цемента, песка и воды при приготовлении раствора, одним ударом мастерка отколоть половинку кирпича, плотно уложить кирпич в нужное количество раствора. Периодически не хватало кирпича. «На площадке затор, пропадает раствор. Шевели мозгами, но не хнычь» - пелось в нашей песне. Тогда несколько человек отправлялись на полуторке к самой границе и разбирали брошенные ещё в зимнюю военную компанию 1940-го года строения. С этого места мы могли видеть не только финские домики по ту сторону границы, но и их жителей. Это было любопытно. А однажды я принимала подаваемые мне сверху кирпичи, схваченные старым раствором, и один из них оторвался и попал мне в голову. На какое-то мгновение перед глазами потемнело. Что было делать? Промыли ранку речной водой, туго завязали голову косынкой и договорились никому об этом не говорить, тем более командиру, чтобы не навлечь нареканий. Виновник этого инцидента Коля Сенечкин (звали мы его почему-то Николая) считал меня потом своей «крестницей». Сходить после работы на речку не хватало сил – была на ней несколько раз. Каждый раз с криком: «Девочки, возьмите меня!» к нашей девичьей компании присоединялся чудный парень Сёма Белло. Работая в Ленгипроэнергопроме, я каждый раз передавала ему привет через руководителя группы электроснабжения Захара Самуиловича Фишкина, который регулярно обращался к Семёну Белло в Ленэнерго за согласованием очередных проектных решений. А увидеться так и не пришлось. По лесной дороге к дому мы сочиняли и распевали собственные песни и частушки. Умывшись ледяной водой из колодца, разводили костёр и до отбоя - разговоры и песни. А однажды показали колхозникам пьесу Чехова «Женитьба». Не могли мы без «культуры в массы». Исполнители ролей невесты и жениха позднее действительно поженились, правда, не надолго, но сына родить успели. И вот последний день работы окончен, бросаем последний взгляд на возведённые нами кирпичные колонны и, распевая:

« А когда придётся всем студентам уезжать,

Грустные коровушки придут нас провожать,
И в коровник придя, даже стен не найдя,
Станут наши песни распевать.»

направляемся на «наш» хутор.

Настоящее ЧП произошло перед самым отъездом. Это был наш прощальный костёр. Сидели вокруг него, читали стихи, пели песни, кто-то брэнчал на гитаре, кто-то пил чай, черпая кипяток из висящего над костром ведра. И вдруг: чьё-то неосторожное движение, ведро переворачивается, и крутой кипяток ошпаривает ногу одной из девушек. Двое ребят Олег Гоник и Витя Ильин бегут в деревню за машиной. Шофёр полуторки пьян и отказывается ехать. Они отбирают у него ключи, и сами, не имея ни опыта вождения, ни, тем более, прав на него, пригоняют машину. Посреди ночи девушку отвозят в медпункт. Наш назначенный на следующий день отъезд омрачён этим горестным происшествием. Командир и с ним несколько человек остаются. Нужно закрыть финансовые дела с председателем колхоза и решить вопрос с доставкой девушки в Ленинград. После решения финансовых дел слова куплета песни меняются сами собой:

А когда придётся всем студентам уезжать,
Всё, что было съедено, придётся возвращать.
Подсчитал счетовод наш «приход» и «расход»,
Говорит: «Прожорливый народ».

И это притом, что наше «обжорство» базировалось на овсянке и картошке. На заработанные всем отрядом деньги устроили культпоход в Театр Музкомедии. Вот и весь наш «доход». Не настали ещё времена, когда студенты отправлялись в стройотряды, чтобы заработать деньги. Это было ещё время романтического энтузиазма.

Летом после второго курса я впервые увидела Чёрное море. Я приехала с папой на поезде в Симферополь, а дальше автобусом в Ялту. Горы я тоже увидела впервые. И памятник Кутузову в том месте, где, будучи ранен, он потерял глаз. Всё было внове и безумно интересно! По дороге автобус был остановлен для проверки документов. Причина: в Артеке отдыхает Светлана – дочка Сталина. В Ялте сняли комнату на горе. К вечеру впервые в жизни пошла в кафе. Папа остался отдыхать. К моему столу подсели два интеллигентных мальчика. Мне принесли мой заказ – жареную рыбу и к ней стандартный набор – вилку и нож. Я же со школьных времен помнила, что рыбу полагается есть двумя вилками и без помощи ножа. Не могла я опозориться перед мальчиками. Поковыряв рыбу вилкой, я расплатилась и ушла «не солоно хлебавши» в результате школьного воспитания хороших манер. Время проводила днём на пляже, вечером - в прогулках по набережной и в парке в обществе симпатичного молодого человека, лётчика. Звали его Виктор. Возвращалась я в Ленинград к началу учебного года без папы впервые на самолёте. Вылет ранним утром. Трогательное прощание с новым знакомым. Предупреждённая Виктором, я перед полётом не ела. Самолёт летел в Ленинград с двумя посадками и был он, конечно, моторный. О реактивных мы ещё не слышали. В перелёте до Кривого Рога я чувствовала себя прекрасно, поэтому решила на остановке перекусить, всего-то чай и пару бутербродов с сыром. Всё это и даже более того оказалось потом в самолётных мешочках. Чтобы как-то переключить моё внимание, пилоты пригласили меня в свою кабину. Моему взору открылась такая красота, что все неприятности были забыты, и до конца перелёта я чувствовала себя прекрасно. Правда, ещё одной посадкой дело не ограничилось, т.к. из-за плохой погоды Ленинград не принимал, и несколько часов самолёт простоял ещё и в Риге.

Начались занятия. Обещанных Виктором писем я не получала. И вдруг, посреди зимы, по телефону его голос – он в аэропорту, скоро освободиться, вечером улетает обратно, хочет встретиться. В том году наш факультет и Электро-энергетический занимались во вторую смену.

После первой пары он встретил меня у института. Погода была морозная, не для прогулок, и мы поехали к нам домой. Мама накормила нас обедом. Было как-то очень тепло и уютно. Лёнке понравились меховые сапоги – унты, и Виктор пообещал в следующий свой «прилёт» привезти ему такие же. Вечером я проводила его на Манежную площадь, откуда отправлялся автобус №39 в аэропорт. Получив разрешение, он поцеловал меня в щёчку и начал пятиться к дверям автобуса, не заметив сугроба, и свалился в него. Так что расстались мы под обоюдный хохот. Больше я ничего о нём не знаю. Пусть простит меня мама, если я не права, но думается мне, что письма его до меня просто не доходили. Основания для таких подозрений у меня были. Родственники хотели видеть рядом со мной еврейского мальчика из хорошей семьи.

В зимние каникулы на 3-м курсе меня пригласили принять участие в лыжном агитпоходе по деревням, расположенным вдоль Ладожского озера. Ни минуты не сомневаясь, я дала своё согласие. Я достала свои лыжи с «мягкими креплениями», т.е. с кожаными ремешками, которыми не пользовалась со школьных времён. Правда, надевала я их уже на лыжные ботинки, а не на валенки. Коричневый байковый лыжный костюм, под него всё тот же вегоневый свитер. Папина шапка-ушанка, шерстяные носки дополняли мою экипировку. В рюкзак с продуктами было уложено синее «выходное» платье и туфли для выступлений. Нас было 12 человек, вышедших из вагона поезда на каком-то полустанке, - три девушки и девять юношей. Это были 4-х-5-ти-курсники, за исключением меня и одного юноши со второго курса, с разных факультетов. Организовал этот поход и руководил нами студент 4-го курса нашего факультета, секретарь факультетского комсомольского бюро Толя Демьянчик. Распорядок был такой: Приходя в очередной населённый пункт, Толя согласовывал место и время начала концерта, а также места нашей ночёвки с председателем колхоза или с другим представителем администрации. Выяснял также предпочтительную тему доклада из нескольких предлагаемых. В нашем составе были «артисты» и «докладчики». Доклады были подготовлены на актуальные политические темы. Наибольшим спросом пользовался доклад о революции в Китае, в результате которой к власти пришла коммунистическая партия во главе с Мао-Дзе-Дуном за несколько месяцев до нашего похода. После Толиных согласований нас разводили по домам, где мы наскоро готовили еду из находившихся в наших рюкзаках продуктов, перекусывали, и докладчик уходил к собравшимся в «клубе», оставляя нам время на переодевание и подготовку к выступлениям. А показать нам было что. Замечательный музыкант Володя Ласло, тяжеленный аккордеон которого в течение всего похода таскал в рюкзаке Виталий Зайцев, не только выступал соло, но и аккомпанировал приятному тенору Юре Хейфецу, лучшей паре институтского хореографического коллектива Лиде Родимкиной и Виталию Зайцеву, мне - во время чтения стихов. В завершение – мы исполняли хором несколько патриотических песен. Но мало этого, если помещение позволяло, мы устраивали танцы под аккордеон. В полумраке, при свете керосиновых ламп, мы, ленинградские студенты, глядя на местную молодёжь, овладеваем «выходами» кадрили. Переночевав, становились на лыжи и продолжали путь к следующему пункту назначения. Хотя, по мере уменьшения продуктов, рюкзаки становились легче, передвижение отнимало немало сил. На десятый день во время перехода по замёрзшему Старо-Ладожскому (или Петровскому) каналу нас застигла снежная пурга. Шли очень тяжело и как же были обрадованы, когда сквозь снег проявились постройки торфопредприятия «Назия» - это был конечный пункт нашего похода. И именно здесь нас постиг финансовый крах. Как обычно, докладчик ушёл в клуб, а остальные занялись приготовлением еды и прочими хозяйственными делами. Двое ребят, взяв хозяйские вёдра, пошли за водой. Вот уже время идти на концерт, а их всё нет. Наконец, появляются - в промокшей одежде и дрожащие от холода. Что же произошло? Рассказывает Лазарь Шидлович: «Подошёл я к проруби и только стал зачерпывать воду, как лёд подо мной проломился, и я

очутился с головой в воде. Ведро крепко держу одной рукой – оно же хозяйское, его вернуть надо, второй рукой гребу – пытаюсь вынырнуть, но тяжёлое ведро меня крепко держит, не пускает. И тут промелькнула мысль: что дороже – моя молодая жизнь или это хозяйское ведро. Решаю – жизнь! Отпускаю ведро, всплываю на поверхность, Андрей вытаскивает меня, и мы осторожно отползаем от проруби». Довольные благополучным окончанием приключения, мы бежим в клуб, где нас уже ждут зрители – работники торфопредприятия. Концерт идёт по заведённой программе. К хору пришли кое-как переодетые и согретые Лазарь с Андреем. И тут нас охватил дикий хохот. Как представим себе борьбу Лазаря с ведром под водой, так – новый взрыв хохота. Стоит только успокоиться, как кто-нибудь изподтишка добавит ещё какую-нибудь подробность. С горем пополам закончили мы программу последнего нашего концерта. Толя с грустью расплатился за ведро частью денег, отложенных на обратную дорогу. Назавтра мастер участка провёл нас по предприятию. Единственное, что сохранилось в памяти от этого осмотра, это то, что я очень замёрзла, и Толя надел на меня свой полушубок, оставшись в одном свитере. Благородством своего поступка Толя потом гордился, предьявляя в качестве доказательства фотокарточку. Во второй половине дня состоялся последний лыжный бросок – на этот раз к железнодорожной станции. Продукты к этому времени у нас закончились. Последнюю геркулесовую кашу мы подсластили, насыпав в котёл конфеты- горошки вместо сахарного песка. Только несчастный Виталий продолжал тащить тяжёлый рюкзак с аккордеоном. Шли в подавленном настроении: мы, конечно, устали, денег на билеты не хватало. Кто-то из ребят пошёл договариваться со станционным начальством. В итоге, нам не только разрешили ехать по меньшему количеству билетов, но оставшихся денег хватило на две или три буханки горячего чёрного хлеба, которые мы тут же в вагоне разломали и съели, т.к. жутко как есть хотелось. И этого было достаточно – песни, шутки до станции Ленинград. Только грустно было расставаться.

К концу второго курса как-то незаметно сплотилась наша четвёрка: Юра Григорьев, Саша Табакман, Юра Алёшин и я. В нашей академической группе были: наша четвёрка и все остальные. Хотя я по-прежнему оставалась комсоргом. Мы вместе садились на занятия, делали лабораторные работы, готовились к зачётам и экзаменам, гуляли, болели друг за друга на спортивных соревнованиях – Юра Алёшин был чемпионом института по бегу на средние дистанции (800 и 1500м), Саша и Юра Григорьев занимались гимнастикой, а за меня болели на соревнованиях по баскетболу. Мать и отчим Саши жили на Дальнем Востоке, отец его погиб на фронте, младший брат позднее поступил в МГУ. Жил Саша у родственников на Крестовском острове. Юра А. жил с родителями на Васильевском острове, родители его были скромными рабочими людьми и радовались успехам своего единственного сына. У Юры Г. была только мать. Лишь однажды он сказал, что отец его заканчивал Школу Красных Командиров. Видимо, в 30-х годах он был репрессирован – об этом я никогда его не спрашивала. Жил он с матерью в квартире с двумя её сёстрами, одна из которых, тётя Нюся, была одинока, а у второй были муж и дочь Галина, которая училась на нашем же курсе на «закрытой» специальности, но на третьем курсе, когда начались специальные предметы, её перевели в нашу группу. Мать работала кассиршей в продуктовом магазине. Из нас четверых Юра Г. был самым необеспеченным, у него никогда не было ни рубля.

Где-то в начале 1952-го года Лёня попадает в клинику Ленинградского Педиатрического института со страшным диагнозом «туберкулёзный менингит». Все усилия профессора Волчека не дают положительного результата. Необходимо срочно новое лекарство - стрептомицин. Его контрабандой из Франции привозят моряки. И тут начинается детективная история. Сначала раздаётся телефонный звонок и назначается встреча в людном месте. Папа отправляется на встречу и приносит всего три ампулы. Каждая из них стоит 300 рублей, и никакой уверенности,

что это не подделка. Сразу начинается курс лечения. Никакой гарантии и в том, что необходимое для продолжения курса лекарство доставят в срок. Мама все дни проводит в клинике. Однажды приходит заплаканная – с трудом уговорила Лёню продолжать курс. Доброхотная санитарка рассказала ему о дороговизне лекарства: каждая ампула – это её месячная зарплата, и он решил, что не может принимать такую жертву. Моряки не подвели – курс лечения благополучно доведён до конца. Но болезнь не уступает. Волчек, с согласия родителей, решается на эксперимент – Лёне начинают вводить ПАСК. Лёнька идёт на поправку! Лечение заканчивали уже без профессора Волчека. Разгоралось, так называемое, «дело врачей». Самых известных врачей, лечивших руководителей коммунистической партии и правительства в Кремлёвской больнице, обвинили в умышленном неправильном лечении пациентов с целью их смертельного исхода. В газетах их так и называют: «врачи – убийцы». Подавляющее число этих врачей были евреями. Запугиванием и пытками добывались их «добровольные» признания. А по всей стране нагнетается атмосфера недоверия и ненависти к врачам-евреям, пациенты отказываются от их услуг, их увольняют с работы под надуманными предлогами, вынуждают увольняться «по собственному желанию». Узнав, что Волчека переводят на работу в один из периферийных городов, родители детей, лежащих в его клинике, пишут письма в его защиту, а потом на собранные деньги отправляют в Москву своих представителей. Но всё бесполезно. Профессор Волчек вынужден покинуть клинику. Лечение ПАСКом принесло свои плоды, болезнь была побеждена, хотя через несколько лет она дала о себе знать. В течение долгого времени Лёню приглашали в качестве подопытного больного на разного уровня конференции врачей, на которых обсуждалось лечение туберкулёзного менингита. Лёня получил возможность подробно ознакомиться с процессом лечения и ходом своего выздоровления по демонстрируемым графикам.

Эти полгода родители были заняты только Лёнькой. Я обходилась без их внимания. А вот Эмка... Думаю, что в это время он попал в лапы дворовой шпаны. Ему было 14 лет – тяжёлый переходный возраст. Сам он ничего нам не рассказывал. Да и кому? Родителям не до него. У меня своя жизнь. 7 ноября, в день моего рождения, я пришла домой после демонстрации. В квартире была чистота, пахло пирогами, на широких подоконниках застывали блюда с фаршированной рыбой и тарелки со студнем – вечером ждали гостей. Я услышала, как папа в соседней комнате разговаривал с Эмкой на повышенных тонах, а потом хлестнул ремнём. Я выскочила и обхватила Эмку, уверенная, что меня он не тронет. Но по инерции, пару ударов я получила. Никогда ни до, ни после папа не только не поднимал на нас руку, но и не повышал голос. Он был просто взбешён, обнаружив, что Эмик взял у него 25 рублей. Как выяснилось позже, он сделал это по требованию дворовых хулиганов.

Лёня поправлялся, и летом родители, договорившись с медсёстрами и тётёй Розой, взяв меня и мою двоюродную сестру Соню, поехали в Абхазию, в Гагры, чтобы хоть немного отдохнуть от пережитого. Эмик захотел остаться с Мишкой в Зеленогорске, где дядя Сеня с тётёй Розой сняли дачу. Именно в это лето в Зеленогорске Мишу, ехавшего на велосипеде, сбила машина. Последствия этой аварии мучали его всю жизнь. В Гаграх мы поселились в старой части, недалеко от моря. Сняли мы одну комнату, а соседнюю комнату сняли Мура Соколова с родителями и подругой Инной. С Мурой мы учились в одной группе, и она была бессменным старостой нашей группы вплоть до окончания института. Это ей приходилось прикрывать наши отсутствия на занятиях, защищать нас в деканате. Жили мы дружным коллективом. Всю хозяйственную часть взяли на себя родители. Дни мы проводили на пляже. Обедали за общим столом среди мандариновых деревьев. Через какое-то время в Гагры приехали два Юры – Григорьев и Овчинников. Вечерами гуляли в парке в Новых Гаграх, поднимались в санаторий «Гагрипш», в котором когда-то снимался фильм «Весёлые ребята» с Леонидом Утёсовым в

главной роли. Там по вечерам устраивали танцы на открытой площадке. Мы тоже танцевали и с завистью наблюдали за стройной парой, одетой в светло-серые костюмы и чёрные у неё - блузка, а у него - рубашка. Нам с Юрой так это понравилось, что, вернувшись в Ленинград, мы договорились всей четвёркой обзавестись такой формой. Но осуществил это только Юра Алёшин. Родители уехали домой раньше, а мы с Соней остались ещё на неделю. С нами поселился и Юра Григорьев. Возвращались втроём: Соня, Юра и я. Денег хватило только на билеты в плацкартном (не купейном) вагоне пассажирского (не скорого) поезда до Москвы и в общем вагоне (без фиксированных мест) пассажирского же поезда от Москвы до Ленинграда. В Москве нужно было пробыть с раннего утра и до часу ночи, а денег оставалось 1 рубль. Сонька уехала к жившим в Москве родственникам. Мы с Юрой гуляли по Москве – были в ней впервые. Прошли по Красной площади, зашли в мавзолей, обошли вокруг Храма Василия Блаженного, полюбовались Кремлёвской стеной – свободного доступа в Кремль тогда не было. В районе Главного телеграфа зашли в столовую. На единственный рубль купили две тарелки супа – харчо. Добавив к нему несколько кусочков бесплатного хлеба с горчицей, утолили голод и отправились вверх по улице Горького. Мы уже порядком устали и замёрзли, когда уже к вечеру увидели шедшего нам навстречу Сашу Табакмана. Он также, как и мы, возвращался в Ленинград к началу занятий из Хабаровска от родителей и, в отличие от нас, был при деньгах. Одолжив у него пару рублей, мы купили жареных горячих пирожков с повидлом по 5 копеек за штуку, спустились в метро, сели в вагон поезда, шедшего по кольцевой линии, и в тепле и сытости крутились по этому кольцу до времени посадки на поезд. Неожиданные счастливые встречи в Москве, этом многомиллионном городе, происходили у меня и позже.

Незаметно пролетел четвёртый курс. 23 февраля 1953-го года я с Юрой Григорьевым отметили у Рябошапок присвоение Пете звания капитана. Они снимали тогда крошечную комнату в коммунальной квартире на Большом проспекте Петроградской стороны. А назавтра долго гуляли по набережной Невы.

В начале марта, как гром среди ясного неба, смерть Сталина. Все плакали. Как дальше жить?! В день похорон все, как обычно, пришли в институт, но было не до занятий. Из репродукторов лились траурные марши. Журналисты, глотая слёзы, вели передачу с церемонии похорон. Прочувствованную речь произнёс Л.П.Берия. А когда раздались звуки падающих на крышку гроба комьев земли, показалось, что небо обрушилось на наши головы. Но нашлись среди студентов буйные головушки. Под предлогом занятий они заказали аудиторию на третьем этаже и, закрыв дверь на ножку стула, расположились «шпилить», «расписывать пулюку». Игра в преферанс захватила многих студентов – это была зараза почище шахмат. Однако, «недремлющее око» было начеку. Их застукали. Выброшенные в окно карты не спасли от наказания. Правда, из них только евреев исключили из института, остальные отделались довольно легко. Во время похорон была объявлена «минута молчания», длившаяся гораздо дольше. Дядя Сеня Хуторецкий работал тогда токарем на Вагоностроительном заводе им. Егорова. Человек он был активный, порывистый. Выключив свой станок и простояв со всеми вместе некоторое время в горестном молчании, он обречённо махнул рукой и включил станок. Увольнение с работы с предварительной проработкой «виновника» на заседаниях разных уровней последовало с такой формулировкой в трудовой книжке, что устроиться на другую работу, тем более еврею, нечего было и думать. И это при том, что он был классным работником – обеспечивал на станке-автомате крепёжными изделиями всё производство. После длительных судебных разбирательств он был восстановлен на работе, и в тот же день подал заявление об увольнении, но уже с формулировкой «по собственному желанию». А вскоре после похорон была объявлена первая послесталинская амнистия. Освобождались все заключённые, имевшие сроки наказания до пяти лет включительно,

поэтому политических среди них было немного. Они имели большие сроки. Город заполнился уголовниками из сотысячной волны «указников». С наступлением темноты улицы пустели. Жители запирались в своих квартирах на все засовы. Во время весенней сессии я задержалась у подружки Люси Осетровой – готовились к завтрашнему экзамену. Звоню домой с просьбой разрешить переночевать у Люси – страшно выходить на улицу. Но надо знать папу: «Домой!» - и я, постоянно озираясь по сторонам, бегу по ул.Ленина на Большую Пушкарскую, где с облегчением впрыгиваю в подошедший, почти пустой, автобус №1. Доехав до ул. Восстания, короткими перебежками, как трусливый зайчишка, добираюсь благополучно до дома. Фу-у! Пронесло! Ослушаться папу не могли! Однажды, когда ему надоели мои поздние возвращения домой, он поставил мне условие – возвращаться не позже 12-ти. Нарушив запрет, я долго и безуспешно давила на кнопку электрического звонка, а когда мне это надоело, я оторвала провода от звонка, соединила их намертво и села на подоконник в ожидании реакции на непрерывный звон. Даром что ли я училась на инженера-электрика? Результат не заставил себя долго ждать – мне открыли дверь. Больше мне ни разу не приходилось проделывать подобное. И вот опять лето. Родственники тремя семьями решили ехать в Латвию, в Краславу. Поселились все в одном большом доме, по комнате на каждую семью. В одной комнате тётя Лиза с Юзиком и Зоей, во второй – приехавшие в отпуск из Магадана тётя Лизин родной, а мамин двоюродный брат Михаил Марковский с женой Гитей (Екатериной Натановной Маслинковской) и дочкой Ниночкой, в третьей – мама с Эмиком и Лёней. Я присоединилась к ним позже, в июле, после экзаменационной сессии. В июле же приехал дядя Гриша. Ждали папу, но он не приехал. Поблизости разместились дяди Гришины сослуживцы с семьями - Денисовы и Шипуновы. Компания взрослых была дружная и весёлая – спевшаяся и спившаяся. Гуляли по лесу, купались в Северной Двине. Малышня висла на мне. По многу раз упрашивали петь им смешные студенческие песни типа «Чемоданчик» или про «четыре зуба» и с удовольствием мне подпевали. Юзик в компании таких же, как он, будущих десятиклассников обследовал фруктовые сады. В базарные дни по утрам по дороге мимо нашего дома двигались в сторону рынка телеги с продуктами, так что овощи и молочные продукты можно было купить прямо у дома. Прибалтийские республики всегда славились своими молочными продуктами. В Краславе мама купила мне два отреза крепдешина на платья (один - с синими цветочками на белом фоне, а второй – с чёрными на салатном) и искусственный пёстрый шёлк на длинный халат, который там же мне и сшили.

А тётя Циля отдыхала в Гаграх и, по просьбе моих родителей, с большим трудом уговорила директора санатория «Жоэквара» продать ей путёвку для меня на 24 дня в сентябре месяце. Занятия на пятом курсе начинались в октябре. Гитя предложила мне по дороге в Гагры остановиться на несколько дней в Москве, где на Динамовской улице у Крестьянской заставы в двух смежных комнатах коммунальной квартиры жили её сестра Мария Натановна Ганц с сыном Александром (Аликом) и её мама Аграфена Ильинична Маслинковская. Муж Марии Натановны Лев Ефимович Ганц после закрытия последней в Советском Союзе еврейской газеты «А идише геймблат», в которой он работал фотокорреспондентом, жил и работал на Рижском взморье. Приехала я в Москву в первых числах сентября 1953 года... И познакомилась с Аликом – будущим моим мужем и отцом моей единственной дочери Марины. Он был студентом пятого курса Горного института. Никакого впечатления мы друг на друга не произвели. У него были свои друзья и подружки, я была верна своим. Гитя с Мишей знакомили меня с Москвой. Впервые с ними я побывала в Большом театре. Слушали мы «Кармен» Бизе с лучшими в то время исполнителями Давыдовой и Нелеппом. Во время одной из прогулок Миша потерял мою путёвку, выронив её из внутреннего кармана пальто, что доставило немало волнений. Миша поместил где-то объявление

об утрате путёвки, и накануне моего отъезда какой-то человек сообщил, что нашёл её, но получить мы её не успели, и уезжала я без путёвки. Алику было поручено проводить меня на вокзал, что он сделал, попрощался и ушёл. Буквально за минуту до отправления поезда он ворвался в купе и протянул мне билет. Оказывается, при посадке он взял его у проводника и положил в свой карман, а спохватился уже при входе в метро. Это единственное, что осталось в памяти от первого знакомства с человеком, с которым будут связаны тринадцать лет моей жизни. В санаторий без путёвки меня, конечно, не приняли. Авиапочта доставила её через пару дней. Первую ночь я провела у случайно встреченных однокурсниц Тамары Денежкиной и Киры Долинской – на завтра они ужали, а вторую – в конторе у сжалившейся директрисы санатория. Снять какое-либо жильё на пару ночей в «бархатный» сезон было невозможно. Наконец, я получила на почте путёвку и стала жить в санатории. Санаторий «Жоэква» был расположен в красивейшем парке в Новых Гаграх на самом берегу Чёрного моря. По утрам я одевала свой новый шёлковый халат и шла к морю. И только после купания шла завтракать. Через несколько дней я познакомилась со своей ровесницей Леной – студенткой Ленинградского университета. Она отдыхала в этом же санатории с родителями. Отец её – один из самых знаменитых дирижёров симфонических оркестров Натан Рахлин. Если на пляже или в парке располагалась группа хохочущих мужчин, значит Натан Рахлин рассказывает анекдоты. Жена его при этом не присутствовала. Хотя с Леной мне было хорошо, мы ездили на экскурсии, почти все дни проводили вместе, но в дальнейшем дружба не сложилась. В Ленинграде её окружала богема, а я к таким отношениям не привыкла. В санатории поселили меня в комнате с двумя чудными женщинами – гречанкой из Батуми и грузинкой из Тбилиси. Они годились мне в матери и заботились обо мне, как о родной. В общем, время пролетело стремглав, и пора было возвращаться домой.

На занятия в институт я пришла с опозданием на два дня – не очень спешила. Четвёрка наша «приказала долго жить»: у Саши появилась Люся, с Юрой Г. я сама решила расстаться, остался верный оруженосец Юра А. Появлялись поклонники, но сердце не цепляли, и я быстро от них отделялась. Драмкружок перестал интересовать. Помимо учёбы оставалась комсомольская работа и соревнования по баскетболу, тренировки были заброшены. На приглашение участвовать в студенческом спектакле «Весна в ЛЭТИ» сначала согласилась, начала репетировать, а потом отказалась. Но в память о былых заслугах меня взяли в поездку в Москву с этим спектаклем во время зимних каникул. Это был февраль 1954-го года – мои последние зимние студенческие каникулы. Впервые этот спектакль был показан весной 1953-го года на сцене Выборгского Дома культуры и снискал огромную популярность у всего ленинградского студенчества. Авторами его были студенты ЛЭТИ Геннадий Рябкин, Михаил Гиндин и Ким Рыжов. Впоследствии под псевдонимом ГИНРЯРЫ они сочиняли программы для Аркадия Райкина и не только. Музыка к спектаклю написал тоже студент нашего института Александр Колкер, ставший впоследствии популярным композитором, сочинившим прекрасные мелодичные лирические песни, такие как «Карелия», «Опять плывут куда-то корабли...», «Качает, качает, качает...» и многие другие, написавшим мюзиклы и музыку к спектаклям и кинофильмам. Многие - в содружестве с институтскими друзьями. Ну, не даром же аббревиатуру ЛЭТИ расшифровывали как «Ленинградский Эстрадно-Театральный Институт с электротехническим уклоном». Режиссером спектакля «Весна в ЛЭТИ» был руководитель драмкружка Наум Бирман впоследствии режиссёр таких фильмов как «Хроника пикирующего бомбардировщика», «Трое в лодке, не считая собаки» и других, а также театральных постановок. Хореографию ставил балетмейстер Малого Оперного Театра В.Засимовский, а дирижировал оркестром Анатолий Бадхен, организовавший впоследствии знаменитый собственный оркестр. Поселилась наша труппа со своими

болельщиками в общежитии Московского Энергетического Института (МЭИ) им.Баумана. Первый спектакль был дан в прекрасном Дворце МЭИ. В МЭИ было прекрасно всё: и учебные корпуса с оснащёнными современным оборудованием и приборами лабораториями, и общежитие, и Дворец благодаря тому, что, как говорили, ректором института была жена Маленкова в бытность его одним из руководителей КПСС и Правительства. Ещё один спектакль был дан в новом здании МГУ на Ленинских горах. Это было в первый год его функционирования. Там нам устроили экскурсию по зданию. Поражало всё: от внешнего вида высотного здания до внутреннего устройства. Внутри было предусмотрено всё не только для учёбы, но и для жизни – можно было жить, вообще не выходя наружу. Мы даже посетили какой-то концерт в уютном театральном зале университета. Всего дали в Москве три спектакля. На одном из них присутствовал Аркадий Райкин. После представления он пришёл за кулисы и не только похвалил спектакль, но двоим исполнителям предложил попробоваться в его театре. Алла Прохорова, сыгравшая роль Мэг Купидоновой, с причёской «я у мамы дурочка», смелыми телодвижениями и вызывающим разрезом на юбке, вскоре оставила ЛЭТИ. Закончив Институт театра, музыки и кинематографии, она стала актрисой Ленинградского Театра Комедии. Стилягу начала 50-х годов Кукиша с завитым коком, заграничным пёстрым галстуком, в туфлях на толстенной микропоре и в узких в обтяжку брюках-«дудах» блестяще сыграл И.Трегер. Артистическая карьера его не соблазнила, он закончил институт с «красным дипломом». 1-го февраля, в день своего рождения Юра А., тоже приехавший в Москву, пригласил меня в знаменитый московский ресторан «Метрополь». Это запомнилось не только потому, что я впервые была в настоящем ресторане, но меня поразило внутреннее убранство: золото и фонтан в центре зала. Невозможно было побывать в Москве и не посетить ГУМ. Оттуда я ушла с маленьким коричневым кожаным чемоданчиком, с которым я не расставалась многие годы. В один из вечеров я побывала на Динамовской. Позднее Алик говорил, что это моё посещение произвело на него неизгладимое впечатление. Для меня же это был визит вежливости. Ещё один вечер был отдан Театру им. Ермоловой, откуда мы ушли, не досидев до конца спектакля.

Весной 1954 года, успешно сдав экзамены, выхожу на диплом. Защита – в декабре. А пока – распоряжайся своим временем самостоятельно. Родители сняли на лето комнату в Курорте. Неподалёку от нас поселились Кофманы. Алик уже закончил институт, получив диплом горного инженера, и тоже приехал в Курорт отдохнуть, и поселился у нас. На работу он должен был выйти 1-го сентября. Распределили его в Кузнецкий угольный бассейн (Кузбасс), что в Сибири. Оставалась еще какая-то слабая возможность перераспределиться в Тулу. За последние месяцы он уже пару раз приезжал в Ленинград на соревнования по стрельбе. На груди у него красовался значок «Мастер спорта», позднее я никогда этого значка не видела, и историю происхождения, а потом исчезновения этого значка он так мне никогда и не раскрыл. Я, грешным делом, подозревала, что значок был одолжен на время, чтобы произвести впечатление. В Курорте он пропадавал на спортивной площадке, его нарасхват включали в волейбольные команды – он был сильным волейболистом. Наш семейный коллектив дружно болел за него. Только вызывала жалость аккуратная заплатка на трусах, в которых он играл. А по вечерам – прогулки под луной. Пару раз мне удалось всё же улизнуть в Ленинград на свидание с Юрой Алёшиным, но меня плотно контролировали. В итоге, Курорт наскучил, и я с удовольствием согласилась поехать с Аликом на Рижское взморье, т.к. ему хотелось до отъезда в Сибирь навестить отца. Рига встретила нас дождём, который не прерывался всё время вплоть до нашего отъезда. Льва Ефимовича мы разыскали в Майори, он рад был встрече с сыном, но домой к себе не пригласил. Покормил нас в кафе, а к вечеру отвёл на ночлег на крошечную застеклённую веранду, в которой стояла одна тахта с влажным постельным бельём, а снаружи был прибит рукомойник. Назавтра

мы уже обивали окошки рижской городской железнодорожной кассы в попытках купить обратные билеты. Желаящих покинуть этот залитый дождём город оказалось слишком много. В конце концов, одна из кассирш сжалась и продала нам билеты из брони, и мы уехали в ... Москву. В Москве мы застали только Аграфену Ильиничну, ей было тогда 73 года, и была она маленькой седенькой старушкой. Так, по крайней мере, мне казалось. Мария Натановна была на даче в Махре с детским садом издательства «Известий», в котором она работала бухгалтером на полставки, получая мизерную зарплату 30 рублей. Отсюда и заплата на трусах. Аграфена Ильинична нас радушно приняла, готовила нам еду, интересовалась нашим времяпрепровождением. Однажды прочитала наизусть поэму Некрасова «Железная дорога». В своё время в Николаеве она закончила гимназию, чем редко могли похвастать еврейские девушки того времени. Рассказала мне, что её девичья фамилия Бланк и как красиво делал ей предложение молодой человек по фамилии Вексель: «Не хотели бы вы поменять свой бланк на мой вексель?». А когда она выходила замуж за Натана Маслинковского, то среди прочего в приданом должна была быть шуба, которой у неё не было, и не было денег, чтобы её купить. Она купила её в долг в рассрочку и, уже будучи замужем, постепенно выплатила долг. Её муж, дедушка Алика, уже в советское время в Москве работал в министерстве в качестве крупного специалиста по коже. Алик показывал мне Москву, побывали мы в одной из подмосковных старинных усадеб Абрамцево. Во время одной из прогулок зашли в ЗАГС Пролетарского района и подали заявление. Регистрация брака была назначена на 25 августа. Я сообщила об этом по телефону родителям, и мы поехали в Махру поставить в известность Марию Натановну. В Махре меня покорила спокойная красота среднерусской природы с её лиственными лесами и ширью полей. Мы провели там пару чудесных дней, окруженные заботой моей будущей тёщи. Дни стояли жаркие. Вернувшись в Москву, 25-го с утра мы отправились на Химкинское водохранилище, где полдня купались и загорали. Одна симпатичная девушка, решив, что Алик – мой брат, стала усиленно его обхаживать. Каково же было её разочарование, когда мы сказали, что вынуждены её покинуть, т.к. едем в ЗАГС на регистрацию брака. Так мы и явились в ЗАГС прямо с пляжа с мокрыми купальными принадлежностями в сумке. Приятной неожиданностью оказался для нас приготовленный Аграфеной Ильиничной скромный праздничный обед. Алику пора было собираться в дальнюю дорогу. Собирать собственно было нечего: чёрные студенческие шинель, фуражка, китель и брюки, которые прослужили ему пять лет учёбы (в Горных институтах была такая форма одежды), по паре заношенных маек, трусов и рубашек. Не было даже нормальной обуви. Это было уже чересчур. По моей просьбе, папа прислал мне деньги, и мы купили обычные кожаные туфли. Вот так экипирован был Алик, отправляясь в Сибирь, где мороз в 40*С – обыкновенное явление. За день до своего отъезда Алик проводил меня в Ленинград.

Наступило 1 сентября – настало время выбирать тему дипломного проекта и, в зависимости от этого, руководителя проекта и место и руководителя преддипломной практики. Бывшая выпускница нашего института Любовь Павловна Школьник предложила пройти практику в Ленэнерго, где она в то время работала. С ней же мы обсудили возможные темы дипломного проекта. Остановились на теме «Телемеханизация электрических подстанций Северного района Ленинграда». На кафедре Любовь Павловна была утверждена руководителем практики, а руководителем проекта был назначен доцент Роберт Иванович Юргенсон. В течение месяца практики я провела в Ленэнерго несколько дней, и этого оказалось достаточно для сбора материала по проекту. Но приступить к работе над проектом я не смогла. Как только я садилась к столу и разворачивала чертежи, так приходилось вскакивать и, зажав рукой рот, мчаться в уборную. Так я узнала, что беременна, и так я реагировала на запах бумаги и ватмана. Встал

извечный вопрос: «Что делать?». С одной стороны, неизвестно, когда я смогу приступить к проекту и успею ли закончить его к сроку. С другой стороны, на предстоящем распределении на работу справка о беременности гарантировала место в Ленинграде. Уполномоченная родственниками тётя Лиза убеждала меня не делать аборт. Тётя Циля ни в чём не убеждала, но рассказала, что неудачный аборт лишил её и дядю Сеню детей. Я была настроена однозначно – аборт, защита дипломного проекта в срок и подальше от Ленинграда. Аборты в Советском Союзе были в то время запрещены. Маме удалось договориться с заведующей отделением Родильного дома им. Снегирёва, что на ул. Маяковского. Та предупредила меня о том, что в одном случае из ста женщины после аборта не способны иметь детей, но я была уверена, что ко мне это не относится. Всё было сделано у нас дома. Никакого обезболивания тогда не делалось. Доктор поставила передо мной на пианино часы и сказала: «Терпи ровно десять минут». Какими же длинными они мне показались!

Распределительную комиссию я поставила в тупик, т.к. заявок на молодых специалистов из Кузбасса к ним не поступало. Направили меня в распоряжение Министерства чёрной металлургии. Следом за мной из аудитории, в которой заседала комиссия, вышел секретарь институтского комитета ВЛКСМ Борис Фирсов и сказал, что он и заведующий кафедрой математики Добротин специально пришли на это заседание, чтобы оставить меня в Ленинграде, т.к. всех евреев отправляли на периферию. Мне оставалось только их поблагодарить. А останься я в Ленинграде, и жизнь сложилась бы совсем по-другому... Защита проекта была назначена на 24 декабря. Оставалось два месяца. Экономическое обоснование проекта я подписывала у преподавателя дома. Я не успевала. Последний чертёж накануне защиты обводил тушью Юра Григорьев. Ночью доделывала ещё что-то. Зато какой красивый был у меня титульный лист! Такого ни у кого больше не было. Это постарался Зяма. Перед защитой не могла совладать с внутренней дрожью и впервые за годы учёбы в институте, не считая обязательных для всех студентов профилактических мероприятий, зашла в медпункт, где меня напоили валерианкой. Защита прошла блестяще. Ответы на вопросы, задаваемые членами государственной комиссии, отскакивали от зубов. Свою отличную оценку я заработала! Потом, расслабившись, слушала других студентов. Напряжённо слушала Юрину защиту – это было в тот же день. Задержавшись с ответом на один из вопросов, он взглянул на меня и по беззвучному шевелению моих губ сразу понял подсказку. Он тоже получил оценку «отлично». 30-го декабря 1954-го года нам вручали дипломы. Происходило это в музее А.С. Попова на втором этаже. После вручения в вестибюле меня остановил Юра Г. Отведя в сторону, сказал, что закончил институт благодаря мне, и подарил скульптурку собаки. Видимо, как символ. И ещё рассказал, что плакал, узнав, что я вышла замуж, а его любимая тётя Муся сказала: «это всё равно, что самой отрезать себе руку». Она очень близка была к истине.

Окончание института отпраздновали в ресторане гостиницы «Европейская». Почему-то мальчишки поставили себе задачей напоить преподавателей, в чём и добились успеха. Сами, конечно, тоже были хороши. Возвращались по Невскому шумной пьяной толпой. Попали в отделение милиции, но там вошли в наше положение и отпустили с миром. Вскоре из Министерства пришло направление на Кузнецкий металлургический комбинат в город Сталинск Кемеровской области. К работе надлежало приступить 1-го февраля. В 20-х числах января приехал Алик. И тогда уже сыграли свадьбу. Происходила она в кафе «Буратино» на ул. Восстания. Я была в длинном белом шёлковом платье, украшенном от плеча до края подола по диагонали букетиками искусственных цветов. Собралась вся наша родня – Синельниковы и Кофманы. Были, конечно, Галя с Петей, мои институтские подруги. Со стороны Алика были Мария Натановна и Лев Ефимович. Тётя Лиза заставила официантов поставить на столы всё

заказанное количество порций. Давид Волосов, муж папиной двоюродной сестры Лизочки, ходил между танцующими с бутылкой нарзана и наливал его мужчинам в нагрудный карманчик – такая вот фантазия возникла в его голове под воздействием винных паров. Дядя Гриша, размахивая руками, стоял на трамвайных путях на ул. Восстания и не пропускал трамвай. Так праздновали родственники первую свадьбу в моём поколении. И кстати, это было и первое высшее образование, полученное моим поколением. А потом был отъезд. Уезжала я в сшитых на заказ ботинках с натуральным мехом внутри – в продаже таких ещё не было. Назывались они «румынки». У спекулянтки было куплено вязаное синее шерстяное платье с поперечной отделкой на лифе. Я с лёгкой душой готовилась к отъезду. И только когда были вынесены вещи и провожающие вышли из квартиры, я опёрлась на пианино и горько заплакала. Прорвалось копившееся внутри. Свидетелями этому были только мама и тётя Лиза. На перроне Московского вокзала задолго до отправления поезда собралась толпа провожающих - человек 50. Посторонние решили, что провожают уезжающих на целину. Тогда начиналась хрущёвская эпопея подъёма целинных земель в Казахстане. Пришли проводить меня родственники, друзья школьных и студенческих лет. А потом пришёл Юра Г. и увёл от толпы, чтобы попрощаться. На это у него решимости хватило. А потом мы стояли с Аликом в тамбуре и махали оставшимся на перроне. В Москве распрощались с Марией Натановной и Львом Ефимовичем и отправились дальше в поезде Москва – Сталинск. Длился этот переезд четверо суток. Проехали знак Европа – Азия, станцию со смешным названием Ерофеич, скалу, на вершине которой была высечена голова И.В.Сталина.

Прибыли в Сталинск в самый пик сибирской зимы. Солнце слепило глаза, отражаясь от недавно выпавшего, скрипящего под ногами снега. И привёл меня Алик в 8-метровую комнату шахтёрского общежития. Напротив входа в комнату у окна стоял стол, стоящая у левой стены кровать была Алика, а у правой – Наиля, тоже молодого специалиста, окончившего Ленинградский Горный институт. Начальство пообещало переселить его в другую комнату, но все они были заняты молодыми шахтёрами, которых поставляло Казанское училище. Из комнат раздавалась заунывная, тягучая татарская мелодия, наигрываемая на гармошке. По коридору шатались пьяные рабочие. Общежитие представляло из себя двухэтажный деревянный барак с водопроводом, но без канализации. Уборная в виде беленького домика стояла метрах в 50-ти от барака. Рядом с общежитием стоял домик, в котором находилась шахтёрская столовая. Меню состояло из какого-нибудь супа, шей и биточков с макаронами. Биточки мясом и не пахли. Когда заканчивалась рабочая смена, к раздаче выстраивалась длинная очередь, и на призывы «быстрее» дежурная повариха отвечала: «Накладаю, накладаю!». Так это слово и вошло в наш лексикон. Общежитие принадлежало шахте им. Орджоникидзе и стояло на её территории. Алик – теперь уже Саша, а на работе Александр Львович Ганц, и Наиль, а на работе Наиль Мухаммедович Садыков, работали помощниками начальников участков на этой шахте. Район, где располагались шахты, назывался Куйбышево и соединялся с центром Сталинска однопутной трамвайной линией. Кузнецкий металлургический комбинат, построенный в 30-е годы 20-го столетия с помощью иностранных специалистов, был градообразующим предприятием – ему принадлежала в городе большая часть жилого фонда и коммунальных предприятий. Однако, когда я пришла оформляться на работу, мне тоже предложили общежитие, а узнав, что муж работает на шахте, вообще заявили, что о жилье должен позаботиться глава семьи, т.е. муж. Из восьми месяцев, прожитых нами в шахтёрском общежитии, семь мы дружно прожили в одной комнатке с Наилем, не только ни разу не поссорившись, но оставшись близкими друзьями. Осенью в центре Куйбышева на улице Карла Маркса был выстроен дом, в котором нам была обещана комната. Накануне распределения жилья из Министерства пришло распоряжение: начальников участков

шахт обеспечить отдельными квартирами. Саша к тому времени уже стал начальником Комсомольского участка №5. Мы получили двухкомнатную квартиру на втором этаже нового дома. Нам, конечно, очень повезло. Не видя этого, даже невозможно себе представить в каких ужасных условиях жили шахтёрские семьи! Наше переселение выглядело так: лошадь тащит телегу, на которой железная односпальная кровать, стол, два стула – всё это выдано общежитием под расписку на время, потёртый полупустой Сашин чемодан и почти не распакованный мой багаж.

Моё устройство на работу началось с посещения заводууправления, стоявшего на площади, в центре которой стоял памятник И.В.Сталину в полный рост - это было ведь до 20-го съезда партии, на котором Н.С.Хрущёв выступил с разоблачительной речью. По другую сторону площади, за трамвайной линией стоял громадный деревянный сарай - здание Драматического театра. Правее заводууправления чернел вход в тоннель, из которого проходные вели на территорию завода. Пройдя через кабинеты главного энергетика и главного электрика, я попала, наконец, в цех КИП и автоматики, в котором с 5-го февраля 1955-го года и начала работать в должности поммастера с окладом 90 рублей (КИП – контрольно-измерительные приборы). Эта вчерашняя девчонка, всё еще с двумя косами, стала Любовью Ароновой, как представил меня заместитель начальника цеха Пётр Григорьевич Барановский. В цехе были ещё два молодых специалиста: Богданов из МЭИ, вскоре добившийся возможности возвратиться в Москву, и Галина Барина, окончившая Московский Институт Стали. На комбинате уже были внедрены схемы, следящие за ходом основных технологических процессов (последовательность, температурный режим). Какое-то время мне дали для ознакомления. Производственная практика во время учёбы в институте проходила только на заводах электротехнической промышленности. Прежде, чем заняться автоматизацией, нужно было разобраться в металлургии. Первой моей разработкой была автоматизация производственного процесса одного из прокатных цехов. Руками выделенных мне рабочих по моей схеме был сделан макет, на котором автоматически выполнялись условные производственные операции. Чтобы получить разрешение на внедрение схемы в производство, начальник цеха решил продемонстрировать работу макета руководству комбината. Ну и, конечно, визит-сюрприз! Короткое замыкание. Так прошло первое представление первой работы молодого специалиста высокому начальству. Но работу включили в план, выделили на неё деньги, электромонтажный цех за пару месяцев смонтировал щиты управления и установил их в машинных залах, и мы начали наладку. Утром, приходя на работу, я переодевалась и с 2-3-мя рабочими отправлялась в прокатный цех. Условия работы были тяжёлые. Часть датчиков была установлена между двумя рядами рольгангов, по которым двигался раскалённый металл. Температура воздуха там была около 70*С. Наладку приходилось вести в короткие промежутки времени. Потом, пропустив очередную раскалённую болванку, перескакиваешь через рольганг и мчишься к крану с ледяной газированной водой. Схватив громадную железную кружку, прикреплённую к крану цепью, наполняешь её водой и опрокидываешь в рот так, чтобы вода лилась и в рот и за пазуху. Потом выскакиваешь на улицу и ... о блаженство! А на улице в это время короткое сибирское лето с его 30*-ной жарой. Придя после смены в душевую, я становилась в ведро с горячей водой - так я снимала усталость ног. Наладка проходила трудно – в чём-то напутали электрики, где-то ошиблись монтажники, капризничала аппаратура, пришлось придумывать охлаждение для аппаратуры, стоящей вне машинных залов. Приближался срок сдачи работы. Главный электрик Владимир Иванович Петрикеев кричал: «Будет кровь, будут жертвы, но работа будет закончена в срок!». Работали в две смены. Однажды возвращаемся в конце вечерней смены с рабочим Николаем Марченко в свой цех . Темно, идёт дождь. Я бегу впереди вдоль заводской ограды. Вдруг выскакивает собака

и хватает меня за правую руку. Мы не знали, что с наступлением темноты охрану несут специально обученные собаки. Они бесшумно передвигаются вдоль ограды по натянутой проволоке и, схватив нарушителя, выпускают его только по команде. Подбежавший сзади Николай, с размаху пнул собаку в морду своим рабочим ботинком, она отпустила меня, чтобы схватить его, но мы успели отскочить, а её не пустил поводок. Сгоряча я не почувствовала боли, но Николай увидел развороченную ладонь и повел меня в ближайший медпункт литейного цеха. Дежурная медсестра обработала рану перекисью водорода, наложила повязку и сообщила в медсанчасть, чтобы они приготовились к операции. От транспорта я отказалась, т.к. знала, что Саша будет встречать меня. Вела я себя мужественно до тех пор, пока ни увидела ожидавших меня у проходной Сашу с Наилем. Тут уж мужество меня покинуло, и я залилась слезами. В медсанчасти, здание которой находилось на площади, меня уложили на операционный стол, под местным наркозом наложили несколько швов и выписали больничный лист. Через пару дней ко мне в общежитие пришла Галина Барина и передала просьбу начальства не оформлять больничный лист. Оказывается, о всех производственных травмах сообщалось в Министерство металлургии, что сказывалось на премиальных начальству. А тут ещё и собачий укус! Мне было велено лечиться без всякого больничного листа. Когда я через несколько дней появилась в цехе, меня уже разыскивали медики, т.к. я не явилась на уколы против бешенства, о чём я впервые услышала. Несколько уколов мне пришлось получить. Наблюдения за собакой показали, что она здорова, и дальнейшая надобность в уколах отпала. А событие это осталось не только в памяти, но и в виде шрама на ладони правой руки. С теплотой вспоминаю и Николая Марченко. Он пришёл в цех после армии. Считал себя неудачником, но на вопрос: «Как жизнь?» всегда отвечал: «Как муха в апельсине». Мне удалось уговорить его закончить школу. Потом мы своим рабочим коллективом поздравляли его с женитьбой – вообще, всё у него заладилось. Другого рабочего, талантливого человека, Ивана Тупицина мне удалось уговорить поступить в институт.

Саша уже отработал год, и ему полагался отпуск. Я отработала только девять месяцев, но мне тоже разрешили взять отпуск, и мы уехали в Ленинград, проведя по дороге несколько дней в Москве. В Москве у меня произошла очередная удивительная встреча. Воскресенье. Прогуливаясь в одиночестве, я зашла в ювелирный магазин на Таганской площади. Разглядываю «царевну-лягушку», изящно выполненную уральскими умельцами из самоцветов. Кто-то дергает меня за косу. Оборачиваюсь – Юра Алёшин! Он был в числе нескольких наших выпускников без «порочащих» анкетных данных, которых направили работать в какой-то закрытый подмосковный «ящик» – так называли в обиходе закрытые (секретные) организации. В свой выходной день он решил прогуляться по Москве, и наши пути пересеклись в этом ювелирном магазине. Как же мы обрадовались этой встрече! Она как будто предварила мою встречу с Ленинградом. А там нас уже ждали.

Мама с тётёй Лизой соревновались, чей «наполеон» окажется удачнее, тётя Циля заботилась о культурной программе. Мне хотелось повидать своих подруг, хотелось просто погулять по городу. Всё это было выполнено нами сполна. Живя в Сталинске, мы отвыкли от наличия продуктов в магазинах. Услышав в гастрономе на углу Кировной и Восстания возглас покупательницы: «нечего брать!», я не удержалась, чтобы не ответить: «вас бы в Сталинск!». Однажды в Кировском универмаге на Васильевском острове обнаружили в продаже валенки! Денег с собой не оказалось. Выписав чек, за разрешённые полчаса съездили за деньгами к Палеям, жившим неподалёку на Большом проспекте В.О. Для сибирской зимы эта обувь была незаменимой. Мебель в новую квартиру в Ленинграде нам купить не удалось. На обратном пути, в Москве, мы купили платяной шкаф и деревянную кровать рижского производства, обеденный стол, венские стулья и отправили всё это в контейнере в Сталинск, поместив в него ещё и пару

ящиков консервированной говяжьей тушёнки. На этот раз я знала, что через полгода я вернусь в Ленинград рожать ребёнка. Мама настояла на том, чтобы меня осмотрел врач – всё та же заведующая отделением больницы им. Снегирёва. В следующий раз я явилась к геникологу в медсанчасть КМК уже за больничным листом для ухода в декретный отпуск, т.е. в отпуск для рождения ребёнка.

Эти полгода дались мне нелегко. Отношения на работе, как с рабочими, так и с руководством цеха были хорошими, уважительными. Хотя выполнять свою работу мне было тяжело, но я не показывала виду. Самое трудное было – дорога на работу и обратно. В Куйбышево была конечная остановка, кольцо, однопутной трамвайной линии. Мало того, что трамваи ходили редко, так им ещё приходилось выжидать на разъездах пока пройдёт встречный трамвай. А зимой во время снежных заносов и вовсе приходилось ждать по часу. И это при сибирских морозах в неотопливаемых вагонах. На остановке скапливалась большая толпа, и подошедший, наконец, трамвай брали штурмом, не разбираясь, кто тут инвалид или беременная. В этой давке минут 20, в лучшем случае, я ехала на работу и обратно. Я даже пожалела, что при возвращении домой в последний перед декретным отпуском рабочий день мне уступили в трамвае место, и я не могла уже сказать, что мне ни разу его не уступали.

Квартира приобрела жилой вид. В спальне стояла деревянная полутороспальная кровать вместо железной односпальной, одежда и бельё, разложенные до того на полу, нашли своё место в шкафу. Взятый из общежития стол пока решили не отдавать. На стене у кровати повесили ковёр с белыми медведями. Посреди столовой стоял круглый стол. Справа у стены матрас на сколоченной из досок раме изображал тахту, слева от окна на тумбе местного производства красовался рижский радиоприёмник. Венские стулья дополняли меблировку комнаты. На кухне стоял столик с полками и ящиком для продуктов и посуды, за которым мы ели. Двухконфорная электроплитка, на которой готовилась еда, стояла на табуретке. Была в кухне плита, топить которую надо было углём. Пользовались ею только в сильные морозы. Обычно ограничивались теплом батарей центрального отопления. Холодильником для приготовленной пищи служил широкий подоконник, а если удавалось достать что-нибудь впрок, то вывешивали в авоське за окно. Однажды перед Новым годом мы обнаружили за окном только обрывки от авоськи – кто-то ночью срезал заготовленные к празднику продукты у жильцов второго этажа, до третьего не дотянулся. Это всё зимой. Холодильник «Саратов» Саше удалось приобрести года через 3 случайно: рабочий его участка выиграл холодильник в лотерею и решил получить деньгами. По договорённости с Сашей, он получил холодильник и продал его нам. Была в квартире и ванная комната, но использовала я её только для стирки белья. Стирала в корыте, на стиральной доске, воду грела и кипятила постельное бельё на плите – работа эта была не из лёгких. А мыться нам хватало на работе после смены. Да и мыться в ванной можно было только летом – она ведь не отапливалась. Впоследствии умельцы подвесили на стене ванной комнаты металлический бак, в который подавалась холодная вода, а в плите – змеевик, соединив его трубами с баком. Таким образом вода в плите нагревалась и уже подогретая поступала в бак. Оставалось только растопить плиту и брать горячую воду уже из бака. Уголь для плиты хранился в нашей кладовке, в подвале. Его привозили с шахты и сваливали во дворе возле парадной, а в подвал я переносила его ведрами. В прихожей на одной стене висела вешалка, а на другой мы устроили стеллажи из досок, которые постепенно стали заполняться книгами. Ну, и конечно, была отдельная уютная уборная.

У Саши работа была очень тяжёлая. Работа на шахте круглосуточная, в три смены. Он, как начальник участка, отвечал и за рабочих, и за работу оборудования, хотя в его подчинении был механик, а главное, надо было выполнять спускаемый его участку план добычи угля. Кроме

отработанной 8-ми часовой смены, он мог быть в любое время вызван на шахту или в случае ЧП, или просто по прихоти начальника шахты. Иногда ему приходилось находиться под землёй сутками. Я старалась не обременять его домашними заботами. Жили мы «в любви и согласии». Его участок неоднократно выходил победителем в соревнованиях молодёжных участков шахт треста «Куйбышевуголь», за что получал грамоты и премии. Но всё это не было принято во внимание, когда ему отказали в приёме в КПСС (Коммунистическую партию Советского Союза). А дело было вот в чём: В то время государством регулярно проводились «денежно-вещевые лотереи». Они были довольно популярны, т.к. за 3 рубля можно было выиграть дефицитную вещь - стиральную машину, холодильник, радиоприёмник и другое, вплоть до автомашины. В свободной продаже нужно было годами стоять в очереди за этими предметами, предварительно с большими сложностями записавшись в список. Практиковалась даже покупка, например, сотни лотерейных билетов группой из нескольких человек. Если на эти билеты выпадал выигрыш, то решали, кому из группы он достанется, а тот, в свою очередь, выплачивал остальным соответствующую часть стоимости выигранной вещи. Велась широкая агитация за участие населения в этих лотереях. В общественных местах висели красочные плакаты с соответствующими призывами. И вот после рабочей смены в мойке для ИТР (инженерно-технических работников) несколько начальников участков, дурачась, выстроили в ряд свою обувь не менее 45-го размера и на куске бумаги написали о том, что, купив лотерейный билет, вы можете выиграть «детскую обувь 45-го размера». Вот это и послужило причиной разбирательств в партийных органах разных уровней вплоть до городского комитета и в отказе в приёме в КПСС. Потрепали Саше тогда нервы изрядно. И это плюс к тому, что ежедневная работа требовала нервного напряжения. Несмотря на постоянный контроль за концентрацией метана, внезапные его выбросы предусмотреть невозможно. Дважды на Шашином участке произошли взрывы с гибелью людей. И обоих погибших я знала. Первой была молодая женщина. Она с мужем работала на Шашином участке. Позже, по приказу министерства угольной промышленности, женщины были выведены из шахт, остались только газозамерщицы. Мы с Сашей были на дне рождения её мужа. Я была в то время беременна, но от водки просто отказаться – значило обидеть хозяев. Поэтому я незаметно выливала её в стоявший рядом горшок с фикусом. А во второй аварии погиб горный мастер – молодой мужчина. Буквально за пару недель до гибели он был у нас, фотографировал Марину. Это те фотокарточки, на которых она, ещё не умеющая ходить, сидит в платочке на столе. А когда при очередной аварии затопило участок, начальник шахты пригрозил, что если не будет вытасчено всё оборудование, начальник и механик оплатят его стоимость. Вот они и вытаскивали его, находясь чуть-ли ни по горло в воде. Однажды в Сталинске проводилась общесоюзная конференция по автоматизации технологических процессов. Проходила она во Дворце металлургов. К своей радости, я встретила на конференции Толю Браво, с которым училась в одной группе. Он прожил у нас несколько дней, в один из которых напросился с Сашей в шахту. Придя в этот день с работы, я обнаружила Толю, этого гимнаста – перворазрядника, лежащим на «тахте». И первыми его словами были: «эта работа не для белых».

Я тоже решила побывать в шахте. День 8 марта был тогда рабочим днём, но женщин в нашем цехе в обеденный перерыв поздравили и отпустили с работы. И я отправилась на шахту. Обмундировалась с помощью Саши: роба, сапоги, каска с лампочкой, аккумулятор. Потаскал меня Саша по штрекам. На нижний горизонт спустились на «пятой точке», при этом Саша придерживал меня за шиворот. А потом Саша заспешил в забой – там хотел показать отпалку, но мы опоздали. А я, как только вдохнула отпалочный газ, шедший из забоя, так и задохнулась. И Саша, и оказавшиеся поблизости рабочие не знали, как мне помочь: один стучит по спине, второй

суёт мне в рот «забутовку» (взятая с собой еда), кто-то вытащил пробку из полотняного воздуховода и тычет меня лицом в тугую струю чистого воздуха. Я не могу продохнуть, но понимаю, что «спасение в руках самого утопающего» - время работает не на меня. Я разворачиваюсь и бегу от забоя, туда, куда не дойдёт отпалочный газ. Это меня и спасло. Закончилось моё посещение шахты в женской мойке. Женщин среди начальства не бывало, поэтому отдельной мойки для ИТР не предусматривалось. Мойка была одна. Настроение женщин было прекрасным – только что они получили поздравления и подарки от мужчин своих участков. В каких красочных фольклорных выражениях звучали их восторги! Живя в мужском шахтёрском общежитии, работая в мужских рабочих коллективах, я всякого наслышалась, но то, что лилось из уст благодарных женщин-горнячек ни с чем не сравнимо.

В женской консультации поликлиники КМК по поводу беременности я впервые появилась буквально за несколько дней до оформления декретного отпуска, чем вызвала возмущение врача и обвинение в медицинской безграмотности. Не могла же я ей объяснить, что намеренно избегала не столь приятные посещения. Все необходимые даты были записаны с моих слов. Больничный лист был благополучно оформлен, и я выехала на поезде «Новокузнецк-Москва». Четверо суток в поезде, несколько дней погуляла по Москве (Мария Натановна торопила, т.к., в отличие от меня, понимала, что не всегда роды происходят в указанный доктором срок). 3-го апреля была уже на приёме в ленинградской консультации. Чувствовала я себя хорошо. Тёти Цирино зелёное шерстяное платье было мне впору. А гулять я выходила в маминой беличьей шубке. Кстати, я ни разу не видела маму в этой шубке. По вечерам Лёня выводил меня на прогулку. Как же он бедненький покраснел, когда однажды на Кировной нам повстречалась его одноклассница, которой он явно симпатизировал!

Однажды поехала к Соне. Её Игорьку было уже 3 месяца. Это был симпатичный куклёнок, но когда Соня стала менять ему грязные пелёнки, я еле сдержала рвотный позыв и с беспокойством подумала, как же я буду это делать. Зря беспокоилась.

Пару раз приезжал мой бывший однокурсник Саша Табакман. Он переживал тогда нелёгкие времена. В студенческие годы он встречался со студенткой ЛГУ. Потом она порвала с ним, т.к. влюбилась в своего преподавателя, но когда забеременела, Саша разрешил ей делать аборт в его комнате, которую он получил от работы. В результате неудачного аборта Люся скончалась. Родители обвиняли во всём Сашу, хотя вина его была только в том, что он по-прежнему её любил и не мог отказать ей в просьбе.

Запомнился яркий солнечный день, а я с Любой (Зеликсон) иду по Невскому в Пассаж, где мы покупаем шерстяной китайский костюмчик в подарок Зяминой дочке Олечке, которой в этот день, 21 марта, исполняется 3 года.

Но больше всего времени я провожу с Галей Рябошапка – бывшей Соминич, Сомой. Предполагается, что она должна родить на неделю раньше меня. Наши прогулки начинаются от её дома на Маяковской, затем мы шествуем в сторону Невского, там обязательное посещение «Пирожковой» и жареные в масле пирожки с мясом или повидлом. Галина мама Зоя Фёдоровна не встаёт с постели - доживает свои последние дни. Несмотря на это, она, как обычно, подшучивает и подсмеивается над нами. Предлагает угостить меня салом – я соглашаюсь и запиваю его молоком, чем привожу её в восторг. Когда мы остаёмся с ней наедине, она жалуется на то, что забывает обычные слова, и только Петя, которого за глаза она насмешливо называла Петюней, её понимает.

Врач считает, что мне пора бы уже рожать, и предлагает лечь в дородовое отделение родильного дома. Я чувствую себя хорошо, поэтому отказываюсь – подозреваю, что сроки, определённые в Новокузнецке, не верны. 22-го апреля к нам приезжают дядя Гриша с тётей Лизой, и мы большой

компанией отправляемся в кинотеатр «Спартак» на новый фильм – что-то про архитектора и застройку главного проспекта. Там меня застигла первая схватка, которую я проигнорировала и не подала вида. А вот когда по пути домой я почувствовала повторную схватку, то предложила родителям идти в роддом. Это был роддом имени Снегирёва на улице Маяковского вблизи Невского проспекта. Пришли мы туда пешком, меня осмотрели и посоветовали придти позже, когда сократится время между схватками. Ближе к 12 ночи мы поняли, что пора. Перед уходом мне очень захотелось манной каши, доесть её я уже не смогла. Я слышала, как осмотревшая меня врач сказала по телефону заведующей отделением, что если она хочет принимать роды, то надо приехать. Если мне не изменяет память, звали её Валентина Ивановна, и у мамы была с ней предварительная договорённость. Это она делала мне аборт осенью 1954-го года. Однако, процесс пошёл не так быстро, как предполагалось – нервная система среагировала на обстановку. А когда в 8 часов утра произошла смена персонала, и врачом-акушером стал мужчина, схватки прекратились вообще. Благодаря искусственно вызванным схваткам 23-го апреля примерно в 1:30 дня появилась на свет девочка. В медицинской карте записано: «девочка, вес - 3600г, рост - 50см, продолжительность родов – 15:45, эффект положительный». Когда мне её показали, я удивилась: «Откуда у неё серо-голубые глаза?», чем вызвала смех окружающих. Я не знала, что у новорожденных такой «молочный» цвет глаз. Только через пару часов, пройдя болезненную процедуру зашивания, я оказалась в палате на 10 человек. Недалеко находилась палата с новорожденными, и до нас доносились их крики. Каждой «мамочке» (так нас там называли) казалось, что это плачет её ребёнок. Как и мои соседки, с нетерпением ждала первое кормление. Доченька же отнеслась к этому событию совершенно равнодушно – приложила к соску, немного пососала и, отпустив его, преспокойно заснула. При следующих кормлениях всё повторилось, щекотание пяточек не помогало. Меня забеспокоило такое её поведение – я посчитала, что она остаётся голодной. Но врач меня успокоила: взвешивание показало, что за столь короткое время она успевает получить свою норму. Кормить её приносили в виде туго спелёнутого кокона. Я могла любоваться только мордашкой. Пока я находилась в роддоме, поздравить приходили мама, тётя Лиза, тётя Циля. Их тёплые записки я сохранила. Дальше справочной их, конечно, не пускали, и они только могли узнать о нашем состоянии и передать строго определённые продукты. Тёте Лизе удалось уговорить заведующую отделением передать мне цветы. Этот букет был единственным в нашей палате. Мама с тётей Лизой приобрели детское приданое. Ведь по приметам, до рождения ребёнка нельзя было этого делать. Однажды санитарка принесла передачи, и на одном из пакетиков разобрала только фамилию Синельникова. Я сразу отозвалась. Но моя соседка тоже среагировала на эту фамилию. Посмотрев внимательно, поняли, что передача ОТ Синельниковой. Моя соседка, родившая тоже девочку, была подругой Лизочки – папиной двоюродной сестры. Лизочка позже оправдывалась тем, что не знала о моём пребывании в роддоме. Благодаря тому, что послеродовое состояние как роженицы, так и новорожденной не имело осложнений, нас через неделю выписали. Встречать нас пришли папа с мамой и Лёня. Папа взял у медсестры пакетик с внучкой, заглянул в личико и воскликнул: « Узнала! Улыбнулась!». Удивлённая медсестра тоже заглянула в пакетик.

Дома в меньшей комнате уже стояла детская кроватка. Потом была куплена модная коляска салатного цвета. На фотографиях запечатлена прогулка в Летнем саду – Маринка в этой коляске, Лёня и я. Имена для девочки (Марина) и для мальчика (Сергей) я придумала заранее, не без влияния книги Ильи Эренбурга «Буря». Пол ребёнка в то время узнавали только в момент его рождения. Согласовав по телефону с Сашей имя нашей девочки, я зарегистрировала её в ЗАГСе Дзержинского района Ленинграда. Так Марина Александровна Ганц, зачатая и выношенная в Сибири, стала коренной ленинградкой.

Будучи в роддоме, я удивлялась отсутствию поздравления от Гали. И только выйдя, узнала, что Галя легла в родильное отделение, где 4-го мая родила девочку весом 4 кг, которую вынашивала 10 месяцев вместо положенных 9-ти. Через пару недель Галя с Петей принесли Леночку мне, т.к. умерла Галина мама Зоя Фёдоровна Корзо, и они должны были заниматься похоронами. С тех пор меня и считают Леночкиной молочной матерью. Ещё когда Галя находилась в роддоме, я была у Зои Фёдоровны. Она была очень плоха, но в полном сознании. Жаловалась только на то, что не может вспомнить элементарные слова. Она очень хотела увидеть Маринку, но не позволила внести её в комнату, а с трудом дошла до окна и посмотрела на коляску с Маринкой с третьего этажа.

Приходили с поздравлениями родственники, сокурсники, а однажды пришёл Юра Григорьев. Мама, почему-то, была напугана его посещением, и пока он стоял у кровати и разглядывал крошку Маринку, она из комнаты не вышла. Гораздо позже я узнала, что Юра заходил пару раз после моего отъезда в Сталинск, сидел за столом, за которым мы во время сессий, разложив конспекты, «грызли гранит науки» вначале всей дружной четвёркой, а потом вдвоём. В одно из таких посещений они с папой даже выпивали. Мне никогда уже не узнать, о чём они говорили.

С июня мы поселились на даче, снятой родителями в Зеленогорске. Это был домишко, состоявший из одной комнаты с верандой, стоявший рядом с бензоколонкой. И в нём разместились мама, Эмик, Лёник и я с Маринкой. Изредка приезжал папа. Маринка вела себя прекрасно, если не считать мучивших её газов. Вот тогда она поднимала такой крик, что приходилось принимать экстренные меры в виде трубочки и укропной воды. Питалась она исключительно грудным молоком. В свободное от ухода за дочкой время я даже сшила себе платье – белое в чёрный горошек с модной тогда юбкой «солнце-клёш». Однажды в нашу веранду вбежала хозяйка с криком: «Скорее убегайте! Сейчас взорвётся заправка – там загорелся грузовик!» Мы все тут же выскакиваем из дома, отбегаем на некоторое расстояние и спохватываемся, что Эмика нет с нами. Отдаю маме Маринку, бегу обратно, вижу: Эмик спокойно уговаривает 3-х летнего хозяйского мальчика бежать подальше от дома. Хватаю ребёнка на руки и уже с Эмиком бежим обратно. Оказалось, что Эмик пытался уговорить мальчика, чтобы не напугать внезапно. В итоге, никакого взрыва не произошло, т.к. горящий грузовик успели оттащить с территории заправочной станции. Из гостей помнится приезд Любы (чёрной). На фотографии – мама, Люба и я с Маринкой на песчаном берегу залива Балтийского моря. И ещё: Люба и я с Маринкой на руках идём в Летний театр, расположенный в парке, на концерт популярнейшей артистки Рины Зелёной – она выступала с чтением детских стихов. А следом за нами идёт молодая пара и пытается понять действительно ли у меня на руках ребёнок или кукла. Пришлось продемонстрировать. А Маринка и впрямь была похожа на куклёнка в вязаном розовом костюмчике. Через какое-то время приехал в отпуск Саша – состоялось знакомство с дочкой. Мне в подарок он привёз красивое трикотажное бежевое платье. Около месяца мы гуляли по Зеленогорску втроём, сидели за столиком в кафе-мороженом, поглядывая в окно за лежащей снаружи в коляске дочкой. Смutilо немного то, что, уезжая, он не оставил мне денег. Мои отпускные давно иссякали. С отпуском мне повезло. Новый министр здравоохранения, первая женщина на этом посту, своим указом удлинила декретный отпуск (оплачиваемый отпуск по рождению ребёнка) – он составил 2 месяца до родов и 2 месяца после родов вместо 1,5 до и 1,5 после. «До» мне уже воспользоваться не пришлось, а «после» – да. К этому я добавила очередной отпуск (28 рабочих дней) и месяц мне разрешили взять за свой счёт, т.е. без оплаты. Таким образом, к моменту отъезда в Сталинск Маринка была уже вполне сформировавшимся почти четырёхмесячным человечком. Часть отпускного времени оставалась для решения очень сложного вопроса – как и с кем оставить ребёнка, когда я выйду на работу.

Из Ленинграда в Москву выехали поездом. В Москве Мария Натановна проводила нас на самолёт Москва – Новосибирск. В самолёте, на наше «счастье», почему-то, не оказалось детской кроватки. А самолёт – моторный. Это было ещё до эры реактивных самолётов. Лётное время – 8 часов с двумя посадками. Во время посадок я бежала в детскую комнату аэровокзала и перепеленовывала дочку. Когда я поняла, что не в состоянии больше держать ребёнка на руках, я положила на пол перед собой чемоданчик с пелёнками, на него пакет с Сашиним костюмом, сшитым у одного из лучших закройщиков Ленинграда, а на него Маринку. Командир корабля предлагал мне пойти в багажное отделение, где мне приготовили удобное место, но я отказалась. Тогда он распорядился не продавать билет на соседнее место, и после второй посадки дочка занимала отдельное кресло. Благополучно приземлились в аэропорту Толмачёво города Новосибирска. Выхожу из самолёта – в руках чемоданчик, пакет с костюмом и Маринка. Еле удерживаю всё это. На дальнем конце поля вижу идущего навстречу Сашу. Но почему он так медленно приближается? Отвернула голову, чтобы не видеть эту пытку. Очнулась, услышав у самого уха: «Что с тобой?». Молча протягиваю ему всё, что с трудом удерживала. Но это ещё не конец путешествия. Поезд «Новосибирск – Сталинск». Располагаемся в купе, и ребёнка как подменили: впервые за всю дорогу поднимает такой крик, что соседи по купе куда-то исчезают, после чего ребёнок, как по заказу, успокаивается, и мы продолжаем путь втроём.

Начались наши хождения по инстанциям с просьбой получить место в яслях. Мне же надо выходить на работу. Ведь я, как молодой специалист, не отработала ещё три года после окончания института. Везде отказ. Причина: в первую очередь принимаются дети из малообеспеченных семей. Что делать? Иду грустная по улице Карла Маркса вдоль самого большого здания в Куйбышево, на первом этаже которого расположены единственные в посёлке продуктовый и промтоварный магазины и аптека. Поднимаю голову на стук по стеклу аптечной витрины: незнакомая женщина машет рукой, приглашая зайти. Знакомимся: Раиса Мееровна – заведующая аптекой. Объясняет, что из окна не первый раз видит меня чем-то очень озабоченной, и не может ли она чем-то помочь. Узнав причину, звонит по телефону и договаривается о приёме в ясли ребёнка «своей сотрудницы». Всю нашу дальнейшую жизнь в Сталинске (позднее – в Новокузнецке) до возвращения в Ленинград нас связывала дружба с семьёй Раисы Мееровны Могилевской. Муж её был главным маркшейдером треста «Куйбышевуголь», в подчинении которого находилась шахта имени Орджоникидзе, на которой работал Саша. Не без нашей помощи познакомились, а потом и поженились её дочь Софа и молодой специалист из Харькова, горный механик, Гриша Сельц. Первые в моей жизни похороны тоже связаны с этой семьёй – хоронили маму Раисы Мееровны. На похоронах случился конфуз, когда не знали какой стороной по еврейскому обычаю опускать гроб в могилу. Выручила Аня - молодая русская племянница Р.М. Все дальнейшие годы нашей жизни в Сталинске-Новокузнецке были тесно связаны с местными семьями Могилевских и Ермолаевых.

Началась у нашей дочки общественная жизнь. Мой с ней рабочий день начинался рано. Ведь в 8 часов я должна была быть в цехе. А до этого времени надо успеть перепеленать ребёнка, покормить грудью, собраться самой, отнести её в ясли, доехать до завода и добежать до цеха. Первое время меня отпускали днём на кормление ребёнка, а когда период между кормлениями увеличился, разрешили раньше уходить с работы. Мне стало полегче. По ночам дочка не беспокоила – я даже пару раз за ночь подходила к кроватке проверить всё ли нормально. Но по утрам она активно сопротивлялась – приходилось затрачивать много усилий, чтобы её одеть. А когда похолодало, ещё и закутать с головой в одеяло и донести до яслей. На остановку трамвая я прибегала взмыленная, и остывала и замерзала в ожидании неотопливаемого трамвая и в течение поездки. А однажды дошло до слёз – вижу, что уже опаздываю, а одеть Маринку не могу.

Выручил пришедший с ночной смены Эмик. Он в это время жил у нас и работал на шахте. Во время моего пребывания в Ленинграде выяснилось, что в техникуме он не появляется. Папина заместительница проследила за ним, когда вместо техникума он просто шатался по улицам. Был жуткий скандал, и папа выгнал его из дома. Пару дней мы с мамой не находили себе места, обзвонили родных - ни у кого он не появлялся. Мама беспокоилась и о нём, и о том, чтобы от волнения у меня не пропало молоко. Потом раздался телефонный звонок – Эмика тоже волновало моё состояние. Я с трудом уговорила его вернуться домой. Оказывается, ночевал он под мостом, а пищу не видел два дня. Мы решили, что он поедет жить к нам. Я договорилась с моей знакомой – директором школы рабочей молодёжи, и его приняли в 10-ый класс. Через какое-то время случайно встречаю её на улице и узнаю, что Эмик перестал появляться в школе. Она просит меня уговорить его доходить до конца учебного года и получить «Аттестат зрелости», который позволит ему продолжить образование. Посторонний человек переживал за этого способного парня. Но Эмик решил по-своему. Весной заявил, что возвращается в Ленинград.

С февраля 1956-го года я работала в цехе КИП и автоматики уже в должности старшего инженера. Кстати, из пом. мастера в инженеры участка автоматизации я была переведена в октябре 1955г., через 8 месяцев после поступления на работу. В то же время молодёжь выбрала меня комсоргом цеха. Комсомольской работой мы занимались во внерабочее время. А в конце 1956-го года я была принята кандидатом в члены ВКП(б) – Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков).

Ясельки Маринка посещала несколько месяцев. Папин старший брат Борис прислал из Злынки для Маринки нянюку. Звали её Маша, замужем она не была, детей не имела и было ей лет 60. На этом ясельная эпопея для нас закончилась. Мы уходили на работу, а дочка оставалась на попечении Машетты (так мы её звали за глаза). В её обязанность входил только уход за ребёнком. Все домашние работы были, как и до этого, на мне. На Сашу рассчитывать не приходилось – рабочий день его был не нормирован, возвращался усталым, на шахту могли вызвать в любое время днём и ночью. Работа его была связана с опасностью. То на одной, то на другой шахте вблизи Куйбышево происходили взрывы метана, завалы – гибли люди. Дважды это происходило на Сашином участке. Первый раз погибла молодая женщина. Незадолго до этого несчастья мы были у неё с мужем в гостях. Они радостно рассказывали о том, что завербовались на работу в шахте на острове Шпицберген, чтобы заработать много денег. А я, в то время беременная, с трудом справлялась с тошнотой и незаметно, чтобы не обидеть хозяев, выливали водку в стоявший позади меня фикус. А во второй раз погиб молодой мастер участка. Буквально за пару недель до гибели он заходил к нам и фотографировал Маринку. В память о нём – несколько фотокарточек Маринки, которая уже научилась сидеть. Услышав сигналы машин горноспасателей, жители кидались к окнам, чтобы по направлению их движения понять на какой шахте на этот раз произошла авария. Однажды Саше с механиком пришлось в течение суток вытаскивать оборудование из затопленного участка. Шахтёров, ввиду опасности, привлекать к этой работе было нельзя.

С Машеттой было беспокойно. Несмотря на то, что на кухне были две электроплитки, одна из которых была с двумя комфорками, она умудрялась пережечь все три. «Усе плитки перег(х)орэлы. Манную кашу зварыла у чайнику» - Такое приходилось слышать неоднократно. А что я могла поделаться? Никаких смесей тогда и в помине не было. Не было у меня и возможности проверить, что происходит в моё отсутствие. Вера Николаевна Хуторанская, соседка по лестничной площадке, сказала мне, что Машетта даже не гуляет с ребёнком и как только уложит спать, и сама ложится. Я сделала Машетте замечание. И что в результате? Бегу домой с работы, мороз 40*С, у подъезда стоит М-та с Маринкой на руках, а у той щёчки белые - обморожены. На мой крик: «Вы

что не видите, что у ребенка щёчки обморожены?» - спокойный ответ: «Вы ж сказали г(х)улять». В течение нескольких лет в морозную погоду на щёчках выступали белые кружочки.

Свои первые самостоятельные шаги Маринка сделала, когда я с ней была у Ермолаевых, живших в нашем доме. Витя (Виталий) работал на той же шахте, что и Саша, механиком участка после окончания Сибирского металлургического института в Сталинске. Его жена Люба преподавала в школе литературу, закончив в Сталинске Педагогический институт. Оба, как и мы, - молодые специалисты. С ними жили Витины родители и сестра Капитолины Тимофеевны - Клавдия. Они были местными жителями. Так вот о Маринке. Исполнился ей в тот день годик. Доползла она в сшитом мною нарядном розовом платье до стены, встала, держась за стену, постояла (мы молча, затаив дыхание, наблюдали за ней) и, оторвавшись от стены, сделала свои первые в жизни шаги. Капитолина Тимофеевна успела провести по полу ножом между ножками – по русскому обычаю, «разрезала пути». Нередко я отогревалась теплом этой семьи. Капитолина Тимофеевна показала мне, как она готовит котлеты из бывшего в продаже свиного фарша, наполовину состоявшего из сала, как делать мучную подливку к консервированной тушёнке, как ставить опару и печь пирожки из дрожжевого теста.

На работе в эту зиму я занималась разработкой и внедрением системы автоматического взвешивания угольной шихты, загружаемой в коксовые батареи коксо-химического цеха. Необходимость этой работы была вызвана тем, что рабочие, особенно в ночную смену, не соблюдали весовой режим заполнения батарей. Им важно было поскорее выполнять эту работу - от этого зависели их премиальные. Их не волновало, что это отрицательно сказывалось на качестве и количестве спекаемой шихты и, в дальнейшем, на работе доменных печей. Для них имело значение лишь то, что точность взвешивания замедляла работу. Закончив монтаж и наладку, мы никак не могли сдать систему в эксплуатацию, т.к. в наше отсутствие, в вечернюю и ночную смены, рабочие умудрялись вывести систему из строя. И только после того, как мы сами в течение недели круглосуточно в три смены отдежурили на батареях, и система не дала сбоев, её приняли в рабочую эксплуатацию. За эту работу мы получили «Авторское свидетельство», что в Советском Союзе заменяло «Патент».

Летом на практику приехал мой двоюродный брат Юзик (Иосиф) – сын дяди Гриши. Он учился на Экономическом факультете Ленинградского Горного института. Целый месяц в шахте работал крепильщик Иосиф Кофман. Жил он у нас. В выходной шахтком организовал выезд на берег реки Томь – мы поехали всей семьёй, а М-ту я попросила пожарить котлеты из готового фарша. Возвращаемся голодные с мечтой о сытном обеде, но... «масла ж нет, як жеж жарить». Тут уж Юзик выдал ей по полной программе с применением фольклора!

Однажды Машетта была не на шутку напугана моим поведением - решила, что, как сейчас говорят, у меня «поехала крыша». А дело обстояло так. Кто-то из рабочих прислонил скребок (металлическая пластина на длинной деревянной ручке), которым чистят коксовые батареи, у проёма лестницы этой самой пластиной вверх, и в то время, как я поднималась по узкой тёмной лестнице, он падает вниз. Я вижу, как он появляется в светлом проёме и начинает падать, но сделать ничего не могу, т.к. темно, и я не вижу, куда он падает. Ощущаю острую боль в ступне, выскакиваю наверх и ору: «Кто догадался поставить здесь скребок?» На мой ор прибегают два мастера – молодые специалисты и ошалело смотрят на меня. Опускаю глаза – стою в луже крови. С их помощью, дохожу до цехового медпункта, где мне делают первичную обработку раны и уже на машине везут в комбинатовскую медчасть, где рану зашивают, оставив разорванными связки на ступне – срослись они сами через несколько лет. Выхожу, хромая, из операционной. Подхватывает меня зам. начальника цеха и, узнав, что машину мне не дали, т.к. я живу в Куйбышево, устраивает скандал, в результате которого он привозит меня домой на «скорой

помощи». Дома только Машетта с Маринкой. Я ложусь в постель и, в ожидании боли после прекращения действия наркоза, беру в руки Ильфа и Петрова. Дойдя до эпизода, когда голый инженер, с которого капает мыльная пена, оказывается на лестнице перед закрытой дверью квартиры, начинаю хохотать. Вот тут и заглядывает в дверь испуганная Машетта. После этого случая я долго хромала. Проработав три года на тяжёлой, но очень интересной работе, в январе 1958-го года я решила перейти на более спокойную работу в проектно-конструкторский отдел комбината.

Осенью мы собирались поехать в Ленинград, из Москвы отправить Машетту в Злынку и оставить Маринку на зиму в Ленинграде. Но Саша вдруг заявил, что он выхлопотал в шахткоме путёвку в дом отдыха на Чёрном море. Мои попытки отговорить его были напрасны. Ко мне обратилась комсорг шахты с просьбой уговорить Сашу отказаться от путёвки, т.к. в ней нуждается другой человек. Но всё было напрасно. Он уехал отдыхать, а я, выпросив у клубного художника какие-то подкрашивающие порошки, с помощью маляра, перекрасила белые мёртвые стены: в спальне – в светлый фиолетово-розоватый цвет, а в гостиной – в бледно-салатный. «Жить стало лучше, жить стало веселей» (И. Сталин).

Зимой около месяца гостила у нас Мария Натановна. Провожал её на поезд Саша. Я знала, как трудно ей жить на мизерную зарплату в 300 рублей – полставки бухгалтера детского сада издательства «Известия», но боялась обидеть. Поэтому дала Саше конверт с 1000-ю рублями, чтобы он отдал их ей при прощании. После её отъезда, собираясь утром на работу, в поисках мелочи на трамвай, обнаружила в кармане его пальто половину этой суммы и адресованное Марии Натановне мамино письмо. В письме было написано о большом, постигшем нашу семью горе – Лёня в больнице с диагнозом «костный туберкулёз» и с просьбой подготовить меня к этому известию. Не знаю, сообщила ли М.Н. об этом Саше, но мне она даже не намекнула о каких-то домашних неприятностях. Обливаясь слезами, я пришла с заявлением об увольнении или хотя бы о внеочередном отпуске к начальнику цеха – я считала, что должна быть рядом. Добрейшая секретарь начальника цеха, которая всегда хорошо ко мне относилась (хотя, я не могу припомнить в Сталинске человека, который бы относился ко мне плохо) смогла убедить меня не принимать скоропалительное решение, а сначала переговорить с родителями по телефону и выяснить, чем я могу помочь. Конечно, и без меня было сделано всё, что нужно, и моё присутствие ничему бы не помогло.

В Ленинград я поехала в сентябре с Мариной и Машеттой. Счастье, что проводить нас вызвалась Шура Романова, мастер нашего цеха, с мужем, у которых была машина «Москвич» – большая редкость в то время в Сталинске. Незадолго до этого они побывали в Ленинграде и останавливались у моих родителей. И надо же было такому случиться – в это утро Сталинск был накрыт таким густым туманом, что мы еле дотащились до станции чуть ли ни в момент отправления. Шура с мужем буквально впихнули нас и неподъёмный Машеттин багаж в тамбур последнего вагона. Уже во время движения поезда мы перебрались в свой вагон. В Москве я посадила Машетту на поезд, и отправилась она восвояси. А у меня как гора с плеч упала. Уезжала она с тяжеленными мешками. В Злынке она рассказывала, что у нас дома валялись деньги, которые она просто подбирала. Не знаю, о каких таких деньгах она говорила, а на полученные за работу она любила покупать ткани. Погостили в Москве мы несколько дней и поехали дальше. В Ленинграде, как всегда, мне было тепло и уютно. Но отпуск закончился. Отправилась я в обратный путь без Маринки в тоске и тревоге.

Травмированная нога продолжала меня беспокоить, нужно было уходить на более спокойную работу. Отказавшись от работы в цеховом техбюро, я перешла в проектно-конструкторский отдел комбината, располагавшийся не на территории завода, а в здании заводоуправления, в ста метрах

от трамвайной остановки. Местом работы был чертёжный стол. Проработала я там около 2,5 лет. Работа была рутинная, неинтересная. Мне было с чем сравнивать. Очень скучала по дочке. Лёня присылал её фотокарточки. На лето родители сняли дачу. Мамина двоюродная сестра Рахиль, которая там же отдыхала, при встречах вспоминала, как Маринка выбросила в горшок собранную в лесу малину, заявив, что она «гязная».

В сентябре 1958-го года, списавшись с однокурсницей Мурой(Наташей) Ивановой(Соколовой), мы с Сашей поехали отдыхать в Сочи. Мурочка и её муж Володя сняли нам комнату в двухкомнатной квартире многоэтажного дома в центре города. Несколько дней до их отъезда мы провели вместе. Потом к нам приехал Юзик Кофман со своим другом Вовой Соскиным. Были они молодые, холостые, бесшабашные. На обратном пути с экскурсии на высокогорное озеро Рица на узкой, извилистой дороге, они стали дразнить водителя идущей за нами тоже экскурсионной машины. Горячий кавказец не выдержал и пошёл на обгон. Мы замерли от ужаса, когда заднее левое колесо машины почти повисло над пропастью. Слава Б-гу, всё обошлось благополучно. Ребята до конца пути сидели молча, как пришибленные. Заехав за Мариной в Ленинград, возвращаемся в Сталинск. Маринку принимают в детский сад. Впрягаемся в работу.

Ближе к весне уже 1959-го года начинается моё «знакомство» с онкологией. Под правым ухом была у меня крупная фамильная (папина), выпуклая родинка. Когда я кормила Маринку, она тормозила её своей ручонкой. А тут я заметила под ней твёрдую опухоль величиной с фасолину. Районный хирург, а это был наш приятель Вадим, тоже молодой специалист, направил меня к главному городскому онкологу. Тот, осмотрев меня и расспросив сколько лет мне и сколько моему ребёнку, удручающе покачал головой, дав понять, что дела мои плохи. Не получив никаких рекомендаций главного «специалиста», я опять пришла к Вадиму. И тот принял самое мудрое решение: «Я выписываю тебе больничный лист, и ты завтра же отправляешься в Ленинград». Я так и сделала. Маринку в охапку, поезд Сталинск – Новосибирск, аэропорт Толмачёво. В кассе «обрадовали»: теперь на такого ребёнка надо брать билет как для взрослого. Но кассирша, без всякой моей просьбы, продаёт мне детский билет, внушая мне, что дочке моей только два года. Этот глупый министерский приказ не просуществовал и года. Мы летели рейсом Новосибирск – Москва. Посадка в Москве оказалась сложной. Из Внуково улетал Н.С Хрущёв – Генеральный секретарь Центрального комитета СССР – первое лицо страны. По этому поводу аэродром был закрыт. Два часа наш самолёт кружил над Москвой на низкой высоте с отключённой вентиляцией. Нечем было дышать, у Маринки болели ушки – она беззвучно плакала у меня на груди. Выйдя из аэровокзала, мы с трудом уговорили её сесть в транспорт - «пойдём пешком». Несколько дней в Москве, и Маринка, как всегда покрывается прыщами, переходящими в корки. Мария Натановна, с сожалением, торопит нас с отъездом. Встреча с родными в Ленинграде, и через несколько дней, по протекции жены дяди Гришиного подчинённого, я попадаю на приём к онкологу Дзержинского района Ленинграда. Он предлагает удалить опухоль оперативно, но при этом возможен перекося лица, т.к. в этом месте множество нервных окончаний. Могла ли я, молодая и красивая, пойти на это? Давид Волосов, муж папиной двоюродной сестры Лизочки, устраивает мне встречу с молодым ещё тогда, а впоследствии знаменитым хирургом-онкологом Мельниковым, который много лет спустя, по рекомендации того же Додика, сделал успешную операцию по поводу рака желудка отцу Олега - Леониду Ивановичу. С помощью Мельникова я хотела попасть на консультацию к специалисту в знаменитый Институт Онкологии Академии медицинских наук СССР, находившийся тогда на Берёзовой аллее Каменного острова. Официально я сделать этого не могла, т.к. была иногородней – не имела ленинградской прописки. Но, вдохновлённая тётёй Цилей, я отправилась в регистратуру. И...о чудо! Тронутый неразрешимой проблемой молодой (27 лет), симпатичной, иногородней женщины, заведующий

отделом регистрации (а это был мужчина) сам договорился с профессором Шаниным о консультации. Профессор не опроверг возможность перекоса лица при операции, но предложил подняться на второй этаж и показаться профессору Петровой. Под её руководством в течение трёх недель облучения с 20-го апреля по 14-ое мая я получила 3410 рентген. Во время сеансов в специально защищённом помещении меня укладывали и накрывали тяжёлой свинцовой крышкой, оставив открытым только пятно вокруг опухоли. Затем оставляли одну и наблюдали через маленькое окошко. Самое неприятное после нескольких процедур было абсолютное исчезновение вкуса пищи – что селёдка, что манная каша.

А жизнь продолжалась. Мы гуляли с Маринкой по городу, по Каменному и Крестовскому островам, в ЦПКиО, в Таврическом саду, ходили в гости, съездили в Пушкин, где жила в то время Галя Рябошапка с Петей и Леночкой в квартире её папы. Маринка с Леночкой развлекались, прыгая с высокой спинки старинного кожаного дивана. 23-го апреля в родительской квартире вместе с мамой, папой и Лёней отметили Маринкин день рождения. Единственными гостями были Галя с Леночкой. А 25-го числа исполнялось 60 лет папе. Мы с мамой пригласили гостей, накрыли праздничный стол, а папа сообщает, что придёт поздно. Тогда я позвонила его начальнику. Тот с удивлением узнал о папином юбилее и, конечно, к приходу гостей папа был дома. Я не помню, чтобы прежде отмечали день его рождения. Впрочем, как и мамин.

Хотя никаких признаков изменения «фасолины» не было заметно, профессор Петрова закончила курс облучения, т.к., по её объяснению, я получила максимум допустимого, и следует ждать результат аккумуляции. Буквально на следующий день мы с Мариной выехали в Москву, где я её и оставила, т.к. лето ей предстояло провести на даче в подмосковной Махре, в детском садике издательства «Известия», в котором работала Мария Натановна. А я поехала дальше. Будучи в Москве, я подала заявление в МВД (Министерство внутренних дел) на розыск Эмика, т.к. никаких сведений о его местонахождении у нас не было. Исчез он несколько месяцев назад, воспользовавшись отсутствием родителей, которые 14-го декабря ушли на День рождения племянницы

Сони.

Мама этим летом смогла побывать у Лёника, который после операции на позвоночнике находился на излечении на курорте в городе Белгород-Днестровский. После установления диагноза «костный туберкулёз», он отказался от длительного лежания в гипсовой кровати и перенёс две операции. В ходе первой операции были удалены два позвонка, после чего три месяца он лежал только на животе. Планировалось, что при второй операции на ноге будет взята костная пластина для позвоночника. Но наука не стояла на месте, и вместо костной была использована металлическая – нога осталась невредима. Поражает оптимизм этого юноши. Маму он встречал с улыбкой. А она пересказывала его слова: «Ничего мамка! Мы ещё с тобой потанцуем.»

На следующий день после приезда в Новокузнецк я пошла на приём к Вадиму. За несколько дней пути облучённая поверхность покрылась толстой коричневой коркой. Осмотрев её, Вадим предположил, что вскоре корка отвалится и под ней не будет ни «фасолины», ни родинки – нужно подождать. Больничный лист он закрыл, так что назавтра я была уже на работе. Ни о какой реабилитации после облучения и понятия не было. Спасибо ему за то, что, выдав больничный лист, он предоставил мне возможность получить самое передовое на тот момент лечение. Через некоторое время корка действительно отвалилась, «фасолины» не было, а родинку мне удалили много лет спустя, уже в Америке. Была ли на самом деле онкология мне неизвестно – никаких анализов на биопсию не делалось.

В первых числах сентября наш близкий друг Виктор Ермолаев, возвращаясь из Сочи, забрал в Москве Маринку и привёз её домой. И опять началась её садиловская жизнь, моя: садик – работа

– садик – дом – Марина, у Саши: работа, авралы, сон. Продуктов, по-прежнему, в магазинах нет. Иногда добираюсь на рынок и покупаю там мясо. В единственной кулинарии в продаже свиной «фарш» - сплошное сало. Пару раз меня выручает Галя Хуторанская – мы заходим с ней с чёрного входа в «Пельменную» (так, кажется, называлось это заведение) и покупаем по несколько килограммов говяжьего филе. Зима, как обычно в Сибири, была суровой. А однажды, по дороге в садик, мы с Маринкой с удивлением разглядели высоко на дереве синий киоск, в котором обычно неподалёку торговали мороженым. Это было последствие разыгравшегося накануне бурана. Посреди зимы несколько дней подряд по колено в снегу мне пришлось пробираться к окошку детской инфекционной больницы, чтобы повидаться с моим плачущим ребёнком. Поместили её там в отдельный бокс с серьёзным диагнозом - дифтерия, что не подтвердилось, и через несколько дней уже дома мы долечивали ангину. А перед Новым годом ребёнок подхватил в садике ветряную оспу. И хотя накануне встречи Нового года остались только два незаживших прыщика на лбу, я посчитала невозможным пойти в гости к Могилевским, куда мы были заранее приглашены, побоявшись заразить их долгожданного новорожденного внука. Но надо было знать Раису Мееровну! Она не приняла мой отказ, взяв всё под свою ответственность. На всякий случай, я аккуратненько заклеила прыщики. Под утро на обратном пути всю неблизкую дорогу я несла спящую дочку на руках, т.к. Саша посчитал, что она вполне может идти сама, а у него болит живот. Через какое-то время желудок стал беспокоить его всерьёз, и Вадим положил его в больницу на обследование. Саше потребовалось диетическое питание – это при отсутствии нормальных продуктов и при его ненормированном рабочем дне, и при моём 8-ми часовом рабочем дне, и 3-х годовалом ребёнке. Маринкин врач, она же заведующая детской поликлиники по фамилии Король, муж которой работал на той же шахте, что и Саша, выписала якобы для Маринки детское питание. Это несколько смягчило положение. Диагностировали гастрит. Саша перевёлся на более лёгкую, к тому же, односменную работу – начальник газозамерочного участка.

Неудовлетворённая своей работой в проектно-конструкторском отделе, я решила попробовать себя на преподавательской работе, для чего с января 1960 года начала работать почасовиком на Кафедре электротехники Сибирского Metallургического института (СМИ), совмещая с работой на КМК. В течение семестра я вела студентов-заочников, и заведующий кафедрой пригласил меня на постоянную работу со следующего учебного года.

Мы знали, что наш друг Наиль Садыков в это время учился в аспирантуре Ленинградского горного института, и у Саши вдруг вспыхнуло желание поступить туда же. Весной он скоропалительно собрался и улетел. Конечно, у него был громадный опыт практической работы, но этого оказалось мало. Тётя Циля организовала ему занятия с одним из лучших преподавателей английского языка, но экзамен он провалил. Об этом, по секрету, я узнала от Наиля. Естественно, в аспирантуру он не поступил. Сам Саша никогда не рассказал о том, что случилось. К этому времени я с Маринкой, взяв отпуск, прилетела в Ленинград, остановившись на пару дней в Москве. Почти месяц с мамой мы отдыхали в Рощино на даче у тёти Циля и дяди Сени Хуторецких. На выходные приезжал папа. На какое-то время приезжали Мария Натановна с Львом Ефимовичем, навещали тётя Лиза с дядей Гришей. Большой компанией на пароходике побывали в Петергофе, плавали на лодке (дача Хуторецких стояла на берегу, и у них была лодка), обедали на участке за столом из сколоченных досок. Для Маринки там было раздолье. Очередные московские болячки на коже зажили и перестали её беспокоить.

22-го августа 1960-го года я уволилась с КМК, проработав там 5 лет, 6 месяцев и 18 дней, и через 10 дней 1-го сентября приступила к работе в СМИ аспирантом на Кафедре электротехники. Несмотря на то, что на подготовку к двум курсам лекций (Общая электротехника и

Электроизмерительные приборы), лабораторным работам по этим предметам и по предмету Теоретические основы электротехники уходило много времени, я могла свободно им распоряжаться, совмещая с одновременными домашними занятиями и общением с ребёнком. В институте работа ладилась, был хороший контакт со студентами. Зав. кафедрой побывал на моих лекциях и остался доволен. Только посоветовал убрать подальше конспект, чтобы исключить желание заглянуть в него. 12-го апреля 1961-го года во время моей лекции внезапно включилась институтская радиосвязь, и мы услышали сообщение о благополучном завершении космического полёта Юрия Гагарина. Он стал первым в мире космонавтом. Восторгу не было конца! Какая уж там лекция. Но, в отличие от Москвы, никаких шествий по городу не было.

Саша, как и большинство мужчин, мечтал о приобретении машины и несколько лет отмечался в очереди на «Победу», цена которой в 16 тысяч рублей была вполне приемлема для нас. Во время очередной отметки мужчина предложил ему купить «Волгу», очередь на покупку которой у него подошла, а денег не было. Во всяком случае, такую версию изложил мне Саша. К тому же, прошёл слух, что выпуск «Победы» прекращается. «Волга» на тот момент стоила 40 тысяч рублей. Большую часть этой суммы я одолжила у папы. Машина была очень красивой: светло-бежевого цвета с бегущим оленем на носу. Срочно начали строить гараж, а Саша пошёл на курсы по вождению. Однажды возвращаюсь домой около 10-ти часов после занятий с вечерниками, а дома ни Саши, ни Маринки. Дочка нашлась у Ермолаевых. Спешу домой укладывать её спать – ведь завтра рано утром в садик. На лестничной площадке сталкиваюсь с соседкой Верой Николаевной, а по лестнице поднимается Саша. И тут В.Н. спрашивает его, как понравился ему фильм. Саша отвечает, без смущения, что он был на вождении, а не в кино. «Нет, Саша, Вы с Эммой Дубовой сидели в кинозале недалеко от меня. Я прекрасно Вас видела». Только годы спустя он нечаянно оговорился, что подтвердило слова В.Н. Хотя и в тот момент я ни капельки не сомневалась в них. С этой девушкой и её родителями (отец был крупным начальником в тресте «Куйбышевуголь») Саша общался, когда отдыхал по профсоюзной путёвке на берегу Чёрного моря.

К этому времени наши семейные отношения разладились, но измены я не ожидала. Я всё чаще задумывалась о возвращении домой, в Ленинград. Даже обращалась однажды за советом к тёте Циле, но ответа на письмо не получила. Саша категорически заявил, что возвращаться он намерен только в Москву. И я вздохнула с облегчением, т.к. для меня и речи быть не могло о Москве. Я решила, что это лучшее разрешение проблемы: он – в Москву, я – в Ленинград. Начался мой первый двухмесячный институтский отпуск. Маринка уехала на дачу с детсадиком, а я поспешила в Ленинград. Главное – получить разрешение на прописку. И хотя я выписывалась из Ленинграда в связи с официальным направлением на работу после окончания института, мне официально было в ней отказано. Тогда я решила на последний шаг. Первым секретарём Дзержинского райкома КПСС был, на моё счастье, Борис Максимович Фирсов. Мы были знакомы по ЛЭТИ. Учась на последних курсах, он был избран секретарём институтского комитета комсомола, а после окончания института - первым секретарём Петроградского райкома комсомола, после чего возглавил райком партии в том самом районе, где я жила с родителями до отъезда и куда хотела вернуться. Надо сказать, что, записавшись к нему на приём, я очень волновалась - это был мой последний шанс. Все мои волнения были напрасны. Борис тепло меня встретил, распросил о моей послеинститутской жизни, постарался объяснить причину строгостей с пропиской. Мне легко было с ним говорить. Он прекрасно знал какими правдами-неправдами многие выпускники института избегали отъезда из Ленинграда, а честно отработавшие три и более лет не могли вернуться обратно. Наша беседа затянулась, несмотря на очередь в приёмной. Уже прощаясь, он сказал, чтобы я оставила документы и номер телефона в приёмной и

ждала звонок. Буквально через пару дней меня пригласили в районное отделение милиции, где зам. начальника вернул мои документы с надписью в верхнем левом углу: «Прописать по ходатайству секретаря райкома». Счастью моему не было предела. Оформив прописку, я вылетела в Новокузнецк.

Я спешила. Уволилась из института. Заведующий кафедрой пытался меня отговаривать. Сказал, что на следующий учебный год, т.е. с 1-го сентября я назначена старшим преподавателем с соответствующим повышением зарплаты. Если бы не разрушенная семейная жизнь, это бы меня удержало. Ведь никто бы не стал в институте проверять место моей прописки. А преподавательская работа мне очень понравилась, да и получалось у меня это хорошо. Собрала свои личные вещи. Съездили с Сашей на собственной машине на детсадовскую дачу за Маринкой. Выписалась из Новокузнецка. И всё. Попрощавшись со ставшими родными друзьями, мы с Маринкой отправились в новую жизнь. Никаких разборок с Сашей по поводу нажитого имущества, никаких раздирающих сцен прощания. Остаток долга папе за машину Саша пообещал выплатить.

В Ленинграде мы с Маринкой разместились в маленькой комнате родительской квартиры, вытеснив оттуда Лёню. Купила необходимую мебель. Обустроившись, приступила к поиску работы. Знакомые предупредили меня, чтобы не теряла времени на НИИ (научно-исследовательские институты) – еврейку не возьмут. Пошла в проектные институты. Начальников электротехнических отделов моя кандидатура устраивала, а вот начальников отделов кадров, «почему-то», нет. Дядя Сеня Хуторецкий устроил мне свидание с соседом по даче, заведующим кафедрой ЛЭТИ, которую я закончила шесть с половиной лет назад. А.А. Фатеев приехал из Рошино, где отдыхал, узнал меня и предложил должность инженера по научно-исследовательским разработкам (НИР) с окладом 100 рублей в месяц, а остальное – по НИРу. Я не имела представления что это значит и сколько. На преподавательскую работу я пошла бы. Как я поняла гораздо позже, это была моя ошибка. Работа с молодёжью и два месяца летнего отдыха были бы лучше кропотливой сидячей работы, нервотрёпки по поводу сроков окончания проектов и проблемами с отдыхом в летнее время. Но опять же, посоветоваться мне было не с кем. Начальник отдела проектного института Гипротяжмаш, в котором работала моя сокурсница Женя Басина, предложил мне должность инженера с окладом 120 рублей. В то время этот отдел располагался в Инженерном (Михайловском) замке. Там же находился проектный институт с длинным названием Ленгипроэнергопром. Решила зайти и туда. Мне понравился разговор с начальником – простым русским мужиком. В конце разговора Илья Иванович Рудаков заявил, что берет меня с окладом 110 рублей, а «остальное зависит от Вас». Мне это понравилось. А ещё на моё решение повлияло то, что не было никакой протекции. После разговора с главным инженером института проблем в отделе кадров не было, и на следующий день, 28-го сентября 1961-го года, я вышла на работу. Это произошло ровно через месяц после моего увольнения из СМИ, т.е. сохранялся непрерывный трудовой стаж, что было важно для оплаты больничного листа. Ленгипроэнергопром стал третьим и последним местом моей работы, дальше была пенсия.

Маринка радовала всю семью. Была живой, любознательной. На улице не пропускала ни одной афиши: пока не прочтает – не отгадишь. Проходя по улице Пестеля мимо церкви, заявила, что знает как отучить людей ходить в церковь: надо, чтоб они больше работали, тогда у них не будет времени на это. Где уж она услышала про такую проблему? Дома это никогда не обсуждалось. Понравился ей Марик, один из Лёниных друзей. Она заявила, что он будет её мужем. Пришлось Марику подарить ей зелёную ленту. Устроить её в детсадик удалось с помощью тёти Цили. Это был лучший детсад в районе. Будучи в Ленинграде, Фидель Кастро посетил его. На очередной день рождения тётя Цили попросила меня купить Маринке подарок. Я

купила ей туфельки. На следующий год история повторилась, и Маринка решила, что обувь надо требовать от тётки Цици.

А Илья Иванович слово своё сдержал: через три месяца я уже была старшим инженером с окладом 130 рублей, а ещё через два года – руководителем группы автоматики. Дальнейшие передвижения происходили уже без него: сначала он в течение года осуществлял авторский надзор в Корее, где по нашему проекту строили завод по производству аккумуляторов, а возвратившись, ушёл на пенсию. На его похоронах я оказалась единственным представителем института, хотя он отдал институту десятилетия своей жизни.

Внезапно, уже в конце октября 1961-го года, появился мужчина, который, по договорённости с Сашей, сопровождал машину, т.е. всю дорогу ехал вместе с ней на открытой железнодорожной платформе. Мне пришлось оплатить за время простоя железнодорожной платформы пока я договаривалась об аренде гаража, перегоне машины в гараж и, естественно, за саму аренду. Не знаю, сколько заплатил Саша сопровождавшему, но был он без денег и несколько дней до отъезда находился на нашем обеспечении. Наконец, появился и сам Саша, бедный и больной. Новая (старая) обстановка, новые заботы приглушили мои былые обиды. Мужа к жене не могли не прописать. Моя добрая мама отдала ему купленную для неё путёвку в санаторий, и он поехал лечиться в Пятигорск. Маме ни разу в своей жизни не пришлось полечиться в санатории. Вернувшись из санатория, Саша (теперь уже Алик) устроился на работу в Северо-Западное Геологическое Управление. Остро встал вопрос о жилье. На шестерых приходилось 32 квадратных метра, что не давало нам права встать на очередь для получения квартиры, да и ждать бы пришлось десятилетия. В эти годы стало развиваться кооперативное строительство жилых домов. По размеру площади на одного человека у нас было право для вступления в такой кооператив. Вступительный взнос составлял 15% стоимости квартиры, остальную сумму следовало выплатить в течение 15-ти лет, начиная со дня сдачи дома в эксплуатацию. По совету дяди Сени Хуторецкого, я выбрала проект дома на Выборгской стороне. А т.к. двухкомнатные квартиры в этом доме были уже разобраны, решила на трёхкомнатную. Разница в стоимости была небольшая. В это время Управление направило Сашу главным инженером на шахту по добыче слюды со значительным повышением зарплаты. Два года у меня был режим строжайшей экономии. Частенько выручал «Суповой набор» стоимостью в 1 рубль. Исключение делалось только для Маринки, когда покупалось в рыбном магазине на Литейном 100 грамм икры или рыбки. С продуктами в городе начались перебои. Белого (пшеничного) хлеба в продаже не было, а Алик из-за гастрита не мог есть чёрный (ржаной). Приходилось стоять в очередях за «серыми» («хрущёвскими») батонами, если удавалось «поймать» их в продаже. Давали только по одному полуграммовому батону.

В сентябре 1962 года мы с Маринкой поехали на Чёрное море в Новый Афон. Жили 3 недели в комнате с маленькой терраской. Одноэтажный дом стоял среди фруктовых деревьев. По договорённости с хозяйкой, по утрам мы шли в сарайчик и брали для завтрака только что снесённые, ещё тёплые, яички. Прямо на стоявший под деревьями стол, за которым мы сидели, падал спелый инжир. Позавтракав, уходили на пляж – купались, загорали. Маринке очень понравились чебуреки – такие большие жареные пельмени с сочным бараньим фаршем внутри. Их и кукурузные початки горячими продавцы разносили по пляжу в больших корзинах. Хоть здесь мне не приходилось уговаривать дочку поесть. Ходивший по пляжу фотограф дал мне на пару дней фотоаппарат, и я нащёлкала целую плёнку. Денег за пользование фотоаппаратом он не взял. А после пляжа Маринке тоже не было скучно: она играла с хозяйским мальчиком, собачкой – шпицем и тремя её щенками. Во время прогулок по Новому Афону кормила плавающих лебедей – белого и чёрного. В наступившей темноте наблюдали полёт двух спутников с

космонавтами Валерием Быковским и Павлом Поповичем. Пару дней с нами жил Лёник. Но я попросила его уехать, т.к. Маринка нервничала и плакала, не желая делить его внимание с Таней, которая отдыхала недалеко от Афона. На фотокарточках и Маринка, и я в сшитых мною платьях. Увезли мы с собой целое ведро инжира, и всю зиму лакомились вкусным ароматным вареньем.

На следующий год Маринка должна была пойти в первый класс. Первые два летних месяца перед школой она провела на даче детского садика в Рощино, куда её устроил дядя Сеня Х. По выходным мы имели возможность вместе проводить время у него на даче. Я решила, что перед школой ей обязательно надо покупаться в Чёрном море. С большим трудом удалось оформить отпуск в августе, и мы поехали на этот раз в Сочи. Жили мы на территории санатория им. Дзержинского на берегу Чёрного моря у служащих этого санатория и имели право пользоваться столовой, что было очень удобно. Санаторий принадлежал МВД (Министерству Внутренних Дел), поэтому всё там было на высшем уровне – и территория с вечнозелёными деревьями и цветочными клумбами, и пляж с грибками, и чистота, и обслуживание. В основном, время проводили на пляже. Один день, проездом, с нами были Миша Синельников с Наташей и маленьким Игорьком. Миша с Наташей играли в карты, сидя спиной к морю, Игорёк плескался у кромки воды. Я же не спускала глаз с купающейся Маринки. Вдруг волна накрыла Игорька. Реакция у меня была мгновенной – баскетбольные навыки на всю жизнь остаются. Я буквально выхватила из воды захлёбывающегося малыша. А тут и Мишка подскочил. Видимо, краешком глаза он увидел мой рывок и среагировал на него. А у меня довольно долго после этого болела пятка. Однажды нас навестили Миша Марковский с Гитей. Впрочем, всё было прекрасно до тех пор пока у Маринки не стали появляться на теле фурункулы. Самолечением мне заниматься не пришлось, т.к. санаторские медики предприняли необходимые меры, но на пару дней Маринка была лишена купания. А за несколько дней до отъезда у неё подскочила температура до 39 градусов. Два дня я поила её крепким бульоном из телятины. Пришлось срочно менять поезд на самолёт. Но она очень боялась тошноты во время автобусного переезда от Сочи до аэропорта в Адлере. Я держала наготове пакет и всю дорогу отвлекала её вниманием пересказом содержания какого-то авантюрного французского романа, прочитанного накануне. Поездка прошла без эксцессов. В Ленинграде, придя в себя, занялись подготовкой к школе: купили форменное коричневое шерстяное платье, два передника (чёрный – ежедневный и белый – праздничный), кружевные воротничок и манжеты, букварь, письменные принадлежности. Буквально накануне 1-го сентября через какую-то женщину Мария Натановна прислала белый кримпленовый передник. Он был красивее купленного нами и прослужил не один год, но для первоклассницы его пришлось укоротить. Девочка пошла в школу нарядная с красивым букетом цветов.. Сентябрь стоял прекрасный. Одно из воскресений мы с Соней и нашими первоклашками провели в Пушкине. Память об этом дне сохранена на фотокарточках.

Это была последняя зима на Манежном. У меня интересная работа, никаких проблем с Маринкой, из школы её забирает мама. К Маринке стала приходиться учительница музыки. Я наблюдала за ходом строительства дома, сдача в эксплуатацию которого всё время откладывалась. Режим строжайшей экономии очень угнетал. Командировка Алика закончилась. Летом Маринка с мамой жили у Хуторецких в Рощино. Когда нам вручили ключи от квартиры, мы могли уже наблюдать за её внутренней отделкой. До въезда в квартиру мы с Аликом, ползая на коленях, циклевали пол, потом дважды покрывали его лаком. Наконец, дом был принят городской комиссией в эксплуатацию, и в августе 1964-го года мы переехали в свою трёхкомнатную квартиру №40 на 8-м этаже 9-ти этажного дома №23-4 по Большой Объездной улице, позднее переименованной в улицу Академиков Орбели. По тем временам это была большая роскошь! Марина пошла во второй класс в новую школу №124. А т.к. школу в нашем микрорайоне не

успели построить, то чтобы попасть в неё, надо было пересечь широкий и загруженный транспортом проспект Тореза (в то время – Старопарголовский). Мы, родители школьников нашего дома, договорились с женщиной – дворником нашего кооператива, чтобы она за небольшую плату провожала и встречала детей. Однако, через пару месяцев она отказалась брать от меня деньги, т.к. Марина с ней не ходит, а идёт самостоятельно. Меня это, конечно, очень беспокоило. Усугублялось это беспокойство тем, что до возвращения с работы около 6-ти часов вечера я не могла с ней связаться. О мобильных телефонах тогда и не слышали! Но у нас не было и стационарного, на установку которого мы встали на очередь. Правда, нам предложили установить за дополнительные деньги кооперативный, но мы и так были в долгах. Из мебели у нас были кровати, шкаф, и удобная конструкция вроде хельги. Двоюродный брат Алика Юра Кривицкий с женой Наташей подарили две табуретки. И вдруг Алик каким-то образом купил с рассрочкой выплаты на год румынский мебельный гарнитур! Это был финансовый крах! Но очень кстати, т.к. в это время в Ленинграде в гостинице «Европа» остановились мамин двоюродный брат Ошер (Оскар) с женой Мерилин, путешествующие по СССР. В конце 20-х годов Ошер предложил маме выйти за него замуж и уехать из Речицы в Америку, но её мама, моя бабушка Бася, сказала, что она ляжет у порога и не выпустит её. Т.к. вся родня жила в коммунальных квартирах, то никто не решился пригласить их к себе. Выбор пал на нас, хотя было это небезопасно, т.к. властями подобные контакты, мягко говоря, не поощрялись. Своё путешествие гости начали с востока страны. Ленинград был завершающим пунктом их поездки. Они с восторгом рассказывали нам о нашей прекрасной стране. Особенно запомнилось их впечатление о положении евреев. В Академгородке под Новосибирском они познакомились с учёными-евреями, и их поразило то, что те издавали свои труды под полными еврейскими именами. По их утверждению, в Америке это не принято. Знаю, что папа встречался с ними где-то на Черноморском побережье в следующий их приезд. А я с Маринкой виделась с Мерилин в Ялте уже после смерти Ошера – мы отдохали в Алуште, когда Марина перешла в 8-ой класс.

В 1964-м году, т.е. спустя 3 года с начала работы в институте, я была уже руководителем группы автоматики, численность которой была 15 человек. Давал себя знать бесценный опыт, приобретённый на заводе. Занималась и общественной работой: парторг отдела, заместитель секретаря институтской партийной организации. Позднее – заместитель председателя институтской профсоюзной организации. Моя национальность мешала избавиться от приставки «зам». Без скромности могу сказать, что пользовалась авторитетом, как у подчинённых, так и у руководства. С моим мнением считались, и это прибавляло уверенность в себе.

А в отношениях с мужем была пустота. И главное, никаких общих интересов. Даже дочке он не считал нужным уделять внимание. Встретить 1966-ый год мы были приглашены к симпатичной паре, жившей на первом этаже нашего дома. И как раз накануне заболела Марина. Диагноз – воспаление лёгких. Температура к вечеру поднялась до 40*С. А Алик достаёт нарядную рубашку, собираясь на встречу Нового года. К слову, эта рубашка была сшита для Алика в ателье по моему заказу из светло-бежевого крепдешина, подаренного мне тётей Цилей. Короче, тут я не выдержала, выхватила у него эту рубашку и разорвала. Но это его не остановило. Назавтра пришла детский врач, осматривавшая Марину накануне, и рассказала, что всю праздничную ночь поглядывала на мои освещённые окна, понимая моё состояние. Жила она в соседнем доме. В свой летний отпуск Алик поехал отдыхать на нашей машине с холостым соседом по дому Марком в обществе девиц на Чёрное море.

